Д. Янковский

Личность имп. Николая I

§ 38
529

S 38
529

РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗЕЙ * ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ.

нет. в. обл.

Зимн. обрез остр.

Д. П. Янковскій.

ЛИЧНОСТЬ
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I
И ЕГО ЭПОХА.

ЮБИЛЕЙНАЯ РѢЧЬ
ПО СЛУЧАЮ СТОЛѢТІЯ
СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ
25-го іюня 1796-го года.

Первое изданіе допущено **Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр.** въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Л. Шиллеръ и Сынъ.

1900 г.

Дозволено Цензурою.
Варшава 10 Января 1900 г.

2007050618

I.

Дѣтство, воспитаніе и образованіе.

„За царскіе труды, за блескъ и честь вѣнца, за то, что вѣрилъ ей, что онъ съ самозабвеніемъ любилъ ее и былъ ей вѣренъ до конца“—за это все, по выраженію кн. П. А. Вяземскаго, Россія обязана императору Николаю I вѣчною благодарностью.

Великій князь Николай Павловичъ родился въ Царскомъ Селѣ 25 іюня 1796 г. въ $3\frac{3}{4}$ часа утра. Въ тотъ же вечеръ императрица Екатерина II писала одному изъ своихъ приближенныхъ: „Я стала бабушкой третьяго внука, который по необыкновенной силѣ своей предназначенъ, кажется мнѣ, также царствовать, хотя у него и есть два старшихъ брата“. Такимъ образомъ, по выраженію поэта, государынѣ

„. . . . рокъ судилъ
Прозрѣть въ младенцѣ жребій славный:
Могучій волею державной,
На тронѣ рыцаремъ онъ былъ“.

Черезъ десять дней Августѣйшая бабка сообщала Гримму: „Великанъ Николай поминутно проситъ ѣсть, и вотъ уже три дня какъ его стали кормить кашкой: это неслыханное дѣло для ребенка, которому всего недѣля. У нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія; если такъ будетъ продолжаться, придется къ шести

недѣлямъ отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза, а голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего". Этими словами Екатерны II прекрасно характеризуются природные задатки сильнаго сложенія и крѣпкаго здоровья в. кн. Николая Павловича.

Павелъ I, бывшій очень нѣжнымъ отцомъ и хорошимъ семьяниномъ, умеръ, когда сыну его не было еще пяти лѣтъ.

Годы дѣтства в. князя прошли подъ непосредственнымъ и глубокимъ, въ истинно-воспитательномъ отношеніи, вліяніемъ няни шотландки Евгеніи Васильевны Лайонъ, по характеру необыкновенно смѣлой, рѣшительной, прямой, благородной и вспыльчивой, но, какъ и большая часть подобныхъ натуръ, безусловно доброй. Николай Павловичъ былъ пламенно привязанъ къ своей, какъ онъ называлъ, нянѣ-львицѣ (Lyon—каламбуръ самого императора Николая I). Вліяніе няни особенно было важно въ развитіи царственнаго ребенка, такъ какъ императрица Марія Ѳеодоровна, сказавшаяся ангеломъ доброты въ цѣломъ рядѣ дѣлъ благотворительности, къ дѣтямъ своимъ относилась внѣшне холодно, сухо и мало занималась ими.

Объятія и ласки няни были убѣжищемъ отъ холодной методичности и несноснаго формализма учителей-спеціалистовъ, которымъ было поручено образованіе великихъ князей Николая и Михаила. Подъ вліяніемъ этой няни и развивалъ Николай Павловичъ свою природную прямоту, рыцарское блогородство, привязанность къ людямъ и твердость въ поступкахъ; религіозность же была особенной потребностью и врожденнымъ влеченіемъ во всю его жизнь.

Съ 1803 г. в. князь уже совершенно и исключительно остается подъ надзоромъ однихъ мужчинъ. Главнымъ руководителемъ былъ генералъ Ламсдорфъ, мало способный педагогъ;

но, по замѣчанію графа Адлерберга, назначенный, вѣроятно, по свойству съ Лагарпомъ: они были женаты на родныхъ сестрахъ, урожденныхъ Бётлингъ. Система воспитанія, по побужденію самой императрицы Маріи Ѳеодоровны, состояла въ постоянныхъ холодныхъ наказаніяхъ, доходившихъ до жестокости.

Ламсдорфъ, поставившій себѣ цѣлью переломить воспитанника на свой ладъ, напр., вмѣсто того, чтобы мѣрами кротости смягчать отъ природы строптивый характеръ ребенка, представлявшій собою смѣсь нѣкоторыхъ недостатковъ и шероховатостей съ самымъ любящимъ сердцемъ,—позволялъ себѣ даже бить великаго князя линейками, шомполами и т. п. Не разъ случалось, что, въ ярости своей, онъ хваталъ мальчика за грудь или воротникъ и ударялъ о стѣну такъ, что Николай Павловичъ почти лишался чувствъ.

О частомъ употребленіи розогъ можно заключить изъ того, что Михаилъ Павловичъ однажды (19 апрѣля 1804 г.), сдѣлавъ какой-то маловажный проступокъ, прибѣлъ къ своей нянѣ и просилъ, чтобы она его высѣкла. Вѣроятно, онъ думалъ отвратить этимъ сильнѣйшее наказаніе гувернеровъ. Все это должно было только раздражать самобытный, неугомонный и непреклонно-настойчивый характеръ Николая Павловича.

Не смотря на желаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны отвлечь обоихъ сыновей отъ страсти ко всему военному, ей не удалось этого сдѣлать. Духъ времени, выдвинувшій идеи военнаго дѣла, былъ поразительно обаятеленъ: война представлялась защитою правды и стороны слабой, обиженной; залогомъ національнаго величія родины, независимости государства и т. п.

Во время перваго путешествія поэтому Николай Павловичъ отмѣчаетъ въ своемъ днев-

никѣ: „О сю пору при харьковскомъ университетѣ обучающихся студентовъ 180, весьма мало для столь обширной округи, но должно замѣтить, что число оныхъ ежегодно увеличивается, и что въ послѣдніе годы большая часть молодыхъ людей *увлечены были войною предпочтительно наукамъ*". Такимъ образомъ, увлеченіе было настолько сильно, что не только взрослые и лучшія силы (Жуковскій, Батюшковъ и др.) подчинялись ему, но и дѣти, въ игрѣ своей, какъ и въ куклы, подражавшія жизни старшихъ. Великіе князья Николай и Михаилъ едва вставали съ постели, какъ тотчасъ же принимались за военныя игры: играли съ оловяными солдатиками, стояли на часахъ весьма продолжителное время, строили въ саду крѣпости, атаковали ихъ, вырѣзывали изъ бумаги фигуры—артиллерійскія, крѣпостей, гаваней, кораблей и т. п. При этомъ в. кн. Николай всегда строилъ, а Михаилъ — атаковалъ и разрушалъ. Впослѣдствіи Николай Павловичъ очень полюбилъ инженерное искусство и съ увлеченіемъ изучалъ его, особенно подъ руководствомъ полковника Джанотти, и всегда, будучи уже на престолѣ, говорилъ: „Мы—инженеры... Наша инжерная часть..."

Кромѣ этого, в. князь любилъ рисованіе, хорошо владѣлъ перомъ, исполнялъ очень удачные акварельные рисунки. Особенную склонность имѣлъ онъ въ карикатурѣ и чрезвычайно умѣло схватывалъ смѣшныя стороны лицъ. Не менѣе искусенъ былъ онъ въ эскизахъ военныхъ сценъ, типовъ арміи, мундировъ и лошадей.—Нетребовательный и простой, онъ никогда не былъ пристрастенъ къ роскоши: вмѣсто тюфяка обычно употреблялся мѣшокъ съ соломой въ 7 фут. длины и 4 ширины.—Любовь ко всему военному проявлялась и въ врожденной наклонности его къ музыкѣ: не умѣя писать нотъ, онъ сочинялъ военные марши и

имѣлъ удовольствіе слышать ихъ исполненіе хоромъ музыкантовъ Измайловскаго полка; кромѣ этого, в. князь очень любилъ театръ. Впослѣдствіи были особыми любимцами государя актеры: Максимовъ, Самойловъ, Мартыновъ, Сосницкій, Дюръ, братья Каратыгины.

Характеристику взглядовъ Николая Павловича на образованіе можно видѣть въ слѣдующихъ его словахъ: „Не надо долго останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ, которые потомъ или забываются, или не находятъ никакого приложенія на практикѣ. Я помню, какъ насъ мучили надъ этимъ два человѣка, *очень добрые*, можетъ статься, и очень умные, но оба несноснѣйшіе педанты: покойный Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ о смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного; о римскихъ, нѣмецкихъ и, Богъ знаетъ, о какихъ еще законахъ; другой—что-то о мнимомъ „естественномъ“ правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся Шторхъ съ своими усыпительными лекціями о политической экономіи, которыя *читалъ* намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ а потомъ выучивали кое-что въ долбежку, безъ плода и пользы для будущаго“. Также слышны жалобы и на „невыносимыя трудности“ латинскаго языка, не смотря на необыкновенно чрезвычайную память в. князя. Латинскій и греческій языки преподавалъ извѣстный Аделунгъ. Ставъ отцомъ семейства, императоръ Николай I сохранилъ антипатію къ классицизму на всю жизнь и вычеркнулъ древніе языки изъ преподаванія своимъ дѣтямъ. Изъ русской исторіи вниманіе его привлекали дѣянія удѣльныхъ князей, которыхъ Николай Павловичъ сильно порицалъ, въ то же время прихо-

дя въ восторгъ отъ Владимира Мономаха; а въ Гатчинѣ, когда ему въ первый разъ показывали стулья съ высокими спинками, на которыхъ находится шифръ Петра I, онъ молча поцѣловалъ изображеніе имени великаго своего пращура. Добрыя и сердечныя отношенія установились у великаго князя только съ профессоромъ рисованія Шебуевымъ и съ полковникомъ Джанотти, преподававшимъ инженерную часть.

Прекрасной дальнѣйшей школой были путешествія в. князя, во время которыхъ онъ, согласно желанію императрицы, велъ журналъ. Первое заграничное путешествіе относится къ маю 1815 г. Въ путешествіи лѣтомъ 1816 г., по внутреннимъ губерніямъ Россіи, Николаю Павловичу принадлежатъ замѣтки о большемъ или меньшемъ благосостояніи страны о тюрьмахъ, острогахъ и другихъ общественныхъ заведеніяхъ, какъ они ему казались при первомъ обзорѣ. „Въ Порховѣ“, напр., пишетъ великій князь, „арестантскій острогъ съ госпиталемъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что грѣшно не упомянуть объ этомъ“; при чемъ указываетъ на антисанитарную въ гигіеническомъ отношеніи скученность арестантовъ и караульныхъ солдатъ, отсутствіе аптекъ, больницъ, одежды и т. п.—При этомъ Николай Павловичъ обладалъ способностью изящно, просто, точно и ясно выражать свои мысли настолько, что поэтъ Хомяковъ называлъ его лучшимъ стилистомъ послѣ Карамзина. Послѣ путешествія по Россіи в. князь отправился въ Англію; по возвращеніи оттуда въ іюлѣ 1817 г. совершилось его бракосочетаніе съ дочерью прусскаго короля.

Такъ въ общихъ чертахъ представляется дѣтство и молодость Николая Павловича.

II.

Характеристика личности.

Баронъ Корфъ называетъ кабинетъ Николая I—„мастерской вѣчнаго работника на тронѣ“: на столѣ нѣсколько невскрытыхъ пакетовъ ему представляются, вѣроятно, только что присланныхъ, потому что царь никогда не ложился въ постель, не распечатавъ всего полученнаго. Но для большей наглядности изображенія личности государя могутъ прекрасной иллюстраціей служить многія воспоминанія современниковъ и его подлинныя слова, въ разное время вырывавшіяся, какъ итоги думъ, взглядовъ и склада души, искренной, открытой, сердечной, простотой и прямотой великой, полной мужества, великодушія и любви къ родинѣ.

Пушкинъ однажды сказалъ: „Онъ—наидовѣрчивый изъ людей, потому что самъ—человѣкъ прямой; онъ вѣритъ въ искренность людей, которые часто его обманываютъ“.

„Меня“, писалъ государь Паскевичу, „всякій можетъ обмануть *только разъ*, но зато послѣ обмана я уже никогда не возвращаю утраченнаго довѣрія“.

Резолюція по поводу желанія москвичей праздновать 25-тіе царствованія Николая I всероссійскимъ молебномъ гласитъ: „Молиться, буде хотятъ, могутъ вездѣ и каждый про себя, а не въ видѣ общемъ“. Въ Динабургѣ же полковнику Фитингофу государь сказалъ: „Развѣ вы не знаете, что на колѣни становятся только передъ Богомъ.“

При обсужденіи выпуска кредитныхъ билетовъ государь говорилъ: „Прошу сказать Ваше мнѣніе откровенно, нисколько не щадя ав-

торскаго моего самолюбія. Все должно быть основано на довѣріи къ правительству, *на слово его*, что наличность капитала обезпеченя — не прикосновенна".--Не сочувствуя выпуску кредитныхъ билетовъ, министръ финансовъ въ концѣ своего изложенія мнѣнія выразился такъ: „Впрочемъ, какъ Вашему Величеству угодно."— „Здѣсь не въ угодности дѣло—возразилъ государь—знаю, что если я велю, то вы должны исполнить, а теперь вы собраны, чтобъ разсуждать и просвѣтить меня".

Желая вызвать въ подданныхъ полную вѣру въ ненарушимостъ высокаго значенія „*Царскаго слова*", государь и самъ вѣрилъ имъ: во время арестовъ декабристовъ онъ отпустилъ одного молодого человѣка, давшаго честное слово, что онъ не виновенъ.

Въ воспоминаніяхъ Фирсова разсказанъ случай въ день именинъ сестры государя, королевы Виргембергской Маріи Павловны (1843 г. 22 іюля), какъ Николай I, выйдя поздороваться съ кадетами, начавъ съ ними играть и сдѣлавъ видъ, что падаетъ, быстро былъ подхваченъ ими на руки. „Они никогда не дадутъ упасть не только мнѣ, но даже никому изъ членовъ моего дома", сказалъ государь; а выведя в. к. Ольгу и Александру, заставлялъ ихъ дѣлать на привѣтъ кадетъ глубокіе реверансы, приговаривая: „кланяйтесь ниже своимъ слугамъ",—русскимъ-де дворянамъ не стыдно кланяться.—Чувство полнаго взаимнаго довѣрія въ подданныхъ къ государю Николай I особенно воспитывалъ въ учащейся молодежи, относясь къ ней съ родственной близостью. Въ результатѣ, конечно, дѣти и юноши всѣми силами своей души были привязаны и просты въ отношеніяхъ къ императору: появленіе его въ стѣнахъ учебныхъ заведеній было лучшимъ праздникомъ и торжествомъ ихъ. Преданная молодежь—юнкера Михайловскаго артиллерій-

скаго училища никогда не допускали ни государя, ни цесаревича всходить и сходить по лѣстницѣ: всегда несли на рукахъ; оттѣсненное учебное начальство только въ послѣднихъ рядахъ могло слѣдовать за этимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Въ 1833 г. въ Москвѣ, посѣтивъ V гимназію, Николай Павловичъ игралъ съ учениками, сидя на полу: они на память оборвали всѣ его пуговицы, и государь могъ уѣхать, только запахнувши себя шинелью.

Бѣляевъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ императоръ на все обращалъ въ дѣтяхъ вниманіе. Однажды, посѣтивъ гражданскую гимназію и замѣтивъ 12-лѣтняго мальчика, глядѣвшаго внизъ, онъ поднялъ его голову, сказавъ: „Развѣ у тебя совѣсть не чиста?“—Гимназистъ отвѣчалъ: „Чиста, Ваше Величество“. —„А если чиста, то смотри людямъ прямо въ глаза, особенно—когда смотришь на своего государя“. Въ это же время мальчикъ О—ъ, не смотря на повторенное ему лично запрещеніе самимъ Николаемъ Павловичемъ, спокойно до конца вытаскивалъ изъ его шляпы перо *на память* (тогда генеральскія шляпы имѣли перья трехъ цвѣтовъ: чернаго, оранжеваго и бѣлаго).

Любя въ учащихся будущихъ вѣрныхъ сыновъ родины, государь гордился ими и часто призывалъ ихъ во дворецъ и во время торжественныхъ случаевъ. Такъ, напр., въ 1852 г. гр. Паскевичъ по именному приказу привезъ въ Варшаву кадетъ Александровскаго Брестскаго корпуса, гдѣ Николай I представилъ ихъ императору австрійскому и королю прусскому.

Учащіеся вполнѣ чувствовали эту сердечность къ нимъ государя и также искренно, какъ выражали ему радостный пріемъ, такъ и въ своихъ личныхъ или семейныхъ горестяхъ смѣло обращались безъ всякихъ посредниковъ къ Николаю Павловичу. По разсказамъ Кингъ, напр., кадетъ-малютка просилъ о прощеніи бра-

та офицера, обвинявшагося въ нарушеніи дисциплины.

Не только въ отношеніи искренно любимыхъ имъ учащихся былъ такъ доступенъ и такъ простъ въ обращеніи Николай I, но, какъ человѣкъ, и вообще для всѣхъ своихъ подданныхъ, если видѣлъ съ ихъ стороны полную искренность. Подобно ребенку — кадету, сестра офицера Дублянскаго, обвинявшагося въ оскорбленіи полкового командира, утромъ встрѣтивши въ дворцовомъ саду прогуливавшагося государя, прямо обратилась къ нему съ просьбой. Удивленный тѣмъ, что въ неурочное время публика допущена въ садъ, разсерженный императоръ спросилъ, какъ она могла туда попасть. „Я со вчерашняго дня дожидалась!“ отвѣчала дѣвушка, проникшая сюда нарочно еще наканунѣ, въ разрѣшенное для гулянья время.

По Высочайшему приказу было приказано собраться къ ставкѣ Его Величества всѣмъ генераламъ одного корпуса, гдѣ, по письму капитана Челищева (1836 г., августъ, С.-Петербургъ), государь сказалъ: „Господа генералы, вчера я несправедливо обидѣлъ генерала Пенхержевскаго, а въ лицѣ его и васъ всѣхъ, почему и считаю долгомъ, сознаваясь въ моей опрометчивости, извиниться предъ всѣми вами и просить прощенія у генерала Пенхержевскаго“.

Въ 1840 г. въ Кіевѣ послѣ смотра корпуса Кайсарова государь вернулся и перенесъ стараго фельдмаршала князя Витгенштейна на рукахъ черезъ барьеръ, отдѣлявшій эспланаду отъ улицы.

Цѣлый рядъ подобныхъ открытыхъ и непосредственныхъ сношеній съ подданными составляютъ тысячи страницъ воспоминаній современниковъ Николая I, напоминающихъ своей простотой Петра В. Къ памяти же великаго преобразователя его царственный внукъ от-

носился съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ съ самаго дѣтства.

И вотъ, начиная, по разсказамъ генерала Егорова, отъ обласканнаго государемъ въ глуши встрѣтившагося молоденькаго офицера, разсказавшаго подъ вліяніемъ увлеченія простотой самодержца про любимую блондинку; подарка царскаго портрета подъ Черниговымъ въ 1849—50 г. дѣлу; просьбы на Адмиралтейскомъ бульварѣ деревенской бабы о возвратѣ другого сына, взятаго въ военную службу; по воспоминаніямъ Эвальда, о совѣтѣ постройки церкви Георгія Побѣдоносца, чтобы въ Крымской войнѣ выйти побѣдителемъ; просьбы будочника и извозчика къ государю, принятому ими въ ночной темнотѣ, въ декабрѣ, за офицера—разсудить ихъ споръ; разговора на Милліонной улицѣ между Манежемъ и Эрмитажемъ съ мужичкомъ, наивно просившимъ Николая Павловича посодѣйствовать ему видѣть царя, результатомъ чего было Высочайшее распоряженіе пропустить крестьянина поближе посмотрѣть парадъ, а потомъ накормить во дворцѣ; до подобнаго послѣднему разсказа В. Крестовскаго о Скловскомъ раввинѣ,—это все факты, характеризующіе удивительную внимательность императора къ своимъ подданнымъ, не смотря на частую наивность ихъ обращеній, подобныхъ слѣдующему. По воспоминаніямъ Теобальда, однажды государь былъ остановленъ въ дворцомъ саду фонарщикомъ изъ инвалидовъ, спокойно окликнувшимъ его съ высоты своей лѣстницы во время чистки стеколъ и лампочки. Этотъ солдатъ-старикъ, служа чуть не половину другого срока, спросилъ государя, есть ли для инвалидовъ когда-нибудь отставка. На вопросъ царя объ его имени фонарщикъ отвѣтилъ: „А полицеймейстеру не скажете?“—„Не скажу“. Тогда только фонарщикъ назвалъ себя.—По этому случаю Николай Павловичъ

велѣлъ составить штаты для всѣхъ нестроевыхъ командъ. Таковъ былъ въ отношеніи подданныхъ государь, который

„Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье!“

Среди историческихъ русскихъ людей поэтому имена Петра I и Николая I, какъ идеально сочувственныхъ дѣятелей, неразрывно выдѣляются и не только въ указанномъ смыслѣ, но и вообще. Не даромъ поэтъ говоритъ:

„Одушевляющимъ огнемъ
Въ немъ мысль и чувство загоралось,
Печатью генія на немъ
Петра величье отражалось.“

По поводу поѣздки „героя“ во время холеры въ Москву, Пушкинъ почувствовалъ потребность прославить подвигъ царева „сердца“:

„. . . . небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!...“

При всей своей доступности Николай I былъ очень справедливъ, стараясь во всемъ дѣйствовать согласно законамъ государства.

По разсказамъ Костенецкаго, на одну изъ просьбъ такъ онъ отвѣтилъ: „Это правда, сударыня, что одно мое слово можетъ все сдѣлать; но есть такія дѣла, которыя я не хочу рѣшать по своему произволу, — а по закону“.

Другой подобный случай былъ на Невскомъ проспектѣ, когда крѣпостной просился у государя въ солдаты; по наведеннымъ впослѣдствіи справкамъ оказалось, что помѣщица отказалась отпустить просителя, и на именномъ указѣ было написано: „Быть по сему“, такъ какъ Николай Павловичъ считалъ себя не въ

правѣ нарушать закономъ установленныя въ отношеніи крѣпостныхъ права помѣщиковъ.

Имѣя безусловно доброе сердце, государь тѣмъ не менѣе не поддавался чувству милости и прощенія въ ущербъ требованіямъ справедливой кары за преступленія. И вотъ, по воспоминаніямъ кн. Репниной, въ Кіевѣ Бибиковъ былъ свидѣтелемъ, какъ Николай I, какъ человѣкъ, плакалъ, когда ему, какъ царю-блюстителю общественной правды, пришлось отвѣтить отказомъ на потрясающую нервы просьбу несчастной дочери за сосланную въ Березовъ мать.

Николай Павловичъ вознегодовалъ, узнавъ, что на благовонное куреніе во дворцѣ было назначено сто рублей въ день, и приказалъ расходовать эту сумму въ мѣсяцъ. На семейный обѣдъ государя выдавалось по полторы тысячи рублей въ день (ассигнаціями); Николай Павловичъ повелѣлъ выдавать только по 25 руб. на день и т. д. въ томъ же родѣ.

Заботясь о внутреннемъ благоустройствѣ, государь много ѣздилъ по Россіи, не смотря на отсутствіе лучшихъ способовъ ѣзды, кромѣ обыкновенной почты и перекладныхъ; при этомъ онъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно осматривать по нѣсколько корпусовъ арміи. По разсказамъ гр. Ржевусскаго, Николай Павловичъ, при своей образцовой памяти зналъ поименно массу именъ офицеровъ осмотрѣнныхъ имъ полковъ. Поѣздки эти не всегда при тогдашнихъ дорогахъ обходились благополучно, напр., въ Чембарѣ пензенской губерніи ему пришлось даже пролежать двѣ недѣли, такъ какъ переломъ лѣвой ключицы требовалъ безусловнаго покоя; въ Ковнѣ же въ ноябрѣ 1846 г. государь едва не утонулъ во время переправы черезъ Нѣманъ.

Во внѣшней своей политикѣ Николай I стремился къ миру и полной откровенности

и правдѣ. Въ 1844 г., предпринявъ поѣзду въ Англію, онъ говорилъ: „Я хочу завоевать ваше довѣріе, хочу, чтобы вы научились вѣрить, что я человѣкъ искренній—честный человѣкъ...“

„Я стану“, говорилъ онъ въ другой разъ, „во главѣ моей арміи, чтобы во всякое время быть готовымъ принять сообщенія султана и чтобъ остановить движеніе войскъ моихъ, когда это мнѣ покажется нужнымъ. Я буду вести войну не по—турецки“. „Я уже два раза могъ овладѣть Константинополемъ и Турціей“, говорилъ Николай Павловичъ Муравьеву: „въ первый разъ послѣ перехода черезъ Балканы, а второй —нынѣ.“—„Какія выгоды отъ завоеванія Турціи произошли-бы для нашей матушки-то Россіи, т. е. для губерній ярославской, московской, владимирской и прочихъ? Мнѣ и Польши довольно. Мнѣ выгодно держать Турцію въ томъ слабомъ состояніи, въ какомъ она нынѣ находится“. „И безъ греческаго вопроса у меня внутри государства столько дѣла, что хватитъ на все мое царствованіе“. — „Я никогда не захочу, не пожелаю и не вознамѣрюсь прибавить хотя-бы единый вершокъ земли къ пространству Россіи, и безъ того уже обширному.“ Николай I также выражалъ намѣреніе уменьшить численный составъ арміи, тяжелымъ бременемъ ложившійся на недостаточныя средства государства и заняться преобразованіемъ народнаго воспитанія. По личному его выраженію, „все это не похоже на человѣка, желающаго войны. Богъ свидѣтель, что я не хочу ея“. Значитъ, если онъ воевалъ, то только по необходимости. Боевые труды государь дѣлилъ со своими подданными:

„Любви въ прославленныхъ бояхъ
Его къ солдату кто не знаетъ?
Доселѣ тѣнь его витаетъ
На Севастопольскихъ поляхъ“.

П. Алабинъ (ч. III, стр. 272) характеризуетъ, какъ глубоко были поражены войска вѣстью о неожиданной кончинѣ императора Николая I, всегда такъ отечески относившагося къ солдатамъ и входившаго во всѣ мелочи ихъ быта, службы и дѣятельности. Поэтому Николая I любили всѣ военные, отъ генерала до послѣдняго рядового, за его справедливость, истинно царскую осанку и военную выправку: его интересовала какъ выправка солдатъ и тѣло лошадей, такъ и здоровье ихъ.

Въ самый разгаръ войны въ Севастополѣ были тамъ оба в. князья-сыновья Николая I. Въ „Запискахъ“ графа А. Х. Бенкендорфа значится, что, желая лично принять участіе въ командованіи, государь въ 1828 г. 7-го мая смѣло вступилъ на турецкую землю безъ всякаго конвоя, рискуя на каждомъ шагу быть взятымъ въ плѣнъ; подъ Браиловымъ даже занемогъ горячкой; потомъ присутствовалъ при переправѣ войскъ черезъ Дунай. Здѣсь особая довѣренность его къ людямъ сказалась въ томъ, что вѣнценосный храбрецъ, самъ правя у руля, только съ двумя генералами сѣлъ въ лодку, предложенную некрасовцами— русскими раскольниками, подданными воюющей Турціи, въ то время, когда наводили мостъ у крѣпости Исакчи: некрасовцы на глазахъ русскаго войска могли ихъ царя передать въ плѣнъ туркамъ. Отсюда государь, рискуя попасть въ руки непріятеля, съ небольшимъ отрядомъ добрался до Варны, гдѣ была позиція войскъ кн. Меншикова; оттуда опять уѣхалъ безъ конвоя вдвоемъ въ коляскѣ съ гр. Бенкендорфомъ. Какъ относился государь къ своему дѣлу, видно изъ рескрипта кн. Меншикову (1853 г. 3 октября): „Я убѣжденъ, что, жертвуя спокойствіемъ и здоровьемъ, вы найдете награду въ мысли, что эта жертва необходима для пользы имперіи“.

„Въ отношеніи религіи“, говорилъ императоръ барону Корфу, „моимъ дѣтямъ лучше было, чѣмъ намъ, которыхъ учили только креститься въ извѣстное время обѣдни да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ нашей душѣ“. Самъ онъ былъ очень религіозенъ, занимался придворнымъ хоромъ, пѣлъ въ церкви, зная наизусть богослуженіе. Тѣмъ не менѣе царь далекъ былъ отъ вліяній представителей ея, готовыхъ на почвѣ церковной устраивать свои дѣла. Архимандритъ Фотій говоритъ по случаю посѣщенія Николаемъ I Юрьевскаго монастыря 24 мая 1835 г., графинѣ Орловой, разсчитывая, что она, какъ одна изъ приближенныхъ фрейлинъ, перескажетъ его слова: „Царь въ нынѣшнія времена вовсе не приступенъ для насъ духовныхъ, особенно же монаховъ“.--Подъ вліяніемъ религіознаго ученія Николай I, вѣря въ истину самодержавія, неуклонно стремился къ осуществленіюего идеаловъ и черпалъ силу и смыслъ изъ высшихъ постоянныхъ, неизмѣнныхъ источниковъ вѣчной правды, заключающихся въ религіи. Онъ былъ убѣжденъ, что истина не развивается, а постоянна, въ неизмѣнной формѣ и имѣетъ свой опредѣленный, нерушимый обликъ; что истина—не погоня за новыми формами. Поэтому, монархъ, ограниченный однимъ Богомъ и своей совѣстью, просвѣтленной свѣтомъ Христовой истины—вотъ идеалъ правителя, по взглядамъ Николая I. Государство же—форма нравственнаго совершенствованія общества и человѣка вообще на основаніи указаній постояннаго, религіознаго идеала. Значитъ, правда самодержавія заключается въ его неразрывной связи съ религіей!

Строгая опредѣленность взглядовъ, твердость его характера и всеобщее сознаніе, что онъ способенъ былъ не только выражать свою волю, но и приступать тотчасъ къ дѣйствіямъ, давали голосу государя могуществен-

ной страны весьма большое значеніе во всей Европѣ. Для полной характеристики слѣдуетъ прибавить то личное обаяніе императора, о которомъ свидѣтельствуютъ современники. Даже Гизо, недоброжелательно къ нему относившійся, увидавъ Николая Павловича въ Лондонѣ, долженъ былъ признать*) именно его личное обаяніе, величіе и любезность, какими онъ умѣлъ плѣнить королеву Викторію, ея министровъ, лордовъ, дамъ и все смотрѣвшее на него населеніе.

Королева Викторія находила, что государь производилъ на нее впечатлѣніе человѣка несчастливаго; она говоритъ: „онъ суровъ и строгъ, вѣренъ *точнымъ* началамъ долга, измѣнить которымъ не заставитъ его ничто на свѣтѣ“.

Когда въ Парижѣ хотѣли поставить пьесу „L'imperatrice Catherine“, оскорбительную для памяти монархини, то, по повелѣнію Николая I, русскій посланникъ графъ Паленъ настоялъ на запрещеніи представленія. Другой разъ хотѣли поставить пьесу „L'empereur Paul“. Николай I самъ написалъ Людовику-Филиппу, что если эта пьеса пойдетъ на сценѣ, то онъ пришлетъ въ Парижъ милліонъ зрителей для надлежащей ея оцѣнки.

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ характеръ и нравственный обликъ императора, какъ человѣка, гражданина и правителя. Вотъ тѣ взгляды, съ какими онъ, безъ сомнѣнія, и вступалъ неожиданно для себя на престолъ, нисколько не готовясь заранѣе при старшемъ братѣ къ занятію его.

„Я бригадный генералъ, мало свѣдующій въ политическихъ дѣлахъ“, любилъ, по словамъ Татищева, повторять молодой, „искренній“,

---

*) Guizot „Mèmoires pour servir a l'histoire de mon temps“, VI, 208—9.

какъ часто подписаны его письма иностраннымъ дипломатамъ, государь. Наученный личнымъ опытомъ, Николай I сына пріучалъ къ дѣлу. Наслѣдникъ при всѣхъ министерскихъ докладахъ сперва присутствовалъ лишь въ качествѣ слушателя, а съ 16 апрѣля 1841 г. былъ пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта. Въ августѣ же при отъѣздѣ государя на *маневры въ Ковно* и Варшаву послѣдовалъ рескриптъ, что рѣшеніе по дѣламъ комитета министровъ въ Высочайшемъ отсутствіи поручается наслѣднику. Этотъ, по выраженію Корфа, примѣръ нѣкоторымъ образомъ соцарствія, едвали не первый въ нашей исторіи, свидѣтельствовалъ о высокой предусмотрительности Николая I. Каковы же были политическіе вопросы времени, рѣшать которые Николаю I приходилось съ первыхъ дней царствованія?

III.

Смерть императора Александра I.

„Похоронный годъ“(1825), или годъ междуцарствія, отличался во время рѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи полнымъ отсутствіемъ всякихъ распоряженій. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ безмолвствовалъ, указывая только на Петербургъ, какъ на источникъ высочайшей воли. Въ Петербургѣ же полагали, что цесаревичъ либо выѣхалъ въ Таганрогъ, гдѣ тѣло императора Александра оставалось, ожидая перевозки къ мѣсту послѣдняго успокоенія; либо слѣдуетъ въ столицу.

Михайловскій—Данилевскій передаетъ: „Однимъ утромъ пріѣхалъ ко мнѣ жандармъ съ

циркулярнымъ предписаніемъ отъ главнокомандующаго донести, не извѣстно ли мнѣ мѣстопребываніе императора Константина, и не проѣзжалъ ли онъ въ Таганрогъ и по какой дорогѣ. Съ подобнымъ вопросомъ жандармъ долженъ былъ ѣздить по расположенію *всего* третьяго корпуса; такимъ образомъ россійскаго самодержца отыскивали посредствомъ военной полиціи".*)

Данный фактъ прекрасно характеризуетъ полный застой административныхъ, сколько нибудь важныхъ дѣлъ. Наконецъ 3-го (15-го) декабря Николай Павловичъ положилъ конецъ недоумѣніямъ и писалъ князю Волконскому, что онъ все *беретъ на себя*; при чемъ послѣднія слова были *два* раза подчеркнуты великимъ княземъ. Такъ только были начаты хлопоты о перевозкѣ останковъ покойнаго государя.

Черезъ день, 5 (17) декабря великій князь по тому же поводу писалъ князю Волконскому и добавлялъ: „Ежели мы здѣсь останемся безъ повелѣній его величества или въ безызвѣстности его рѣшенія, *будетъ* ли или не *будетъ* сюда, мы не будемъ въ состояніи отвѣчать здѣсь за поддержаніе нынѣшняго порядка и устройство тишины. Михайло Павловичъ, пріѣхавшій третьяго дня съ извѣстіемъ изъ Варшавы, что государь изволитъ уже быть извѣстенъ о несчастномъ вашемъ донесеніи, ничего не привезъ рѣшительнаго и потому отъ матушки возвращенъ въ Варшаву сего же дня, съ неотступною ея просьбою пожаловать сюда, гдѣ его присутствіе необходимо".

...Константинъ Павловичъ не пріѣхалъ въ Петербургъ и упорно отказался отъ своихъ правъ на престолъ въ силу прежде даннаго еще императору Александру I от-

---

*) Рус. Ст., 1897 г., апрѣль, „Похоронный годъ" Н. К. Шильдера.

реченія по случаю женитьбы на графинѣ Ловичъ. Народъ всего этого не зналъ, и въ массу закрадывалась мысль, что онъ насильно устраненъ отъ старшинства. Народные слухи и самые нелѣпые толки зарождались и распространялись подъ сѣнью господствовавшей тогда полной безгласности и невѣжественности толпы. Число ихъ на разныя варіаціи доходило до 51. Тутъ же была примѣшана личность какого-то Феодора Кузьмича, жившаго будто бы 87 лѣтъ въ Томскѣ. Въ разсказахъ о народныхъ слухахъ, записанныхъ Федоровымъ, любопытная черта — протестъ противъ крѣпостного права и убѣжденіе, что смерть императора Александра I произошла отъ господъ; В. князь Константинъ Павловичъ будто былъ отстраненъ, потому что хотѣлъ дать волю крестьянамъ и т. п. Всѣ эти слухи основывались на томъ фактѣ, что 20 марта 1820 г. былъ расторгнутъ бракъ цесаревича Константина Павловича съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною. Въ тотъ же день послѣдовалъ манифестъ, которымъ узаконялось, что лицо императорской фамиліи, вступившее въ брачный союзъ съ лицемъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, т. е. не принадлежащимъ ни къ какому царственному или владѣтельному дому, не можетъ сообщать ему правъ, принадлжащихъ членамъ императорской фамиліи, и что дѣти отъ такого союза не имѣютъ права на наслѣдованіе престола. Какъ бы раскрывая передъ народомъ тайную цѣль, въ видахъ которой былъ изданъ манифестъ, цесаревичъ 12 мая 1820 г. сочетался съ графинею Іоанною Грудзинскою, княгинею Ловицкою. Письмомъ къ императору Александру 14 января 1822 г. цесаревичъ положилъ *офиціальную* основу дѣлу, признавъ, что это „обязательство, которое далъ я *непринужденно* и *торже-*

ственно, при случаѣ развода моего съ первою моею женою".

Въ 1823 г. лѣтомъ московскій архіепископъ, впослѣдствіи митрополитъ, Филаретъ отъ министра Духовыхъ Дѣлъ Голицына узналъ секретную волю государя. Вслѣдъ за тѣмъ ему было передано подлинное письмо цесаревича 1822 г.*) и повелѣно написать проектъ манифеста о назначеніи наслѣдникомъ престола в. князя Николая Павловича. Списки съ составленнаго акта хранились въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, а въ Петербургѣ—въ Государственномъ Совѣтѣ, Синодѣ и Сенатѣ.

Тѣмъ не менѣе послѣ смерти Александра I в. князь Николай Павловичъ велѣлъ хранить указанные акты, выслушалъ въ дворцовой церкви краткое молебствіе 27 ноября съ возглашеніемъ многолѣтія императору Константину и панихиду по усопшемъ императорѣ Александрѣ, извѣстивъ собственноручнымъ объ этомъ письмомъ Константина Павловича, посланнымъ въ Варшаву. Оставалось, чтобы присяга, совершенная въ Петербургѣ, была принесена и всею имперіею, о чемъ и было разослано распоряженіе Сената.

Въ это самое время цесаревичъ принесъ въ Варшавѣ присягу на вѣрность и подданство императору Николаю Павловичу, вторично подтвердивъ свое отреченіе, — по причинѣ чего началась между братьями и вдовствующей императрицей — матерью усиленная переписка. Медленно и гнетуще--неопредѣленно текли тѣ 15 дней до 12 декабря, когда на тронѣ лежалъ гробъ Александра I. Тишина не прерывалась, но въ ней крылось возмущеніе.

Въ субботу, 12 декабря, въ шесть часовъ

---

*) „Восшествіе на престолъ Императора Николая I", составленное по высочайшему повеленію статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ, изданіе 4 (второе для публики), Петербургъ, 1857 г.

утра, в. князя Николая Павловича разбудили извѣстіемъ, что пріѣхалъ и желаетъ его видѣть полковникъ Л. Гв. Измайловскаго полка баронъ Фредериксъ, исправлявшій въ Таганрогѣ при императорѣ Александрѣ I должность коменданта. Онъ привезъ пакетъ отъ барона Дибича „о самонужнѣйшемъ“, адресованный „Его Императорскому Величеству, въ собственныя руки“. Изъ этихъ бумагъ Николай Павловичъ узналъ о тайномъ обществѣ, съ февраля 1816 г. извѣстномъ подъ названіемъ „Союза спасенія“. Обо всемъ этомъ зналъ покойный государь, но не принималъ еще рѣшительныхъ мѣръ, пока не получилъ донесеній уже въ Таганрогѣ отъ юнкера 3-го Бугскаго уланскаго полка Украинскаго военнаго поселенія Шервуда и капитана Вятскаго пѣхотнаго полка Майбороды, обнаружившихъ существованіе заговора, покрывшаго, какъ сѣть, почти всю имперію. Императоръ Александръ I велѣлъ захватить тѣхъ изъ главныхъ злоумышленниковъ, о которыхъ тогда имѣли свѣдѣнія, но не ему пришлось тушить заговоръ...

IV.

Состояніе общества при воцареніи и отношеніе государя къ декабристамъ.

Въ 1813 г. Александръ I былъ императоромъ не только Россіи, но и Европы. Онъ былъ особенно прекрасенъ при вступленіи русскихъ войскъ 1814 г. въ Парижъ. Тутъ императоръ спасъ отъ союзниковъ упавшую Францію, предоставивъ ей избрать родъ правленія.

Въ виду военныхъ дѣйствій въ самой же Россіи послѣ этого постепенно замѣтна забота объ увеличеніи числа войскъ: во всѣхъ полкахъ начались усиленныя ученія, и шагистика вошла въ полную силу. Отсюда начало военныхъ поселеній, цѣль которыхъ уничтожить рекрутскіе наборы и слезы ихъ. Иностранцамъ было предоставляемо много льготъ на службѣ. Вездѣ выдвигались Скалозубы — фрунтовики и Молчалины, не могшіе „смѣть свое сужденіе имѣть“. Цензура сдѣлалась крайне стѣснительной. Въ университетахъ многія каѳедры были уничтожены; во всѣхъ училищахъ запрещено было учить миѳологіи древнихъ.

Распущенный слухъ, будто Александръ I хочетъ перенести столицу въ Варшаву и т. п.,— все это было причиной того, что вслѣдъ за отпоромъ внѣшняго врага отечественной войны совокупностью народныхъ силъ общее вниманіе обратилось на устройство края.

Война безъ цѣли, миръ безъ пользы, сокровенные договоры, управленіе, преданное иноземцамъ, общее лихоимство, неустройство въ законодательствѣ, опустошенныя области и въ пепелъ превращенная столица вопіяли за отечество. Мыслящіе, но неопытные возстали на умственный подвигъ, какъ прежде толпы на рукопашный бой. Молодежь опиралась на обѣтахъ власти: „Я намѣренъ даровать благотворное конституціонное правленіе всѣмъ народамъ, провидѣніемъ мнѣ ввѣреннымъ“ (Рѣчь имп. Александра I въ Варшавскомъ сеймѣ 1818 г.), почему и конституціонныя понятія, болѣе сходныя съ монархическими, обнаружились въ основателяхъ Союза.

Не смотря на всѣ либеральныя мечтанія императора Александра I, о крестьянскомъ вопросѣ было почти совершенно невозможно говорить въ печати. Это, какъ характеристи-

ка времени, не выработавшаго правильныхъ и ясныхъ взглядовъ на крѣпостное состояніе, сказалось и въ томъ, что составители устава Союза Благоденствія недостаточно рѣшительно высказались, такъ какъ членамъ рекомендовалось *только* человѣчное отношеніе и, въ случаѣ возможности, борьба съ злоупотребленіями помѣщиковъ. В. А. Жуковскій и это считалъ идеально—высокой и благодѣтельной мыслью. Н. И. Тургеневъ, стоявшій за уничтоженіе крѣпостного права, говоритъ, что было замѣтно въ членахъ Союза стремленіе къ политической свободѣ безъ желанія освободить крестьянъ, не смотря на то, что законъ давалъ это право.

Молодежь усиленно разсуждала противъ палки вообще, много толковала о крѣпостномъ состояніи, хотя и сбивчиво, но, тѣмъ не менѣе, съ азартомъ увлекаясь. Застрѣльщиками стремившагося къ выработкѣ общественнаго мнѣнія безразлично были на совѣщаніяхъ и такіе, которые въ царствованіе Николая I являются прекрасными чиновниками и государственными администраторами, напр., оба Перовскіе; изъ нихъ одинъ былъ впослѣдствіи министромъ Удѣловъ, а другой — оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ.

Императоръ Александръ I многое зналъ и, по словамъ Якушкина, сказалъ однажды князю П. М. Волконскому: „Эти люди могутъ, кого хотятъ, возвысить или уронить въ общемъ мнѣніи; къ тому же они имѣютъ огромныя средства: во время неурожая въ смоленской губерніи они кормили цѣлые уѣзды.“

И при этомъ назвалъ Якушкина, Пассека, Фонъ-Визина, Михаила Муравьева и Левашева.

Такъ въ общихъ чертахъ рисуется состояніе русскаго общества предъ вступленіемъ на престолъ императора Николая I. Значитъ, близкое знакомство съ Западомъ во время

войны съ Наполеономъ, въ самой даже Франціи, только усилило начавшееся въ царствованіе Александра I стремленіе къ реформамъ; духъ и ожиданіе ихъ глубоко жили въ обществѣ. Въ комедіи Грибоѣдова, разсказывая о клубныхъ крикунахъ, даже какой-нибудь взяточникъ въ интимной бесѣдѣ твердилъ: „Я вамъ скажу: знать, время не приспѣло... но что безъ нихъ не обойдется дѣло“. И вывѣтрившій въ себѣ всѣ задатки возвышеннаго и прекраснаго, кутила Репетиловъ еще твердилъ съ просонья: „Но государственное дѣло... оно, вотъ видишь, не созрѣло--нельзя же вдругъ...“

Такимъ образомъ бунтъ 14 декабря былъ слѣдствіемъ тогдашнихъ обстоятельствъ. Тоже стремленіе къ реформамъ было и въ движеніяхъ декабристовъ, ставившихъ себѣ задачею освобожденіе крестьянъ и связанные съ ними вопросы преобразованій. Разительный неуспѣхъ 14 декабря ясно свидѣтельствуетъ о совершенномъ отсутствіи въ народѣ даже тѣни сочувствія къ насильственнымъ переворотамъ. Какъ смотрѣли на него старики, видно изъ письма Н. М. Карамзина къ князю П. А. Вяземскому (31 декабря 1825 г.): „Богъ спасъ насъ 14 декабря отъ великой бѣды. Это стоило нашествія французовъ“.

Цѣли, какія ставили декабристы, были слѣдующія: уменьшеніе войска и срока службы, уничтоженіе военныхъ поселеній, расширеніе правъ торговли; поддержка покинутыхъ всѣми европейскими государствами грековъ, борьба противъ рабства и торговли людьми. Кромѣ того, декабристы считали Константина Павловича врагомъ всякой свободной мысли. Однакоже руководители заговора воспользовались непониманіемъ темной массы и солдатъ, чуждыхъ всякимъ желаніямъ преобразованій: слову „конституція“ просто-

душные солдаты придавали нелѣпое значеніе „супруги Императора Константина".

Тѣмъ не менѣе воцареніе Николая Павловича сопровождалось страшно-тяжелыми событіями волненій, охватившихъ общество въ лицѣ многочисленныхъ представителей бурно-увлекшейся молодежи, тѣмъ болѣе опасныхъ, чѣмъ болѣе искренни были ошибки ихъ въ непониманіи современныхъ нуждъ и обстоятельствъ, въ сердечномъ желаніи и безусловномъ неумѣніи исправить недостатки. Самонадѣянные политически — экзальтированные реформаторы, идеализируя свой порывъ, были особенно опасны при полной неожиданности преждевременной смерти императора Александра I; тревожномъ недоумѣніи и гнетущей безпомощности массы по случаю отказа в. кн. Константина Павловича отъ старшинства по праву престолонаслѣдія и такого же отреченія изъ уваженія къ первородству со стороны Николая Павловича; при этомъ были двѣ разнорѣчащія одна другой присяги, секретное завѣщаніе Александра I въ пользу Николая Павловича, найденное въ архивѣ. Въ это время даже Аракчеевъ осмѣлился не принять генералъ-губернатора Милорадовича, присланнаго къ нему экстренно Николаемъ Павловичемъ и указавшаго на приказаніе тогда в. князя, который, какъ не могъ не знать Аракчеевъ, долженъ былъ быть царемъ. Данный фактъ прекрасно характеризуетъ, какъ одиноко могъ себя чувствовать Николай Павловичъ въ тяжелое и для него и для Россіи междуцарствіе съ 19 ноября по 14 декабря 1825 г. Великій князь поэтому то и просилъ Константина Павловича пріѣхать въ Петербургъ, но тотъ наотрѣзъ отказался отъ такого единственнаго способа вывести брата изъ затруднительнаго

положенія*). Члены тайнаго общества хотѣли воспользоваться новой присягой, повергшей многихъ въ недоумѣніе. Такъ, введенные въ заблужденіе нижніе чины нѣкоторыхъ частей гвардіи отказались отъ присяги Николаю Павловичу и собрались на Петровской площади, предъ зданіемъ сената, являясь какъ-бы защитниками законныхъ правъ на престолъ цесаревича Константина Павловича. Великъ долженъ былъ быть характеръ и сила воли Николая I, чтобы, зная о готовящемся возмущеніи, не потеряться и сохранить невозмутимое хладнокровіе.

„Послѣзавтра поутру", писалъ в. князь Николай барону Дибичу, „я или государь, или безъ дыханія... Я напередъ всего былъ честнымъ человѣкомъ, чистъ и совѣстью и дѣлами... Вы получите извѣстіе, что все здѣсь въ порядкѣ и кончено, или иначе я живъ не осатнусь..."

И дѣйствительно, государь, только благодаря своей необыкновенной энергіи, безстрашно и лично явившись среди бунтовщиковъ, ежеминутно рискуя жизнью, самъ подавилъ возмущеніе: недаромъ эпизодъ на Петровской площади онъ приказалъ внести въ свой формуляръ**). „Дорогой, дорогой Константинъ", написалъ въ тотъ же вечеръ государь цесаревичу,—„воля Ваша исполнена: я императоръ; но какою цѣною, Боже мой!—цѣною крови моихъ подданныхъ." „Это былъ единственный при-

---

*) По дневнику Дивова, будто бы в. князь отвѣчалъ, что было бы слишкомъ много требовать отъ него, чтобы онъ собственноручно возвелъ своего брата на престолъ.

**) Такимъ же смѣлымъ, твердымъ и властнымъ успокоителемъ народа и возстановителемъ порядка государь оказался при возмущеніи во время холеры на Сѣнной площади и во время усмиренія бунта военныхъ поселеній Новгородской губерніи 1831 г. Въ разныхъ мѣстахъ возмутившіеся, какъ послѣдствіе заговора 14 декабря, крестьяне говорили, что покойный государь далъ имъ свободу.

мѣръ, что два брата спорили между собою не о томъ чтобы отнять престолъ другъ у друга, а о томъ, чтобы уступить его. „Меня не съ чѣмъ поздравлять,—обо мнѣ сожалѣть должно“, говорилъ Николай Павловичъ при вступленіи на престолъ.

Императоръ, по своему обѣту въ первый же день воцаренія, хотѣлъ „жить единственно для любезнаго отечества.“ Высочайшій же манифестъ, возвѣстившій Россіи о совершившемся, 22-го августа 1825 г., коронованіи, заканчивался такъ: „Да изочтетъ Всевышній всѣ дни жизни Нашей днями счастія и славы любезнаго отечества.“ Орудіемъ къ достиженію этой цѣли была справедливость, чуждая всякому увлеченію. Поразительно-великодушнымъ, какъ великій безпристрастіемъ и неограниченный монархъ, Николай I особенно рельефно сказался въ своихъ отношеніяхъ къ осужденнымъ участникамъ бунта декабристовъ, лично слѣдившій за допросами. Строго карая виновныхъ и различая ихъ отъ заблуждающихся, государь не забывалъ въ нихъ ошибочно и роковымъ образомъ увлекшихся людей: не прощая ихъ, какъ государственныхъ преступниковъ, государь глубоко жалѣлъ о нихъ, какъ о несчастныхъ людяхъ. По его милостивому распоряженію были собраны подробныя свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи и домашнихъ обстоятельствахъ ближайшихъ родственниковъ осужденныхъ: всѣмъ семействамъ, жившимъ бѣдно, были оказаны щедрыя пособія въ видѣ постоянныхъ пенсій или единовременныхъ выдачъ. Матери и сестрѣ капитанъ-лейтенанта К. П. Торсона, сосланнаго въ Сибирь, государь назначилъ въ пенсію жалованіе его на службѣ. Дѣтямъ декабристовъ, родившимся въ Сибири, разрѣшено было поступать въ казенныя заведенія для дворянскихъ семействъ; по окончаніи курса имъ возвращались права, ко-

торыхъ лишились отцы. Какъ отнеслись къ этому декабристы, видно изъ письма С. П. Трубецкого къ архіепископу иркутскому Нилу.

Объ этихъ людяхъ, по преданію, еще императоръ Александръ I передъ смертью высказался, какъ объ особаго рода виновныхъ, когда говорилъ, узнавши о заговорѣ: „не мнѣ, тѣмъ же раньше увлекавшемуся, карать ихъ!“

Поэтому то и царь Николай Павловичъ, хотя много претерпѣвшій отъ нихъ, какъ истинно—справедливый человѣкъ, отнесся къ декабристамъ безъ ненависти и мести, а особенно внимательно, какъ можно только отнестись гуманно къ больному, лишь удаливъ его во избѣжаніе заразы здоровыхъ: ихъ рѣшено было сгруппировать въ одномъ мѣстѣ и не смѣшивать съ другими арестантами. Для надзора за декабристами былъ избранъ человѣкъ, извѣстный по своей честности, прямотѣ и сердечной теплотѣ—генералъ-маіоръ С. Р. Лепарскій.

Все вниманіе къ семьямъ осужденныхъ лучше всего характеризуетъ въ императорѣ письмо казненнаго впослѣдствіи поэта Рылѣева къ своей женѣ: „Ты просишь, чтобы я наставилъ тебя, какъ благодарить его. Молись, да будетъ онъ имѣть въ своихъ приближенныхъ друзей нашего любезнаго отечества и да осчастливитъ онъ Россію своимъ царствованіемъ“. Значитъ, самъ Рѣлѣевъ даже въ ожиданіи казни вполнѣ чувствовалъ и признавалъ въ государѣ безусловное желаніе „осчастливить“ обоимъ имъ „любезное“ отечество*). И Николай Па-

---

*) Казнено было пятеро: Рылѣевъ, Пестель, Муравьевъ, Бестужевъ и Каховскій. Разслѣдованіе установило ихъ умыселъ на потрясеніе имперіи, ниспроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка. Для этого они преслѣдовали три способа средствъ: цареубійство, бунтъ, мятежъ.

Рылѣевъ былъ обвиненъ въ бунтѣ войскъ, въ составленіи като-

вловичъ понималъ честность декабристовъ, когда однажды, обманутый довѣренными лицами, сказалъ: „Рылѣевъ и его друзья такъ со мною не поступили бы.“

Рылѣевъ, главный двигатель бунта, искупляетъ свое увлеченіе глубокомысленнымъ изреченіемъ, когда говорилъ: „Я признаю себя главнымъ виновникомъ происшествій 14 декабря; я могъ все остановить и, напротивъ, былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно, нужную для Россіи, то, конечно, я, не смотря на мое раскаяніе и совершенную перемѣну образа мыслей. Дѣйствительно, Рылѣевъ, увидѣвъ, что на площади не было главнаго руководителя, который долженъ былъ распоряжаться направленіемъ бунта, Трубецкого,—поѣхалъ его искать и не возвращался больше, не найдя нигдѣ провозглашеннаго диктатора. Трубецкой же воображалъ, по словамъ Рылѣева, что 14 декабря — родъ прежнихъ дворцовыхъ перемѣнъ, и что достаточно одного полка заставить Николая Павловича отказаться отъ правъ самодержавія; но когда по началу увидѣлъ противное, немедленно поѣхалъ присягать въ Главный Штабъ, дабы этимъ хоть немного загладить свою вину.

хизиса свободнаго человѣка, возмутительныхъ пѣсенъ, стиховъ и манифеста; въ общемъ онъ былъ сторонникомъ ограниченной монархіи.

Пестель былъ обвиненъ за мысль покушенія на жизнь Александра I: возбуждалъ офицеровъ къ бунту; стоялъ за истребленіе всего царствующаго дома и противъ наслѣдственнаго порядка монархій; былъ составителемъ плановъ, уставовъ и конституціи—„Русской правды“ — въ духѣ республиканскомъ, хотя она доказываетъ совершенное незнаніе отечественнаго края, свойствъ, выгодъ и потребностей его.

Сергѣй Муравьевъ—Апостолъ съ Черниговскимъ полкомъ пошелъ на г. Васильковъ; онъ составитель прокламацій; освободилъ колодниковъ; подкупилъ даже священника къ чтенію лжекатихизиса, имъ составленнаго, и взять съ оружіемъ въ рукахъ.

Бестужевъ-Рюмин составилъ катехизисъ, въ которомъ доказывалось, что найлучшій порядокъ правленія республиканскій; взять съ оружіемъ въ рукахъ; быль за смерть Николая I и убѣждалъ къ бунту другихъ.

Каховскій замышлялъ убить императора, ранилъ Милорадовича, убилъ полковника Стюрлера и ранилъ свитскаго офицера.

Какъ особая милость, не въ примѣръ обычаю, женамъ этихъ государственныхъ преступниковъ разрѣшено было жить съ мужьями. Одною изъ первыхъ, пожелавшихъ воспользоваться этимъ правомъ, и была воспѣтая Некрасовымъ „русская женщина"—княгиня Марія Николаевна Волконская, урожденная Раевская, къ семьѣ которой Пушкинъ былъ такъ родственно близокъ. Поэтому особенно цѣнны отзывы великаго поэта, современника вообще и лично знавшаго государя, въ то же время близко стоявшаго къ главнымъ участникамъ заговора. Почти сейчасъ же послѣ ихъ ссылки въ 1826 г. стихи—

„Въ надеждѣ славы и добра,
Гляжу впередъ я безъ боязни..."—

привѣтствуютъ начинавшееся и укрѣплявшееся спокойное правленіе молодого государя, которому, при всей „Николаевской строгости и требовательности", неподкупный поэтъ сочувствуетъ:

„Но не жестокъ въ немъ духъ державный...
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ".

Ода Пушкина „Друзьямъ", упрекавшимъ поэта въ неискренности: „Нѣтъ! я не льстецъ, когда хвалу свободную слагаю...", указываетъ и причину глубокой признательности поэта:

„Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ—и съ вами снова я!
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою..."

По преданію, государь будто даже сожа-

лѣлъ, что казнилъ Рылѣева, узнавъ только впослѣдствіи, что онъ былъ поэтъ.

Вообще нужно удивляться, какъ могъ, не вдаваясь въ тяжелыя крайности, императоръ Николай I такъ спокойно разобраться въ хаосѣ общественной русской мысли, сбившейся съ пути правильнаго пониманія другъ друга не только въ лицѣ молодежи и старой, консервативной партіи, но даже въ средѣ самихъ декабристовъ, не смогшихъ хоть теоретически согласить свои взгляды.

„Два доноса въ 1831 г.“, изданные Шидлеромъ, прекрасно характеризуютъ это время.

По словамъ Санглена, фанатическій доносъ былъ едва ли не на всѣхъ, окружавшихъ покойнаго государя и оставшихся при Николаѣ I. Всѣ были объявлены иллюминатами: князь А. Н. Голицынъ, Кочубей, Сперанскій, самъ императоръ Александръ I, даже митрополитъ Филаретъ безъ малѣйшихъ доказательствъ. Ненависть къ Сперанскому такъ же была сильна въ 1830 г., какъ и въ 1812 г. Доносъ будто бы имѣлъ въ виду 25-й заговоръ противъ престола и самодержавія.

Во всемъ проглядываетъ боязнь революціи, которой, по словамъ доноса, только и препятствуютъ, что духовенство и дворянство: въ этомъ замѣтенъ духъ Магницкаго, боящійся даже разсужденія о магнитной стрѣлкѣ.

V.

Цензурный уставъ и отношеніе Николая I къ писателямъ и поэтамъ.

Безпристрастный и вѣрный взглядъ императора Николая I на литературу нашелъ себѣ

яркое выраженіе въ цензурномъ уставѣ 10-го іюня 1826 г., составленномъ хотя и подъ непосредственнымъ наблюденіемъ министра Народнаго Просвѣщенія, извѣстнаго Шишкова, но, безъ сомнѣнія, съ одобренія самого государя. Этотъ уставъ сравнительно съ уставомъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I, выработаннымъ врагомъ науки и свободной мысли, Магницкимъ, принадлежитъ совершенно новой, лучшей эпохѣ въ исторіи русской образованности.

Уставъ 1826 г. не связывалъ ума и дарованій писателя, служа въ тоже время къ обузданію своевольныхъ и неосновательныхъ мыслей. Цѣль же Магницкаго та, чтобы цензура, какъ карательный бичъ, какъ обузданіе гордыни человѣческой мысли, была твердой оградой отъ покушеній духа тьмы и противодѣйствіемъ пагубному духу времени, выразившихся въ политическихъ потрясеніяхъ Европы, обнаружившихъ также свое вліяніе на литературу и общественное мнѣніе. Тогда, по мѣткому выраженію поэта, литературу хотѣли обратить въ гаремъ, а цензора въ докучнаго евнуха; при чемъ, не могло быть законныхъ правъ къ оправданію, такъ какъ цензура судила по подозрѣнію.

Лучшимъ доказательствомъ служитъ письмо Жуковскаго къ министру Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, 17 августа 1822 г., изъ Царскаго Села относительно баллады Вальтеръ-Скотта „Рыцарь Смакгольмъ“, переведенной имъ подъ заглавіемъ „Ивановъ вечеръ“. Цензура, въ лицѣ своего предсѣдателя Рунича, безпощадно осудила балладу, признавъ ее чуждой всякой нравственной цѣли, оскорбляющей даже обряды православной вѣры, такъ какъ въ ней описывается свиданіе наканунѣ постныхъ дней и говорится о соблазнительныхъ вещахъ. Близорукость цензуры вполнѣ обрисовывается

тѣмъ, что она пропустила ту же балладу безъ измѣненія содержанія лишь подъ нерусскимъ заглавіемъ—„Дунковъ вечеръ“. Между тѣмъ, спустя только нѣсколько лѣтъ и даже послѣ бунта декабристовъ, Шишковъ въ царствованіе Николая I уже говорилъ, что цензура—печальная необходимость для огражденія отъ лицъ, не понимающихъ значенія печати и достоинства литературы; она поэтому должна быть составлена изъ немалаго круга людей ученыхъ, честныхъ, благоразумныхъ, отъ которыхъ бы никакіе цвѣты не закрыли змѣю, и напротивъ, *простая травка не казалась бы имъ змѣиными жалами.*

Различіе близкихъ по времени и такъ діаметрально противоположныхъ по духу уставовъ объясняется, говоритъ Сухомлиновъ, различіемъ въ направленіи двухъ памятныхъ эпохъ въ исторіи русской образованности. Это тоже знаменательное явленіе, идеально рисующее главу-руководителя эпохи, Николая I. И вотъ комедія „Горе отъ ума“, представленная въ 1823 г. Грибоѣдовымъ для разрѣшенія печатать, только теперь могла выйти въ свѣтъ и то по именному одобренію, потому что осилившая реакція послѣднихъ лѣтъ предшествующаго царствованія во главѣ съ Магницкимъ и Руничемъ и грубо-темная масса Скалозубовъ и Фамусовыхъ съ авторитетомъ говорила:

„Ужъ коли зло пресѣчь—
Забрать всѣ книги бы да сжечь“.

Скоро дѣйствительность доказала недостатки и этого съ виду лучшаго контроля цензуры, и уставъ Шишкова, прозванный *чугуннымъ*, просуществовалъ, къ счастью литературы, всего два года. Цензоръ Глинка говорилъ, что, руководствуясь правилами его, „можно и „Отче Нашъ“ истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ“, потому что Шишковъ все же требовалъ отыскивать подъ личной наружной благонамѣрен-

ностью тайный, зловредный смыслъ. Въ 1826 г. жертвою тѣхъ университетскихъ порядковъ, какіе были заведены по всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ по плану Магницкаго, былъ 19-лѣтній студентъ Полежаевъ, обѣщавшій собою появленіе недюжиннаго таланта.

Въ началѣ 1826 г. была назначена ревизія Казанскаго университета; она была поручена генералъ-майору П. Ѳ. Желтухину, который съ первыхъ же словъ обнаружилъ, къ чему эта ревизія клонилась, назвавъ фанатизмомъ гоненія на сочиненія Вольтера и другихъ энциклопедистовъ. Магницкій, уволенный отъ службы, влачилъ свою жизнь въ изгнаніи, всѣми забытый, ссылаемый на житье то въ Ревель, то въ Одессу, то въ Херсонъ, и не находилъ ни малѣйшаго участія и сочувствія въ окружавшихъ.

Императоръ Николай I уже въ 1827 г. повелѣлъ не только не держаться устава о цензурѣ 1826 г., но и самый уставъ этотъ подвергнуть подробному разсмотрѣнію, не смотря на недавнее его обнародованіе, а 22 апрѣля 1828 г. былъ уже утвержденъ новый уставъ. Вѣдомство цензуры заключено въ предѣлахъ, болѣе соотвѣтствующихъ ея назначенію. Ей не представляется уже въ обязанность давать какое-либо направленіе литературѣ и общественному мнѣнію: она должна только запрещать, какъ таможня, изданіе и продажу тѣхъ произведеній, которыя вредны въ отношеніи вѣры, престола, добрыхъ нравовъ и личной чести гражданъ.

По § 6 новаго устава цензура принимала *всегда за основаніе явный смыслъ* рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія въ дурную сторону; она не можетъ входить, по § 15, *въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое*, буде только оно не вредно, *и не должна исправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи.* § 12 разрѣ-

шалъ обсужденія въ печати мѣръ о новыхъ общественныхъ изданіяхъ, объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, фабрикъ и т. п.

Въ это время очень легко разрѣшалось изданіе новыхъ журналовъ и альманаховъ. Жалобы авторовъ и издателей въ главное правленіе на произволъ цензоровъ принимались во вниманіе и очень часто разрѣшались въ пользу истцовъ. Словомъ, при всѣхъ дисциплинарныхъ взысканіяхъ цензоровъ и отсиживаніи ихъ на гауптвахтахъ, характеризующихъ вообще Николаевское время, до революціи 1830 г. цензура можетъ вполнѣ считаться либеральной. Іюльская революція не замедлила поколебать послѣднія попытки устоять на почвѣ вѣрности уставу подъ вліяніемъ овладѣвшей цензорами паники и представителями общества, какъ видно изъ того, что по дѣлу обвиненія Полевого министромъ Уваровымъ шефъ жандармовъ былъ защитникомъ перваго.

Другимъ характернымъ фактомъ, что сами представители общества настойчиво просили государя о строгостяхъ цензуры, служитъ полемика Канкрина, выражавшаго притязаніе на участіе въ цензурѣ на основаніи порядковъ, установленныхъ въ послѣдніе годы Александра I. Государь всетаки отказалъ этому министру въ желаніи его контролировать статьи по финансовому управленію. Не даромъ въ 1836 г. Пушкинъ пишетъ, что „одно спасеніе, если государь успѣетъ самъ и прочитать и разрѣшить“.

Впослѣдствіи цензура была поставлена въ болѣе тѣсныя рамки въ связи съ западно-европейскими либеральными теченіями и внутренними. Такъ въ началѣ 1842 г. составлялись въ Россіи общества съ планомъ массоваго движенія. Средствомъ достиженія плановъ было вооруженіе крестьянъ противъ помѣщи-

ковъ съ цѣлью передѣлать все человѣчество для блага будущаго. Подобныя собранія были открыты по пятницамъ у Буташевича-Петрашевскаго, автора литографированной записки „О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній". Здѣсь, между прочимъ, возбуждались развившіеся потомъ въ крайнія направленія вопросы противъ религіи, правъ собственности, уничтоженія семейныхъ началъ и т. п.

Не смотря на крайности увлеченій, съ самаго вступленія на престолъ Николай I своимъ высокимъ примѣромъ училъ массу относиться съ величайшимъ уваженіемъ не только къ книгамъ, но и къ авторамъ ихъ. Самъ же государь, какъ извѣстно, былъ настоящимъ любителемъ и тонкимъ цѣнителемъ литературы и искуства, увлекался, по словамъ Пушкина, Гомеромъ, хотя, конечно, нерѣдко подчинялся въ этомъ духу своего времени и, быть можетъ, нѣкоторымъ условіямъ своего высокаго положенія. Онъ внимательно читалъ произведенія Пушкина, не только, какъ „цензоръ", но какъ доброжелательный къ автору знатокъ, часто дѣлая на поляхъ рукописей замѣтки и исправленія касательно содержанія и стиля, съ которыми Пушкинъ иногда совершенно искренно соглашался.

Въ 1826 г. стоялъ наготовѣ военный корабль, исключительно предоставленный въ пользованіе больного Карамзина, чтобы везти его въ Италію.

Впослѣдствіи, не стѣсняемая фанатичными придирками цензуры Магницкаго, русская мысль свободно развилась въ общественномъ самопознаніи, найдя своихъ великихъ выразителей въ цѣлой плеядѣ первоклассныхъ народныхъ писателей, обогатившихъ самобытную художественную литературу,—эти вѣчно-памятныя имена никто другіе, какъ Жуковскій,

Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь, Крыловъ, гордость и красота русскаго сердца и національной души нашей.

Самое теплое отношеніе съ благодарнымъ вниманіемъ къ нимъ всегда высказывалъ наглядно императоръ Николай I. Это особенно сказалось въ отношеніи къ Пушкину. Послѣ роковой дуэли государь упрекалъ Бенкендорфа за то, что полиція не помѣшала, и самъ послалъ князя Петра Волконскаго къ лейбъ-медику Арендту, а князя Григорія Волконскаго къ другому доктору, сказавъ имъ: „Я сдѣлаю распоряженія. Если вамъ нужно будетъ ледъ, шампанское, еще что-нибудь, тотчасъ идите во дворецъ, даже ночью, и берите все нужное". Жуковскому же Николай Павловичъ говорилъ: „я не буду спать эту ночь, я не лягу, пусть каждые два часа мнѣ присылаютъ извѣстія... Его смерть національное горе. Для меня это страшная потеря, такъ какъ всякая потеря для Россіи затрогиваетъ меня до глубины сердца".

На другой день, *) утромъ, между 7 и 8 часами, государь пришелъ въ сѣни дома Волконскихъ, вызвалъ швейцара и спросилъ: „онъ еще живъ?" —Швейцаръ въ первый моментъ не узналъ царя (было еще темно) и не понялъ вопроса. Государь повторилъ: „А. С. Пушкинъ боленъ, *живъ-ли онъ еще?*"—Швейцаръ отвѣтилъ: „Да, одинъ изъ докторовъ только что ушелъ и велѣлъ мнѣ говорить, что онъ еще живъ". Такъ участливо въ предсмертные часы раздавался отзывчивый на народное горе голосъ государя, нетерпѣливо спрашивавшій о состояніи здоровья поэта и, въ случаѣ смерти, ободрительно обѣщавшій ему позаботиться объ осп-

*) Записки А. О. Смирновой. Часть II, стр. 81.

ротѣлыхъ дѣтяхъ и вдовѣ. И Пушкинъ поручалъ доктору Арендту: „попросите государя, чтобы онъ меня простилъ“; а Жуковскому завѣщалъ: „Скажи государю, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его. Скажи, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я ему желаю счастія въ его сынѣ, счастія въ его Россіи“.

Таковы были взаимныя отношенія царя и поэта, потому что они усматривали другъ въ другѣ нѣчто родственное рыцарскимъ и благороднымъ наклонностямъ своихъ душъ. Эти отношенія, необычайно близкія для лицъ, столь раздѣленныхъ между собою общественнымъ положеніемъ, исполненныя съ одной стороны благожелательности и великодушія, а съ другой—*независимой* прямоты, достоинства и душевнаго благородства, составляютъ любопытнѣйшую страницу въ новѣйшей нашей исторіи.

Семейству Карамзина была пожалована пенсія въ 50,000 р.; послѣ безвременной кончины Грибоѣдова вдовѣ его и матери пожалована, сверхъ пособія въ 60,000 р., пожизненная пенсія по 5,000 руб.; послѣ 1826 г. государь самъ разрѣшилъ къ печати произведенія Пушкина; въ іюнѣ 1835 г. государь предложилъ поэту шестимѣсячный отпускъ и 30,000 р. на уплату долговъ, а послѣ его смерти семейству назначилъ пенсію въ 11,000 руб., на уплату долговъ пожаловалъ 135,000 руб., а на изданіе сочиненій великаго поэта—50,000 руб.; Крылову въ день пятидесятилѣтія литературной дѣятельности пожалованы Станиславская звѣзда и усиленная пенсія, а въ память юбилея выбита медаль и учреждены въ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ три стипендіи. Гоголь тоже пользовался покровительствомъ монарха, а его комедію „Ревизоръ“, по приказанію Николая I данную на театрѣ и напечатанную,

по словамъ С. Т. Аксакова, бывшаго въ 1836 г. цензоромъ, въ то время никакая цензура не пропустила бы. Лучшаго и большаго почтенія къ поэзіи и довѣрія къ ея великому воспитательному вліянію нельзя было ничѣмъ другимъ доказать, какъ выборомъ въ главные руководители наслѣднику престола высокоблагородной и чистой личности пѣвца „Свѣтланы"—Жуковскаго.—С. М. Соловьевъ въ 1851 г. выпустилъ первый томъ „Исторіи Россіи". Въ 1850 г., по высочайшему повелѣнію, былъ изданъ первый томъ *Дворцовыхъ разрядовъ* съ 1612 до 1628 г.г.

„Нынѣшнее царствованіе",—писалъ Погодинъ по поводу этого изданія,—„останется вовѣки незабвеннымъ въ лѣтописяхъ русской исторіи. Никогда не было издано столько матеріаловъ, необходимыхъ для возведенія ея на степень науки, какъ нынѣ. Скажемъ болѣе: ни одно европейское правительство не оказало такихъ многообразныхъ и важныхъ услугъ своей исторіи, какъ наше. Дѣла на лицо: Собраніе законовъ Россійской Имперіи, Собраніе русскихъ лѣтописей и грамотъ, Древности Русскаго Государства по рисункамъ Солнцева, Дворцовые разряды и Статейные списки". „Сколько достойныхъ служителей науки, и, замѣтьте, спеціалистовъ, которые доказали уже свою любовь, свое искусство, свои познанія по части отечественной филологіи. Вотъ это прогрессъ, и ему нельзя не радоваться!" При этомъ Погодинъ „указываетъ для примѣра на архимандрита Макарія (Историка Русской Церкви въ санѣ митрополита), нижегородскаго іеромонаха Макарія, Горскаго, Казанскаго, Смирнова, Шевырева, Срезневскаго, Билярскаго, Кубарева, Дубенскаго, Ундольскаго, Буслаева, Каткова...

Вслѣдъ за *Дворцовыми разрядами*, по высочайшему же повелѣнію, въ 1851 г. былъ из-

данъ первый томъ „Памятниковъ Дипломатическихъ сношеній Древней Россіи съ Державами Иностранными.“

Въ тоже время, подъ покровительствомъ императора Николая I, историкъ Устряловъ трудится надъ исторіею царствованія Петра В. 22 апрѣля 1850 г. Устряловъ писалъ Погодину: „изданіе принято на счетъ казны. Такова была собственная воля государя“. *)

Изъ „Дневника“ Барона М. А. Корфа (впослѣд. графа) видно слѣдующее: „Уполномочиваю тебя“,—сказалъ мнѣ государь,—„если Погодинъ будетъ расположенъ продать свое собраніе, при жизни или послѣ смерти, войти съ нимъ въ переговоры объ условіяхъ уступки. Для самаго сбереженія такихъ коллекцій всегда желательнѣе, чтобъ онѣ были въ рукахъ правительства, нежели частныхъ людей“.

Въ Николаевское время въ другихъ изящныхъ искусствахъ тоже замѣтны немаловажные успѣхи; въ живописи сдѣланы капитальные вклады: Брюловъ, украшавшій Исакіевскій соборъ въ Петербургѣ; съ своей картиной „Явленіе Христа народу“ Ивановъ. Въ оперѣ—всесвѣтныя знаменитости — Глинка съ оперой „Жизнь за царя“, Листъ, Контскій и др.

Въ концу 1846 г. относится замѣчательное пиротехническое изобрѣтеніе, принадлежащее русскому человѣку, а именно изобрѣтеніе гремучей хлопчатой бумаги въ Москвѣ (за 20 лѣтъ раньше распространенія ея въ Европѣ) бѣднякомъ-музыкантомъ.

Логически не возможно думать, чтобы этотъ золотой вѣкъ нашей литературы *случайно* совпалъ съ эпохой царствованія Николая I; не говоря уже о томъ, что цѣлый рядъ писателей

---

*) П. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Кн XI, 97 г.

шестидесятыхъ годовъ выросъ и воспитался подъ вліяніемъ такихъ великихъ критиковъ русской мысли и національнаго самопознанія, какъ В. Г. Бѣлинскій, Грановскій и другіе. Достаточно указать на фактъ появленія въ свѣтъ въ 1847 г. „Записокъ охотника“ Тургенева, гдѣ на идиллическомъ фонѣ рисуются портреты господъ и крестьянъ, какъ протестъ противъ крѣпостного права. Кирѣевскіе Аксаковы, Бодянскій, Хомяковъ, Д. П. Григоровичъ, Плетневъ, А. Н. Островскій, А. Ѳ. Писемскій, художникъ И. К. Айвазовскій, М. А. Максимовичъ—все это именна, связанныя съ Николаевской эпохой.

Такимъ образомъ, тѣсная связъ реформъ царствованія Александра II логически не можетъ быть отрицаема съ царствованіемъ Николая I, взявшаго на себя труднѣйшую часть—подготовку почвы и дѣятелей, и то, быть можетъ, только потому не приступившаго къ освобожденію крестьянъ и разрѣшенію вытекающихъ изъ послѣдняго вопросовъ, что само общество не доросло до пониманія человѣческаго достоинства крестьянъ, и даже такіе лучшіе русскіе умы, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, едва касаются ихъ жизни и выводятъ болѣе случайно—для оттѣненія только своихъ героевъ. Сами декабристы въ крѣпостномъ правѣ, по вѣковой къ нему привычкѣ, видѣли основаніе стойкости государственнаго организма.

VI.

Общее, духовное, профессіональное и военное образованіе.

Для удовлетворенія практическимъ нуждамъ государства положено было начало организаціи общественной школы, хотя на основаніяхъ религіи, какъ гласитъ манифестъ 22 августа 1826 г., но не съ преобладающимъ подъ вліяніемъ духовенства преподаваніемъ церковно-славянскаго букваря и часослова. По основной мысли всей предпринятой императоромъ Николаемъ I учебной реформы, школа и во главѣ ея университетъ, при единствѣ преслѣдуемыхъ цѣлей, должны служить истинному просвѣщенію народа, войти въ сферу общегосударственныхъ интересовъ и сдѣлаться надежнымъ орудіемъ правительства. По уставу 8 декабря 1828 г. приходскія и уѣздныя училища утратили характеръ приготовительныхъ заведеній для гимназій и получили законченные курсы учебныхъ предметовъ, необходимыхъ въ повседневномъ быту для образованія разнымъ сословіямъ. Поэтому въ 1836 г. повелѣно было учредить при нѣкоторыхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ отдѣленія реальныхъ школъ и преподавать въ нихъ практическую химію и механику, техническое черченіе, технологію, торговое счетоводство и сельское хозяйство. Съ 1835 г. были введены въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ восточные языки, а съ 1845 г. законовѣдѣніе. Въ 1851 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о замѣнѣ греческаго языка въ 32 гимназіяхъ курсомъ естественныхъ наукъ и преподаваніи этого послѣдняго курса въ остальныхъ 29 гимназіяхъ. Расходъ

же на жалованье преподавателямъ греческаго языка государь нашелъ лишнимъ и потребовалъ отъ министра Народнаго Просвѣщенія Норова мнѣнія объ изъятіи его изъ программы гимназій, за исключеніемъ двухъ-трехъ южныхъ. Такимъ образомъ, гимназіи стремились дать законченное болѣе или менѣе образованіе; для желающихъ же поступить въ университетъ былъ преподаваемъ греческій языкъ отдѣльно. Общій характеръ первой части царствованія имѣетъ отчасти идеалистическое стремленіе „возвышать души“, націонализировать школу.

Съ цѣлью содѣйствія видамъ правительства въ распространеніи просвѣщенія дозволено открывать и частныя учебныя заведенія. Административно гимназіи впослѣдствіи потеряли связь съ университетами, и ихъ хозяевами сдѣлались попечители округовъ съ ихъ помощниками и инспекторами.

Университетскій уставъ 1835 г. былъ для своего времени государственнымъ актомъ первостепенной важности и установилъ на твердыхъ началахъ дальнѣйшее развитіе высшаго образованія, обезпеченнаго также и матеріальными средствами. Для университетовъ, напр., Петербургскаго, Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго были составлены новые штаты, по которымъ назначено ежегодно отпускать отъ казны сумму въ 1,466,000 р., тогда какъ прежде на нихъ расходовалось не болѣе 950,000 руб. Успѣхъ университетской реформы былъ обезпеченъ своевременнымъ подготовленіемъ способныхъ преподавателей: въ Дерптѣ былъ учрежденъ профессорскій институтъ, а въ Петербургѣ Педагогическій для подготовки учителей гимназій. До 1849 г. курсъ наукъ былъ шестилѣтній съ преподаваніемъ педагогики въ послѣднемъ году. Съ 1849 г. курсъ

сокращенъ до 4 лѣтъ и напоминалъ два факультета: историко-филологическій и физико-математическій; при чемъ, каждый изъ факультетовъ распадался на два отдѣленія. Психологія и педагогика были съ этого времени отнесены къ младшимъ курсамъ обоихъ факультетовъ.

Кромѣ того, посылались молодые люди за границу, между которыми блещутъ имена первыхъ русскихъ славистовъ, какъ Прейсъ, Григоровичъ, Бодянскій, Срезневскій; отправлявшіеся въ чужіе края по ученымъ командировкамъ считались по закону на дѣйствительной службѣ. Также были установлены пенсіи по учебной части даже вдовамъ и дѣтямъ служащихъ лицъ, которымъ по неизлѣчимой болѣзни сроки выслуги были сокращаемы на десять лѣтъ и т. п.

Къ исходу 1854 г. въ шести университетахъ: Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Кіевскомъ и Дерптскомъ; въ Педагогическомъ и Лазарьевскомъ институтахъ и въ четырехъ лицеяхъ—Петербургскомъ Александровскомъ, Нѣжинскомъ кн. Безбородко, Демидовскомъ въ Ярославѣ и Ришельевскомъ въ Одессѣ, — состояло свыше 4,300 обучавшихся.

Кромѣ общеобразовательныхъ заведеній, были основаны и професіональныя: въ Петербургѣ—Технологическій институтъ (1828 г.), Императорское Училище Правовѣдѣдія (1835 г.) и Строительное училище (1842 г.), нынѣ Институтъ гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I; въ Москвѣ—Школа техническаго рисованія (1826 г.), Ремесленное учебное заведеніе при Воспитательномъ домѣ (1830 г.), нынѣ Императорское техническое училище и Константиновскій межевой институтъ (1844 г.); Практическое учебное заведеніе сельскаго хозяйства близъ Дерпта (1834 г.), Ветеринарный

институтъ въ Дерптѣ (1848 г.), Горыгорецкій земледѣльческій институтъ въ Могилевской губ. (1840 г.) и Пулковская астрономическая обсерваторія. Лѣсной институтъ раньше уже существовалъ, но въ такомъ упадкѣ, что не имѣлъ даже преподавателя лѣсного хозяйства. Теперь учреждено Лисинское учебное лѣсничество, лѣсные классы при Митавской гимназіи.

Вновь были учреждены учебные округа— Кіевскій, Варшавскій (1839 г.), Кавказскій (1850 г.) и возстановленъ Виленскій (1850 г.). Кромѣ высшихъ, были въ разныхъ мѣстахъ основываемы садовыя училища, образцовыя фермы и т. п.; были издаваемы журналы съ практическими свѣдѣніями, имѣвшими вліяніе на улучшеніе хозяйства; ежегодно выписывались и раздавались сѣмена лучшихъ хлѣбныхъ и торговыхъ растеній: пеньки, льна, табаку, свекловицы и т. п. Не смотря на такой чисто спеціальный характеръ образованія, государь въ изданномъ имъ законѣ высказалъ основной свой взглядъ: „Добрая нравственность учащихся юношей есть вѣрнѣйшій залогъ не только преуспѣянія ихъ въ наукахъ, но и достиженія цѣли правительства въ образованіи ихъ истинными сынами, вѣрными служителями престолу и полезными отечеству гражданами“ (2-е П С. З., 7472). Такимъ образомъ, особенно заботясь объ образованіи сельскаго юношества на религіозно-нравственныхъ началахъ, Николай I обратилъ серьезное вниманіе на улучшеніе положенія руководителей его — священниковъ и обезпечилъ ихъ землей и помѣщеніемъ отъ приходовъ.

Въ теченіе восьми лѣтъ, съ 1843 г., учреждено приходскихъ училищъ 2,201; въ нихъ учащихся было 78,853 мальчика и до 4,000 дѣвочекъ, не считая въ этомъ числѣ 401 училища и 53,977 учащихся между иностранными поселенцами. Результаты благотворной дѣятель-

ности духовенства оказались въ обращеніи съ 1838 г. въ православіе 23,607 раскольниковъ. Къ 1855 г. въ вѣдомствѣ Православнаго исповѣданія было 50 семинарій, 240 духовныхъ училищъ и свыше 7 тысячъ начальныхъ школъ при церквахъ и монастыряхъ. Общая сумма расходовъ на духовное вѣдомство, не превышавшая въ 1832 г. 902,000 р., въ 1854 г. достигла уже количества почти въ пять разъ больше, 4,389,000 рублей.

Основная мысль развитія военно-учебныхъ заведеній въ Высочайшемъ рескриптѣ 13-го сентября 1846 г. была высказана такъ: „Мнѣ въ особенности пріятно видѣть, что главная цѣль военнаго воспитанія обращена къ развитію въ юношахъ чистыхъ правилъ нравственности и чувства чести". Необходимыя же въ военномъ воспитаніи нравственныя качества такъ формулированы: „Здравый разсудокъ, добрая воля въ отправленіи порученнаго, человѣколюбіе, вѣрность къ службѣ, не щадя своей жизни, усердіе къ общему добру, честность и безкорыстіе, радѣніе о должности и покровительство невинному и оскорбленному" (Св. воен. пост., 1838 г., ч. II, кн. I, ст. 406—422).

Въ такихъ прекрасныхъ разсадникахъ будущаго военнаго поколѣнія, воспитывавшагося въ чувствахъ преданности подъ благодѣтельнымъ отеческимъ надзоромъ государя, росъ истинно-геройскій духъ, которому было органически противно надругательство надъ слабымъ, насиліе, безпощадная жестокость, кровопролитіе или даже безразличное отношеніе къ обиженному.

Въ Николаевскихъ корпусахъ*) жилъ чест-

*) Александровскій (въ Царскомъ Селѣ, Александровско-Сиротскій, Сибирскій (въ Омскѣ), Новгородскій, Полтавскій, Брестскій, Орловскій, Воронежскій, 2-ой Московскій и Кіевскій.

ный товарищескій духъ, воспитывался главный инстинктъ общественности—круговая порука, которою и до сихъ поръ по традиціи жива русская армія. Нельзя не признать и того, что военно-учебныя заведенія дали не только на военномъ, но и на другихъ поприщахъ человѣческой дѣятельности людей составившихъ себѣ имена, которыми въ правѣ гордиться не одно только воспитавшее ихъ заведеніе.

Такимъ образомъ, и общеобразовательныя, и спеціальныя свѣтскія, и духовныя, и военныя учебныя заведенія были настоящимъ питомникомъ нужныхъ родной землѣ людей—работниковъ, впослѣдствіи же просвѣщенныхъ выполнителей реформъ Царя-Освободителя. Указанныя школы были требовательны къ своимъ питомцамъ, строги до суровости относительно нравственно-отвѣтственной выдержки; и поэтому-то Николаевскіе служаки останутся навсегда представителями бодрой, честной (по выраженію Пушкина), хотя и суровой эпохи русской жизни.

Сводя итоги, все же приходится согласиться, что школы Николаевскаго времени, по выраженію графа Строганова, „должны (были) управлять съ такою властью, которая бы приблизилась болѣе къ родительской власти". При всѣхъ дисциплинарныхъ взысканіяхъ и строгихъ часто наказаніяхъ; при внѣшней отчетности и показной сторонѣ дѣла, заслонявшей собою живую сторону школьной жизни,—среди всей этой формальной суровости проглядывало и отеческое попеченіе, такъ какъ почти запрещалось исключать изъ заведеній, „дабы въ конецъ не губить молодыхъ людей". Только въ исключительныхъ случаяхъ такая крайняя мѣра могла быть практикуема, писалъ фельдмаршалъ, но съ тѣмъ, чтобы уволенные отдавались рядовыми въ армію, безъ

потери дворянскихъ правъ. Такимъ образомъ для молодыхъ людей открывалась возможность пріобрѣсти почетное положеніе въ обществѣ, средства къ жизни и восполнить, до нѣкоторой степени, недостаточность неудавшагося воспитанія. Правда, тяжелы были такіе переходы для учащихся, особенно въ случаяхъ неразвитости ближайшихъ начальниковъ. Тѣмъ не менѣе вообще новою границею въ общественномъ развитіи Россіи могутъ считаться 1826—7 годы, когда дворянская гвардейская молодежь Александровскаго времени, сметенная декабрьскою катастрофой, уступила мѣсто московской университетской изъ разночинцевъ Николаевскаго времени. 1825 г. рѣзко дѣлитъ два поколѣнія молодежи глубокою идейною пропастью: гвардейская молодежь Александровскаго времени была воспитана политическими идеями, и ея герои были политическіе дѣятели, заговорщики; Николаевская же молодежь бѣжитъ военной службы и спѣшитъ прямо изъ лона дворянской усадьбы въ университетъ. Ея героями становятся поэты, мыслители, философы нѣмецкаго романтизма (Гегель, Шиллеръ, Гофманъ, Шелингъ); ея интересы сосредоточиваются въ сферѣ литературы, науки, искусства; она мало интересуется *политикой,* и тонъ всему дается философскимъ движеніемъ времени. Отсюда, изъ этого мирнаго движенія мысли, рождаются кружки, которые въ концѣ концовъ раздѣляются на три главнѣйшихъ группы—славянофиловъ, западниковъ и радикаловъ.

Итоги общественныхъ движеній приводятъ Милюкова въ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“ къ заключенію, что эти движенія постоянно испытывали рядъ приливовъ съ послѣдующими затѣмъ перерывали и паузами. Три царствованія Екатерины II, Александра I и Александра II начинались приливами либе-

рализма и кончались печальными жертвами разногласія между правительствомъ и обществомъ. Но, не смотря на эти паузы, мы находимъ, что временная пріостановка въ Николаевское царствованіе была только кажущейся: движеніе не подвигалось впередъ, но росло въ это время въ ширь и проникало въ глубь. Изъ правительственныхъ сферъ, желавшихъ стать руководителемъ общественнаго мнѣнія, оно перешло въ кружки учащейся молодежи черезъ университеты, но не въ среду дворянской молодежи только, а и въ круги разночинцевъ, какъ представителей всѣхъ классовъ общества. Поэтому одновременно движеніе стало проникать изъ столицъ въ центры провинцій, которыя въ благопріятныя минуты посылали своихъ лучшихъ дѣтей для разумнаго продолженія движенія въ столицѣ. Этотъ вѣчно полный резервуаръ общественныхъ чувствъ не давалъ со времени императора Николая вполнѣ изсякать общественной жизни въ культурныхъ центрахъ, какъ залогъ того, что развитіе русскаго общества перестанетъ зависѣть отъ случайныхъ причинъ, не будетъ болѣе скачковъ, не будетъ безплодной траты силъ, а спокойно, сознательно, увѣренно русское общество пойдетъ по кратчайшему пути къ осуществленію общественныхъ идеаловъ.

Слава 60-тыхъ годовъ, говоритъ Головинъ, походитъ на свѣтъ луны: это слава заимствованная; она выросла помимо современнаго ей поколѣнія. Что написано у насъ крупнаго за это замѣчательное десятилѣтіе, принадлежитъ перу людей 40 и 50-тыхъ годовъ. „Наканунѣ“, „Отцы и дѣти“ и „Дымъ“; „Взбаламученное море“ и „Обрывъ“, „Преступленіе и наказаніе“ и „Бѣсы“, наконецъ, „Война и миръ“,—вотъ громкія произведенія, какія мы тотчасъ припоминаемъ, когда мысленно переносимся въ это десятилѣтіе. И всѣ они созданы людьми, либо

стоявшими въ сторонѣ отъ движенія, либо относившимися къ нему враждебно. Таковы люди 40 и 50-тыхъ годовъ, представители трехъ литературныхъ школъ: Тургеневъ, Писемскій, Гончаровъ, Достоевскій и Толстой. Ихъ имена не забудутся.

Что сдѣлало поколѣніе 60-хъ годовъ, когда наступилъ настоящій день, и каковъ результатъ ихъ усилій?... Они ударившись въ крайность, остановили ходъ дальнѣйшихъ преобразованій, вызвавъ не только у правительства, но и въ обществѣ мысль о несвоевременности реформъ, и въ концѣ концовъ подготовили современное намъ поколѣніе, разочарованное не только въ возможности добиться чего-нибудь, но даже въ томъ, есть ли какая-нибудь надобность трудиться не для своей личной пользы

Конечно, люди 40-хъ г. г. характеризуютъ собою и грубый складъ жизни съ мелкими ихъ интересами и ничтожными страстями. Собакевичи, Ноздревы, Чичиковы, Плюшкины на протяженіи какихъ-нибудь 10—20 лѣтъ переродились въ героевъ Салтыкова: Головлевыхъ, Іудушекъ, Ташкентцевъ, оскудѣвшихъ дворянъ и разжирѣвшихъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ. Но въ это же время народились и Рудины, Лаврецкіе, Базаровы, Безуховы, Левины, Вронскіе. Какъ предшественники ихъ, являются у Гоголя прекрасный хозяинъ Костанжогло, стойкій борецъ за общественную правду Муразовъ.

Во главѣ ихъ желаетъ стать само правительство въ лицѣ генералъ-губернатора, призывающаго общество возстать противъ собственной неправды, подобно тому, какъ Россія ополчилась противъ 20 иноплеменныхъ языковъ въ 1812 г. спасти русскую землю, которая гибла отъ насъ же самихъ, т. е. отъ тѣхъ же Чичиковыхъ, Собакевичевыхъ, Ноздревыхъ и т. п. Отчасти въ виду такой отрицательной общественной среды съ ея недостойными

героями, Николаевская эпоха была типичнымъ представителемъ бюрократическаго режима, часто презрительно и отрицательно относившагося къ общественному мнѣнію.

Поэтому особо ревнивое вниманіе правительство обращаетъ на школу, приготовляющую будущихъ дѣятелей страны. И вотъ, благодаря просвѣщенному попеченію императора Николая I, русская гимназія успѣла уже вступить, подъ руководствомъ графа Уварова, на путь общеевропейскаго гуманитарнаго образованія. Къ сожалѣнію, тяжелыя событія 1848 г., потрясшія всю западную Европу, поколебали довѣріе государя къ гуманитарной школѣ, Школа эта была выставлена, какъ главный источникъ революціонныхъ идей. А между тѣмъ, эти идеи коренились въ совершенно иныхъ, глубокихъ историческихъ причинахъ и никогда не находили себѣ поощренія въ истинно-гуманитарномъ образованіи, высокіе идеалы котораго представляли скорѣе препятствія для пропаганды грубаго революціоннаго матеріализма. Какъ бы то ни было, но событія 1848 г. отразились пагубнымъ образомъ на ни въ чемъ неповинной русской гуманитарной школѣ: она была оторвана отъ развитія успѣховъ общечеловѣческой науки и культуры, и русское просвѣщеніе было отброшено назадъ на цѣлое полстолѣтіе. Двадцать лѣтъ продолжалось жалкое, убогое состояніе русской гимназіи, вліявшей, разумѣется, самымъ нежелательнымъ образомъ на создаваемое ею общество и на университетское научное образованіе. А когда наступила эпоха великихъ реформъ, Александръ II не могъ не замѣтить съ глубокою грустью, что исполнители его свѣтлыхъ идей часто омрачали ихъ грубымъ непониманіемъ и извращеніемъ.

Послѣ революціи 1848 г. изученіе писателей республикъ древности считалось вреднымъ.*)

Министръ Народнаго Просвѣщенія князь Ширинскій высказалъ мнѣніе о необходимости при преподаваніи примиренія науки съ христіанствомъ, потому что ученые дерзновенно мечтаютъ познать „*начало*“ началъ. „Самыя вредныя“, говоритъ онъ, „системы нѣмецкихъ философовъ пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе приверженцевъ и почитателей. Снимая съ человѣка обязанность, налагаемую на него вѣрою, нравственностью, законами, и предоставляя все ослѣпленному страстями разуму, онѣ подрываютъ основанія всякаго благоустроеннаго общества.“ Признавая затѣмъ преподаваніе философіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, за исключеніемъ логики и психологіи, „не осоотвѣтствующимъ видамъ правительства и не обѣщающимъ благопріятныхъ послѣдствій“, просилъ онъ „ограничить преподаваніе философіи логикой и психологіею.“ 26 января 1850 г. государь это представленіе утвердилъ, выразивъ мысль свою о возложеніи преподаванія курса опытной психологіи на профессоровъ богословія и соединенія въ одномъ лицѣ чтенія ихъ. Поэтому въ 1850 г. М. Н. Катковъ, лишившись каѳедры психологіи, случайно характеризуетъ отношеніе молодежи къ его лекціямъ въ разговорѣ съ С. М. Соловьевымъ, сказавшимъ ему однажды: „какое множество у васъ слушателей! пріятно видѣть такое сочувствіе къ философскимъ лекціямъ.“—„Что тутъ пріятнаго!!! отвѣчалъ Со-

---

*) Весною 1849 г. въ Петербургѣ былъ открытъ заговоръ, и съ 21-го на 22 апрѣля захватили до 40 человѣкъ, обличенныхъ въ тайныхъ замыслахъ, по словамъ Корфа. Въ дневникѣ же своемъ Дивовъ упоминаетъ о заговорѣ въ Тифлисѣ; въ обѣихъ столицахъ, говоритъ онъ, образовалось нѣсколько литературныхъ обществъ съ чтеніемъ не одобренныхъ цензурою сочиненій, въ которыхъ не стѣсняясь критикуется правительство.

ловьеву съ сердцемъ Катковъ: „вся эта толпа ничего не понимаетъ изъ моихъ лекцій, а ждетъ, не ругну ли я Бога.“

Понятна въ концѣ царствованія строгость правительства по отношенію къ преподаванію, характеризуемая въ комедіи Гоголя „Ревизоръ“, и къ цензурѣ вообще, усилившейся послѣ революціи 1848 г.*) Съ постепеннымъ усмиреніемъ смутъ на Западѣ и началомъ возвращенія дѣлъ къ законному порядку, императоръ Николай сталъ вообще менѣе строгъ въ разрѣшеніи заграничныхъ отпусковъ, особенно для людей пожилыхъ или тѣхъ, которыхъ онъ не зналъ самъ; но молодымъ людямъ высшаго общества, лично ему извѣстнымъ, онъ продолжалъ отказывать въ позволеніи ѣхать въ чужіе края. Правитель канцеляріи министра Народнаго Просвѣщенія В. Д. Комовскій „съ жаромъ выражалъ свое негодованіе Никитенкѣ, говоря: *въ Европѣ напроказятъ, а русскихъ бьютъ по спинѣ.*“) Такимъ образомъ и средняя русская школа конца царствованія Николая I, какъ общеобразовательное учебное заведеніе, приходитъ въ полное запустѣніе, теряетъ всякій эле-

*) Дивовъ говоритъ: „Я видѣлся съ вице-канцлеромъ и показалъ ему вновь появившееся французское изданіе, въ которомъ напечатаны самыя гнусныя разсужденія относительно законности царской власти и христіанской религіи.

Во главѣ захваченныхъ стоялъ 28-лѣтній чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Петрашевскій. Въ цѣломъ спискѣ, въ противоположность заговору 1825 г., не встрѣчалось ни одной аристократической фамиліи, ни одного лица, извѣстнаго чѣмъ-либо, кромѣ отставного инженеръ-поручика Достоевскаго. Члены суда называли это дѣло—*заговоромъ идей*, чѣмъ и объясняли трудность дальнѣйшихъ открытій: ибо, если можно обнаруживать факты, то какъ же уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществлялись еще никакимъ проявленіемъ и переходомъ въ дѣйствіе. Цѣль замысла—измѣнить общественное устройство по образцу западныхъ понятій, приготовивъ сперва къ тому умы посредствомъ распространенія коммунистическихъ и соціальныхъ сочиненій. Заговоръ имѣлъ свои развѣтвленія и въ Москвѣ, и даже въ Сибири, гдѣ скитался отставной подполковникъ Черносвистовъ, заподозрѣнный въ намѣреніи возмутить Уралъ, а оттуда распространить мятежъ и далѣе на востокъ. Генералъ-аудиторіатъ приговорилъ 21 подсудимаго къ смертной казни. Государь помиловалъ ихъ и подвергъ другимъ наказаніямъ.

мент творческой жизненности и обращается въ нѣчто подготовительное къ будущему отправленію канцелярскихъ обязанностей; съ 1854 же года ей еще придается неумѣлыми исполнителями характеръ лживой благочестивости.

VII.

Внутреннія реформы: крестьяне, Управленіе Государственныхъ Имуществъ, Государственный контроль, округи пахатныхъ солдатъ и сельское хозяйство.

Кипучая дѣятельность, бившая неизсякаемымъ ключемъ и удивительная энергія, тѣсно связанная съ глубокимъ пониманіемъ насущныхъ нуждъ государства, документально засвидѣтельствованы въ цѣломъ рядѣ общественно полезныхъ фактовъ, составляющихъ монументальный, вѣчный памятникъ императора Николая I. Не даромъ и Пушкинъ слалъ молодому царю свои благожеланія:

„Во всемъ будь пращуру (Петру I) подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ....“

Нынѣ же „Сборникъ Императорскаго русскаго общества“ (т. 98, 1896 г., Петербургъ), составляющій официальные данные итоговъ дѣятельности въ теченіе двадцатипятилѣтняго царствованія Николая Павловича, ясно и рельефно доказываетъ безусловный успѣхъ и неизбѣжную необходимость его начинаній. Для вѣрной оцѣнки не слѣдуетъ опускать изъ виду, что въ разбираемое время Россія представляла мало устоевъ и внутренняго порядка, вынеся страшное потрясеніе и коренное раззореніе въ отечественную войну, при духовно-тяжелой усталости разочарованнаго въ своихъ мечтахъ вѣнценоснаго идеалиста-импе-

ратора Александра I, характеризовавшаго нравственную безпомощность неподготовленныхъ къ дѣятельности современниковъ въ виду поразительной массы вновь народившихся общественно-важныхъ запросовъ. И вотъ, всѣ глубоко чувствовали гнетущую потребность дѣятельности и общественной иниціативы, но не знали, что дѣлать. Въ результатѣ отцы и дѣти, родные по крови, но, по основнымъ взглядамъ разошедшись, стали другъ другу духовно чужими; старое и молодое поколѣніе перестало понимать одно другое: какъ слѣдствіе этого, Магницкіе и Руничи съ громаднымъ большинствомъ стадной массы общества во всякомъ начинаніи готовы видѣть дерзкое и пагубное стремленіе разрушить государство; съ другой— декабристы, безполезно и себѣ и обществу жертвующіе своими нужными родинѣ силами. Почему это?!... Потому, что предъ всѣми стоялъ роковой безъ намека даже на отвѣтъ вопросъ—„что дѣлать?“

Такіе важные моменты безвременья общественной мысли обыкновенно вызываютъ къ плодотворной дѣятельности, увлекающей массу, дремлющій въ другое время геній народа. Значеніе великихъ людей человѣчества и состоитъ въ томъ, что они быстро опредѣляютъ нужды современности и точно формулируютъ свои взгляды, какъ залогъ естественности и правильности дальнѣйшаго развитія общества. Дѣла такихъ радѣтелей, одушевленныхъ стремленіемъ къ благотворной дѣятельности, удовлетворяющихъ потребностямъ времени, и сохраняются въ исторіи, служа курганами, указывающими путь народа, его завоеванія въ области развитія общечеловѣческой мысли и національнаго труда.

Такимъ былъ Николай I. Онъ, какъ и предшественники его Екатерина В. и Александръ I, видѣлъ всю несвоевременность освобожденія

крестьянъ, при неразвитіи и послѣднихъ и высшихъ классовъ. Это тѣмъ болѣе становится яснымъ, если вспомнить, что реформа Александра II вызвала удивленіе въ просвѣщенной Европѣ и Америкѣ, гдѣ рабство позже пало. Въ сочувствіи Николая I дѣлу освобожденія не можетъ быть и рѣчи: не даромъ наканунѣ 19 февраля Александръ II ѣздилъ, какъ бы за ободряющей поддержкой, молиться у самаго гроба отца, воспитывавшаго въ немъ вниманіе къ низшему классу. Николай Павловичъ собиралъ цѣлый рядъ негласныхъ комитетовъ, которые, касаясь вопросовъ общегосударственной жизни, часто возвращались къ обсужденію больного мѣста тѣхъ временъ—крѣпостного права. Государь считалъ его безусловнымъ зломъ, какъ это высказано въ его рѣчи въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 30 марта 1842 г. Но, считая отмѣну его преждевременною и нарушающею права собственности, Николай I полагалъ возможнымъ ограничиться частичными измѣненіями и смягченіями. До чего доходила осторожность государя даже въ обсужденіи этого вопроса, видно изъ того, что особый комитетъ 1840—41 г. г. объ отмѣнѣ крѣпостного права получилъ фиктивное названіе „Комитета для управленія земскихъ повинностей въ западныхъ губерніяхъ.“ Конечно, предметъ засѣданій, столь близко затрогивавшій интересы многочисленнаго класса, не могъ долго оставаться въ тайнѣ; толки о немъ проникли даже въ народъ, въ которомъ сложилось убѣжденіе, что ко дню бракосочетанія Наслѣдника (16 апрѣля 1841 г.) будетъ объявлена вольность. Эта тревожная молва возникала много разъ и въ началѣ царствованія Николая I, со вступленія его на престолъ, и въ послѣдствіи; также много разъ возвращалась мысль самого государя къ тому же наболѣвшему вопросу. Корфъ подробно излагаетъ исторію двухъ комитетовъ,

имъ занимавшихся. Первый изъ нихъ, комитетъ 1844 г. объ устройствѣ сословія дворовыхъ людей, обязанъ былъ своимъ существованіемъ инициативѣ самого императора, составившаго зимой 1843 г. собственноручную записку о дворовыхъ, переданную министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому для составленія проекта объ измѣненіи ихъ положенія. Свое отношеніе къ дѣлу Николай I формулировалъ въ засѣданіи комитета 19 марта такимъ образомъ: „главная цѣль моя—*измѣнить крѣпостное состояніе*. Мысль о томъ никогда меня не оставляла. Но первымъ условіемъ я считаю постепенность мѣръ, а потому и намѣренъ начать съ дворовыхъ людей, между ними съ ходящихъ по паспортамъ, которые, не имѣя законнаго основанія, болѣе другихъ даютъ правительству поводъ заняться ихъ устройствомъ." Поэтому на усмотрѣніе комитета представлялся вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію чрезмѣрнаго увеличенія числа дворовыхъ, оторванныхъ отъ земли. Результатомъ совѣщаній былъ указъ 12 іюня, облегчавшій помѣщикамъ отпускъ ихъ дворовыхъ на волю. Въ другой разъ поднимался вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ комитетѣ 1847 г. „о предоставленіи крестьянамъ продающихся съ публичныхъ торговъ имѣній выкупаться на волю." Этотъ проектъ распространенія на всю имперію дѣйствовавшаго въ Грузіи закона для *постепеннаго* измѣненія крѣпостного состоянія указомъ 8 ноября 1847 г. получилъ силу закона.

Самъ государь характеризовалъ свое отношеніе къ дѣлу словами: „*подвигать не колебля и открывать пути не потрясая*." Смутный 1848 г. возбудилъ опасенія, и были внесены прибавки, измѣнявшія дѣйствіе этого закона (Положеніе 1849 г., 19 іюля, статья 186-я.)

Въ видахъ улучшенія положенія крестьянъ были предприняты мѣры для охраненія народ-

наго здравія, увеличено число оспопрививателей, лѣчебницъ, повивальныхъ бабокъ; учреждены богадѣльни для призрѣнія безродныхъ и увѣчныхъ, вспомогательныя сберегательныя кассы, мірскіе капиталы въ каждомъ сельскомъ обществѣ на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ; прибавлено число ярмарокъ и базарныхъ дней. Мѣрой противъ жестокаго обращенія съ крѣпостными было лишеніе помѣщиковъ права уголовныхъ взысканій съ ихъ крестьянъ. Комитетъ 1844 г. объ устройствѣ сословія дворовыхъ людей разсуждалъ о мѣрахъ положить предѣлъ размноженія ихъ до 1½ милліона; остальныхъ же переводить на пашню для увеличенія цѣнности имѣній. Для улучшенія экономическаго положенія государственныхъ крестьянъ и подъема ихъ хозяйства была введена четырехпольная система, улучшены запасные магазины; принимались мѣры къ переселеніямъ и т. п. Дѣйствія сельскихъ и волостныхъ расправъ, прекращавшихъ въ самомъ началѣ нарушеніе закона или возникновеніе споровъ, въ теченіе одного года распространялись на почтенную цыфру до 60,000 по проступкамъ и по спорамъ до 40,000 дѣлъ. При такомъ способѣ высшія судебныя мѣста были менѣе обременены работой.

Въ видахъ косвеннаго поощренія земледѣлія и скотоводства правительство открыло помѣщикамъ кредитъ подъ залогъ имѣній, и не его вина, если взятыя ссуды большей частью расходовались непроизводительно.

Императоръ Николай I нашелъ, что важнѣе всего устроить и привести въ порядокъ потрясенное и матеріально, и нравственно, и формально государство послѣ тяжелой годины 1812 г. Для этого была введена крайняя бережливость при дворѣ, уменьшено число фрейлинъ, получавшихъ приданаго по 12.000 каждая; предприняты мѣры противъ роскоши при-

дворныхъ дамъ присвоеніемъ имъ однообразной формы; въ войскахъ упразднены нѣкоторые предметы обмундированія, какъ напр., султаны на каскахъ, лядунки и т. п., совершенно излишнія для пѣхотныхъ солдатъ, что составляло экономію въ нѣсколько милліоновъ. Въ собственноручныхъ запискахъ государя министру юстиціи отъ 11 и 18 декабря 1846 г. сказано: „Прошу мнѣ прислать списокъ однимъ тѣмъ сенаторамъ, которые службы не несутъ, въ Сенатъ не ѣздятъ и потому безполезны — съ отмѣткой, что каждый нынѣ получаетъ содержанія, и что ему слѣдуетъ въ пенсіонъ по уставу... Полагаю, что найдутся еще *многіе*, которыхъ дальнѣйшее сохраненіе въ службѣ безъ пользы.“

Неимѣніе точныхъ свѣдѣній о состояніи капиталовъ каждаго департамента было причиной многихъ затрудненій ихъ оборотовъ, почему требовалось составленіе балансовыхъ отчетовъ, а этимъ положено начало систематической отчетности и наблюденіе за правильнымъ ихъ употребленіемъ. Особенно контроль военнаго вѣдомства до сихъ поръ находился въ совершенномъ бездѣйствіи, такъ что къ 1826 г. состояло въ Департаментахъ необревизованныхъ книгъ и счетовъ 108, 880. Теперь же главнѣйшіе счеты совершались немедленно и на одинаковыхъ основаніяхъ, точно установленныхъ однообразной формой. Такимъ образомъ государственный контроль былъ установленъ на прочныхъ началахъ, отчего, конечно, выиграли казна и государство.

На отчетѣ обозрѣнія Управленія Государственныхъ Имуществъ за 25 лѣтъ (съ 20 ноября 1825 г. по 20 ноября 1850 г.) самъ императоръ Николай I надписалъ: „положено хорошее начало; съ твердостью и постоянствомъ цѣль моя —благосостояніе государственныхъ крестьянъ—будетъ вполнѣ достигнута.“

Юридическая повѣрка спеціальнаго межеванія имѣла въ виду законное и точное установленіе участниковъ, огражденіе правъ заинтересованныхъ въ спеціальномъ межеваніи лицъ, а также интересовъ казны. Въ порядкѣ генеральнаго, т. е. общегосударственнаго межеванія полюбовная сказка подвергалась повѣркѣ и утвержденію одновременно съ освидѣтельствованіемъ всего межевого производства; утвержденіе полюбовной сказки совпадало съутвержденіемъ межевого плана, и поэтому произведенное на основаніи полюбовной сказки межеваніе вступало въ силу лишь со времени утвержденія межевыхъ актовъ (Указъ Общаго Собранія Сената 20 августа 1829 г.*)

Первый періодъ съ 1776 по 1836 г. почти исключительно посвященъ полюбовному спеціальному межеванію; второй съ 1836 по 1850 г. сохраняетъ характеръ господства въ нашемъ законодательствѣ понудительнаго спеціальнаго межеванія. Именной указъ 12 іюля 1850 г. знаменуетъ собою крутой поворотъ въ отказѣ отъ понудительности государственной иниціативы устройства земледѣлія.

Государственное межеваніе имѣло главною своею цѣлью обособленіе отдѣльныхъ частей земли, чтобы сдѣлать возможнымъ во всякое время отысканіе ихъ въ дѣйствительности и отличить отъ окружающихъ участковъ. Оно единственно черезъ соблюденіе коренного основанія поземельной собственности, т. е. черезъ признаніе границъ генеральнаго межеванія непоколебимыми, могло предотвратить захваты и межевые споры. Послѣднее имѣлъ въ виду законъ 23 апрѣля 1845 г.

---

*) Дополненіе къ запискѣ объ историческихъ основахъ межевой реформы, Петербургъ, 1896 г.

Частное межеваніе отличалось отъ государственнаго тѣмъ, что первое обязательно лишь для принимавшихъ непосредственное въ немъ участіе сторонъ, а второе также для вызывавшихся, но неявившихся лицъ и могшихъ тогда предъявить на землю при генеральномъ межеваніи свои права. Смыслъ словъ манифеста (449, 523 и 530ст. I ч. X т. изд. 1842 г.) „о невзысканіи исковъ за тѣ земли, которыя въ чужихъ рукахъ отыщутся, общимъ, государственнымъ, а не по иску каждаго челобитчика, особливо предпринимаемымъ межеваніемъ“ — касается тѣхъ владѣльцевъ, которые опасались взысканія съ нихъ убытковъ за провладѣніе землями, по межеванію оказавшимися не имъ принадлежавшими. Нельзя не признать совершенно правильной положенную въ основу закона 23 апрѣля 1845 г. мысль о необходимости оградить отъ разрушительнаго дѣйствія давности межеваніе въ смыслѣ именно способа предупрежденія споровъ о границахъ и утвержденія тѣмъ самымъ спокойствія между сосѣдями.

Положеніемъ 21 іюня 1839 г. установлялось полюбовное спеціальное „размежеваніе черезъ посредниковъ“; оно удержано и въ изданіи 1893 г. и имѣетъ неразрывную связь съ закономъ 8 января 1836 г., установляя, что межевые акты составляютъ доказательство права собственности. Эти законы касаются льготъ съ дѣйствовавшимъ въ нашемъ законодательствѣ до 1850 г. началомъ понудительности производства спеціальнаго межеванія (п. 4 ст. IV закона 8 января 1836 г.) Цѣль спеціальнаго межеванія устраненіе „вреда, происходящаго отъ необмежеванныхъ черезполосныхъ земель, отъ неопредѣленности правъ общаго владѣнія и въѣздовъ или частныхъ правъ на постороннее владѣніе.“*)

*) К. Регекампфъ: „Записки объ историческихъ основахъ межевой реформы,“ Петербургъ, 1895 г.

Но въ именномъ указѣ 12 іюня 1850 г. и правилахъ, высочайше утвержденныхъ 30 декабря 1853 г., законодатель отказался отъ понудительныхъ началъ, признавъ, что производство спеціальнаго межеванія зависитъ отъ воли владѣльцевъ, и что сему размежеванію подлежатъ исключительно дачи, утвержденныя при генеральномъ межеваніи въ разнопомѣстное владѣніе (общія дачи).

Въ 1826 г. введено образцовое управленіе казенными землями въ петербургской и псковской губерніяхъ. Начало размежеванія принесло несомнѣнную пользу, потому что до сихъ поръ назначенія опредѣленныхъ участковъ почти не было, и казенныя земли захватывались по произволу; при учрежденіи этого новаго управленія открыто 24,205 душъ самовольныхъ переселенцевъ, остававшихся въ неизвѣстности. На новыхъ мѣстахъ о нихъ правительство ничего не знало, а на старыхъ администрація показывала ихъ налицо, и насчитывались огромныя недоимки. Такъ, въ одной курской губерніи въ 1837 г. открыто было недоимокъ 402,568 руб. на переселенцахъ, давно вышедшихъ въ другія мѣста; а частными владѣльцами было захватовъ на 500,145 десятинъ. Доходы поэтому по казеннымъ оброчнымъ статьямъ были малы. Въ особенности лѣса были захватываемы, вырубаемы при недостаткѣ стражи, такъ что убытки эти съ пожарами въ теченіе одного года оцѣнены до 900,000 руб.

Всѣми этими мѣрами отъ преобразованія Управленія Государственными Имуществами*) было достигнуто скопированіе плановъ генеральнаго межеванія на 31,853,735 десятинъ; казенныя статьи приведены въ извѣстность и сняты на планъ; сумма доходовъ отъ 588,275 руб.

*) Въ 1837 г. оно было учреждено изъ V отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

возвышена до 1,331,933 руб. Лѣсной и земледѣльческіе институты увеличили корпусъ лѣсничихъ и по числу и по образованію. Ежегодно была провѣрка границъ для охраненія лѣсовъ отъ захвата; правильное лѣсное хозяйство введено на пространствѣ 2,700,222 десятинъ; доходы съ лѣсовъ, арендныя и другія поступленія увеличились вдвое, не смотря на ежегодный безденежный отпускъ лѣса на разныя государственныя надобности и потребности крестьянъ, стоившій до 2,300,000 руб. Въ видахъ распространенія лѣсовъ на югѣ и въ степныхъ пространствахъ учреждено четырнадцать питомниковъ на разстояніи до 12 тысячъ десятинъ. Образцовыя фермы травосѣянія, луговодства, винодѣлія, шелководства, овцеводства и т. п.—были прекраснымъ примѣромъ для практическаго ознакомленія Россіи съ усовершенствованными и новыми видами промышленности; для улучшенія коневодства, кромѣ главныхъ заводовъ, были вновь учреждены 24 земскихъ конюшни.

Съ 1827 г. въ селеніяхъ удѣльнаго вѣдомства общественная запашка для образованія хлѣбныхъ запасовъ послужила источникомъ цѣлаго ряда мѣръ въ пользу населенія. Избытокъ хлѣба продавался и въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ возросъ до $2\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей ассигнаціями. На эти деньги устроено земледѣльческое училище для 250 учениковъ близъ Петербурга на станціи Удѣльной, которое пополнялось тогда исключительно изъ удѣльныхъ крестьянъ. Въ сороковыхъ годахъ заведены образцовыя усадьбы, оказавшія благотворное вліяніе на хозяйство ближайшихъ крестьянъ и поднятіе общей культуры крестьянскихъ земель, скотоводства, коневодства, огородничества и садоводства. Вмѣстѣ съ тѣмъ управленіе Удѣлами къ существовавшимъ въ селеніяхъ церквямъ добавило еще девять и заве-

ло при каждомъ изъ 25 приходовъ по сельскому училищу. На средства изъ того же хлѣбнаго капитала основаны были въ 1836 г. и кредитныя учрежденія для удѣльныхъ крестьянъ; при чемъ установлены и правила о заемномъ крестьянскомъ капиталѣ, скоро давшія очевидную пользу. Въ ряду этихъ попечительныхъ мѣръ удѣльнаго вѣдомства слѣдуетъ упомянуть также и введеніе страхованія крестьянскихъ построекъ въ 1839 г. при помощи того же хлѣбнаго капитала. Дѣло пошло такъ удачно, что къ концу перваго трехлѣтія было добровольно застраховано отъ огня около третьей доли всѣхъ существовавшихъ строеній на сумму болѣе 4-хъ милліоновъ рублей.

Относительно военнаго вѣдомства былъ предпринятъ рядъ мѣръ для улучшенія его положенія: армія при Александрѣ I была доведена до 900,000 человѣкъ. Срокъ службы солдатъ при Николаѣ I былъ сокращенъ съ 25 до 20 лѣтъ. Прежнія неудобства неопредѣленности очередной системы устранены введеніемъ жеребьеваго порядка въ сорока губерніяхъ. Всякое постороннее вліяніе на жребій устранялось; повинность при этомъ исполнялась двумя возрастами —20 и 21 года, а потому прежнее тревожное состояніе семействъ и всѣ подлоги и членовредительства уменьшились. Отбывшихъ 20-ній срокъ съ 1841 г. въ казенныхъ селеніяхъ было водворено до 66,023 душъ, съ денежнымъ пособіемъ, а нѣкоторые, по уваженію слабости и силъ, были обезпечены пенсіями: унтеръ-офицеры— по 9 руб. и солдаты — по 6 руб. въ мѣсяцъ.*)

---

*) Даже въ духовномъ завѣщаніи Николая I упомянуто: „Прошу императора милостиво призрѣть старыхъ инвалидовъ, у меня жившихъ по разнымъ мѣстамъ подъ именемъ арсенальныхъ. *Желаю*, чтобъ они доживали свой вѣкъ на прежнемъ положеніи, развѣ угодно ему будетъ улучшить ихъ содержаніе.“

Военныя поселенія тоже были преобразованы. Неоправдавшаяся цѣль учрежденія ихъ при Александрѣ I заключалась въ томъ, чтобы сближеніемъ военнаго состоянія съ земледѣльческимъ отвратить по возможности рекрутскіе наборы, доставить войскамъ прочную осѣдлость, избѣгнуть содержанія въ сборѣ многочисленной арміи, особенно въ мирное время, и, наконецъ, уменьшить государственные расходы изысканіемъ способа продовольствованія войскъ собственными средствами поселеній.

Императоръ Николай I уничтожилъ поселенные батальоны, переименовалъ въ округи пахатныхъ солдатъ, обложенныхъ оброкомъ и обязанныхъ рекрутской повинностью. На Кавказѣ же было развиваемо военное поселеніе съ цѣлью огражденія границъ, давшее заслуженнымъ воинамъ осѣдлость и умножившее русское поселеніе. Также на югѣ Россіи, подъ вліяніемъ обстоятельствъ послѣдней войны съ Турціею, возникли два новыхъ войска: Дунайское и Азовское.

Въ 1833 г. были изданы общія положенія для всѣхъ почти казачьихъ войскъ съ основною полковою инструкціею Донского, послужившаго образцомъ и для прочихъ войскъ, чѣмъ относительно всѣхъ предметовъ военно-гражданскихъ управленій учрежденъ твердый порядокъ. При этомъ переселялись козаки въ Оренбургскій и Сибирскій края, колонизовавшіе послѣдній до китайской границы, а движеніе въ Азію обезпечено устройствомъ Сыръ-Дарьинской линіи и вновь возведеннымъ укрѣпленіемъ—„Вѣрнымъ“.

Такимъ образомъ, военныя силы Россіи, при уменьшеніи прежняго срока службы съ 25 до 20 лѣтъ, въ царствованіе Николая Павловича въ результатѣ всѣхъ указанныхъ мѣръ выразились весьма почтеннымъ количествомъ наличныхъ во фронтѣ солдатъ и 230-ти тысяч-

ной запасной арміей изъ регулярныхъ войскъ съ самымъ быстрымъ снаряженіемъ, что и доказано было на опытѣ 1848—9 г. г.

VIII.

Устроеніе окраинъ государства: Польши, Финляндіи, Прибалтійскаго края и Кавказа.

Хорошему войску соотвѣтствовали прекрасныя инженерныя постройки. По Западной границѣ, кромѣ завоеванныхъ Модлина*) и Замостья, вновь были воздвигнуты крѣпости: Александровская цитадель въ Варшавѣ, Новогеоргіевская, Ивангородская, Брестъ-Литовская и Виленская цитадель; перестроены въ Динабургѣ, Кіевѣ и Бобруйскѣ; поддерживались исправленіями—Рига съ принадлежащею къ ней Динаминдскою крѣпостью и Хотинъ.

Въ отношеніи управленія окраинами государства Николай Павловичъ, не трогая ихъ любви къ родному и національному, старался въ каждомъ изъ присоединенныхъ народовъ воспитать уваженіе къ Россіи; родственные же народы пріобщить къ общеславянскому дѣлу, представителями котораго были и есть русскіе.

Въ 1807 г. по Тильзитскому миру изъ польскихъ земель, отнятыхъ у Пруссіи было образовано *Варшавское Герцогство* и подчинено верховной власти саксонскаго короля. Для Наполеона оно было военнымъ депо, изъ котора-

---

*) Переименована въ 1834 г. въ крѣпость Новогеоргіевскъ.

го онъ набиралъ солдатъ для своихъ непрерывныхъ походовъ. Походъ Наполеона въ Россію окончательно довершилъ истощеніе герцогства и отнялъ у него послѣдніе жизненные соки, уронивъ финансы, подорвавъ кредитъ общественный и частный,— такъ рисуетъ состояніе родины современникъ.*)

Поэтому послѣ ряда волненій Царство Польское было приравнено по своему управленію къ общерусскимъ порядкамъ. Въ 1826 г. Николай Павловичъ сразу и ясно поставилъ настоящія рамки по спорному польскому вопросу и связаннымъ съ нимъ мечтаніямъ. Превратныхъ толкованій не могло быть, но государь твердо рѣшился поддерживать въ Царствѣ Польскомъ дарованную предшественникомъ его конституцію и слово свое сдержалъ, въ чемъ отдаютъ ему справедливость даже недоброжелатели изъ польскаго лагеря. „Характеръ государя съ трудомъ поддавался малѣйшему раздѣлу власти; тѣмъ не менѣе, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ своего царствованія императоръ Николай не только пальцемъ не затронулъ учрежденій Польши, но не переставалъ выполнять свои обязанности конституціоннаго короля лучше, чѣмъ его предшественникъ...“ Въ концѣ концовъ, быть можетъ, это былъ всетаки государь, наиболѣе подходящій для того, чтобы приспособить поляковъ къ условіямъ ихъ существованія.**) Польскій писатель Подчашинскій такъ рисуетъ внутреннее состояніе родины подъ скипетромъ русскаго царя: „черезъ 16 лѣтъ Польша была хорошо организованною промышленною страною, чего не было въ прежнее время.“***)

---

*) Описаніе польской революціи; сочиненіе напечатано въ Берлинѣ въ 1830 г.

**) Lisicki „Le Marquis Wielopolski“, Vienne, t. I, p. 86.

***) Revoue des deux mondes, 1832 г., № IV, стр. 139.

Николай I писалъ однажды цесаревичу Константину Павловичу: „... Если я ошибаюсь, я предпочитаю знать заранѣе, на кого могу полагаться, и честный человѣкъ среди нихъ самихъ отдастъ мнѣ справедливость, сказавъ: я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ.“ Вражды къ полякамъ царь не питалъ, какъ видно изъ того, что онъ для своего первенца сына просилъ цесаревича 23 ноября (5 декабря) 1827 г. прислать стараго надежнаго солдата, въ качествѣ *дядьки*, умѣющаго лишь говорить по-польски, ибо „необходимо“, по словамъ Николая Павловича для его сына, „чтобы въ особенности польскій языкъ былъ, по возможности, настолько же близко знакомъ ему, какъ и русскій.“ Такъ просто, говоритъ Шидлеръ, разрѣшался польскій вопросъ — этотъ камень преткновенія, о который разбилась любовь русскихъ къ императору Александру I.

По замѣченію лейбъ-медика Тарасова, уже воскреситель и благодѣтель Польши Александръ I, „усматривалъ, что депутаты (сеймовъ) вмѣсто сужденій о благоустройствѣ и общихъ интересахъ Царства занимались пустыми спорами и мелочными дѣлами, до ихъ личностей относящимися“; и заключалъ, что „если царство не умѣетъ само содержать себя, то его нужно организовать другимъ образомъ.“*)

Но, оставаясь всегда и вездѣ строгимъ исполнителемъ даннаго слова, Николай I даже призналъ необходимымъ собрать къ 16(28) мая 1830 г. польскій сеймъ. Это былъ первый сеймъ въ его царствованіе и четвертый со времени возстановленія королества Александромъ I. Тронная рѣчь императора Николая имѣла характеръ дѣловой

*) „Воспоминанія“, Рус. стар. 1872 г.

рѣчи и не оживляла въ памяти ни одного тягостнаго воспоминанія. Государь приглашалъ представителей упрочить твореніе возстановителя Польши благоразумнымъ и умѣреннымъ пользованіемъ своихъ правъ.*) Вліяніе Іюльской революціи во Франціи и ея послѣдствія отразились и на Польшѣ. Въ ноябрѣ 1830 г. вспыхнуло возстаніе съ цѣлью достиженія политической независимости. 27 августа 1831 г. возмущеніе было подавлено. Польша за свою попытку заплатила потерею конституціи, и уничтоженіемъ учредительной хартіи, замѣненной Органическимъ Статутомъ, точнѣе опредѣлившимъ отношенія Царства Польскаго къ Россіи. Въ послѣдствіи же послѣ бунта, сохраняя національное управленіе для Польши, временно отдѣльное отъ имперіи, Николай Павловичъ считалъ дѣломъ будущаго сліяніе ихъ и задачей своего времени лишь уничтоженіе тѣхъ революціонныхъ началъ, которыя всегда причиняли несчастія, какъ въ самой Польшѣ, такъ и въ сосѣднихъ съ нею государствахъ. „Вопреки ихъ волѣ," писалъ государь фельдмаршалу, „насильно ихъ (поляковъ) нужно сдѣлать счастливыми." Годы возстанія дѣйствительно были губительными для народнаго хозяйства всего Царства Польскаго, напр., въ 1832 г. крестьяне, при разныхъ эпидеміяхъ и холерѣ, не могли приступить къ засѣву полей, приходилось спасать отъ гибели все земледѣльческое населеніе, котора-

---

**) А. М. Грибовскій, статсъ-секретарь императрицы Екатерины характеризуетъ оцѣнку, какую рѣчь встрѣтила въ Россіи: „Странно видѣть,—пишетъ онъ,—государя самодержавнаго, обладающаго 50-ю милліонами народовъ на третьей части полушарія, говорящаго конституціоннымъ языкомъ и представляющаго власть свою ограниченною предъ горстью народа." Въ послѣдній разъ представители услышали рѣчь своего конституціоннаго короля; она заканчивалась словами: „quoique éloigne de vous, je veillerai perpétuelement a votre véritable bonheur." Впослѣдствіи представился еще разъ случай произнести рѣчь въ Варшавѣ, но она была уже другого содержанія и выходила на этотъ разъ изъ устъ грознаго и неумолимаго побѣдителя мятежа.

го тогда было 3,300,000 изъ 4 милліоновъ общаго числа жителей.*) Заботясь объ избавленіи края отъ возможности повторенія подобныхъ несчастій, фельдмаршалъ въ 1840 г. писалъ, что „голодъ тамъ возможенъ, гдѣ нѣтъ значительныхъ посѣвовъ картофеля.“ Этимъ Германія съ Фридриха Великаго, а теперь и Польша при малоблагодарной почвѣ гарантированы отъ тяжестей неурожаевъ хлѣба. Для улучшенія же сельскаго хозяйства было открыто Земельное Кредитное Общество и Банкъ Царства Польскаго.

Мюнхенгрецкая конвенція обязывала правительства всѣхъ трехъ захватовъ, т. е. частей стараго королества польскаго, поддерживать другъ друга въ единообразномъ направленіи, въ польскихъ земляхъ, политики. Императоръ Николай Павловичъ, не ограничиваясь общимъ характеромъ управленія, всѣми силами заботился помочь краю развиться на самыхъ прочныхъ основаніяхъ.

При установленіи или возвышеніи податей въ Царствѣ Польскомъ, особенно подъ владычествомъ нѣмцевъ и французовъ, имѣлись въ виду почти исключительно одни казначейскія соображенія, взявшія перевѣсъ надъ финансовыми,—добыть средства для покрытія правительственныхъ расходовъ; послѣднее мѣсто занимали соображенія о томъ, какое вліяніе на производительность и общее богатство страны имѣли эти подати. Роспись доходовъ и расходовъ на 1826 г. была первою, утвержденною Николаемъ I, обратившимъ особое вниманіе на статью для поощренія мануфактурнаго промысла въ 75,000 руб. и 45.000 руб. на постройку складовъ на шерсть, подлежавшіе возврату

---

*) Князь Щербатовъ „Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность,“ т. V, Петербургъ, 1896 г.

въ казну. При утвержденіи росписи на 1829 г. государь обратилъ вниманіе на улучшеніе финансовъ и выразилъ надежду, что при дальнѣйшей бережливости въ расходахъ съ увеличеніемъ запаснаго капитала представится возможность уменьшить налоги. Въ порядкѣ составленія росписи на 1830 г. уже произошла перемѣна въ томъ, что въ расходы включена была въ первый разъ статья „уплата государственнаго долга.“ Государь изъявилъ согласіе на то, чтобы на приведеніе тюремныхъ заведеній въ лучшее состояніе употреблена была сумма, сбереженная въ расходахъ, а также, чтобы приняты были мѣры къ снабженію арестантовъ здоровою и въ достаточномъ количествѣ пищею.

Въ 1832 г. 14 февраля послѣдовало высочайшее дарованіе Царству Польскому Уставной Грамоты, по которой (ст. 29) къ вѣдѣнію Государственнаго совѣта относилось лишь разсмотрѣніе годовой смѣты доходовъ и расходовъ Царства, *составляемой* его Совѣтомъ Управленія. При составленіи проекта росписки на 1835 г. отмѣчены уже возвышающіеся доходы края; а въ 1836 г. указано, что расходы казны Царства пришли въ нормальное положеніе, и казна Имперіи можетъ получать ежегодно по 3,150,000—сумму, оказавшуюся въ остаткѣ.

Но уже въ 1844 г. по случаю бѣдствій вслѣдствіе разлива рѣкъ, неурожая, падежа скота пріостановлено взиманіе казенныхъ податей. Казна также приняла на себя устройство Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, начатой акціонернымъ обществомъ, которое не было въ состояніи окончить ее; дорога стоила 9,503,515 р.; также нужно было изъять изъ обращенія гарантированныя правительствомъ акціи акціонеровъ. Эта дорога во время Венгерской компаніи сослужила свою службу на разстояніи $307\frac{1}{2}$ верстъ, т. е. до г. Ловича.

Кромѣ того, построено 1,918 верстъ шоссе на 7,365,109 руб. сер. Цѣлый рядъ подобныхъ поддержекъ Царству Польскому былъ оказанъ на счетъ Имперіи.

Въ 1851 г. произошла важная перемѣна въ Царствѣ, которая имѣла вліяніе на казенные доходы: 13 января снята была таможенная линія между Имперіей и Царствомъ Польскимъ, въ слѣдствіе чего пограничныя таможни Имперіи передвинулись на границу Царства со стороны Пруссіи и Австріи со взиманіемъ пошлины непосредственно въ казну Имперіи. Вмѣсто дохода съ таможенной пошлины назначена была казнѣ Царства въ видѣ ежегоднаго вознагражденія такая сумма, которая произошла изъ средней сложности полученнаго казною Царства за три 1845—8 г. г. чистаго дохода.

При снятіи таможенной линіи было постановлено, что должна быть уменьшена въ Царствѣ, начиная съ 1841 г. цѣна одного пуда соли съ 1 р. 30 к. до 85 коп., чтобъ такимъ образомъ сблизить цѣну во всемъ государствѣ; также приведена была въ однообразную, по возможности, система торговаго сословія Имперіи и Царства уставомъ о купеческихъ гильдіяхъ, согласно указу 28 мая 1851 г.

По причинѣ преобразованія денежной системы Россіи явилась возможность ввести русскія мѣры и вѣсы, и монетною единицею съ 1840 г. сталъ серебряный рубль. Слѣдствіемъ этого было оживленіе торговли въ польскомъ краѣ, ибо безпошлинный ввозъ экипажей, инструментовъ и т. п. увеличилъ запросъ на нихъ. Въ 1844 г. дозволено было ввозить безпошлинно же изъ-за границы для очищенія сахара кости животныхъ, и до 1848 г. свеклосахарное производство въ губерніяхъ Царства Польскаго вовсе не было обложено акцизомъ; безпошлинный ввозъ воловъ изъ Имперіи понизилъ

цѣну на мясо для всѣхъ жителей. Въ 1840 г. устроены конскія скачки, въ Яновѣ конскій заводъ; лошади выписаны изъ Англіи. Результаты всего этого скоро сказались въ общемъ увеличеніи доходовъ съ Царства Польскаго въ теченіе времени отъ мятежа до 1850 г. изъ 11 милліоновъ до девятнадцати.

По образованіи Царства Польскаго изъ бывшаго Герцогства Варшавскаго правительство обратило особое вниманіе на право крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ и не только наблюдало, чтобы земледѣльцы не были удаляемы изъ своихъ усадебъ, но, сверхъ того, приняло всевозможныя мѣры къ улучшенію ихъ быта; при этомъ, отмѣнялись обременительныя обязанности поселянъ, хотя бы таковыя и простекали изъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ или основывались на обычаѣ.

Согласно Положенію объ очиншеваніи крестьянъ, 4 (16) октября 1835 г., во всѣхъ имѣніяхъ, отходившихъ въ частную собственность, гдѣ еще не было произведено межеванія, велѣно было приступить къ нему безотлагательно и *отвести каждому крестьянскому двору не менѣе одной влуки новопольской мѣры.**)

Права и обязанности крестьянъ, по устройствѣ и оцѣнкѣ ихъ земель, заключались въ *свободномъ* выборѣ платить съ надѣленной земли чиншъ, давать отсыпъ или отбывать барщину, *или все это* исполнять по частямъ.

Чтобы пріохотить крестьянъ къ большей дѣятельности и хозяйственности, позволялось имъ откупиться отъ всѣхъ повинностей черезъ внесеніе, сразу или частями, капитала, соотвѣтствовавшаго тремъ четвертямъ двадцатилѣтняго дохода, вычисленнаго изъ 5%.

---

*) А. Дружининъ „Очерки податныхъ реформъ въ Привислинскомъ краѣ“, Плоцкъ, 1896 г.

Устройство это должно было быть исполнено безъ всякаго принужденія, а, напротивъ, не желавшимъ пользоваться этимъ благодѣяніемъ слѣдовало давать время на обдумываніе и выясненіе собственной пользы. Откупавшійся крестьянинъ входилъ во всѣ права полнаго владѣльца. Договоры, которые были совершены до изданія Положенія, только тогда оставались въ силѣ, если они не были крестьянамъ обременительны. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне, согласно давнему обычаю, отработывали болѣе трехъ дней въ недѣлю, барщина, какъ уменьшенная, должна была оставаться только въ три дня въ недѣлю *съ усадьбы*, а не съ души; остальныя повинности установлялось оплачивать наличными деньгами. Для опредѣленія чиншей основаніемъ служили нормальныя цѣны, утвержденныя Правительственною Комиссіею Финансовъ и Казначейства. Устанавлялась также необходимость отдѣленія крестьянскихъ земель отъ фольварочныхъ и другихъ имѣній, чтобы тѣмъ устранить вредную для земледѣлія черезполосность и опредѣлить каждому владѣльцу, сколько возможно, удобнѣйшія въ хозяйственномъ отношеніи границы.

Условіемъ размежеванія должно было быть раздѣленіе земель между крестьянами *колоніальное*, т. е. каждый хозяинъ долженъ получить всѣ свои поля, луга и огороды—въ одной нераздѣльной окружности. Въ случаѣ же, когда одна часть деревни изъявила бы согласіе на размежеваніе земель *колоніями*, а другая просила бы раздѣленія на *общія поля*, требованія крестьянъ удовлетворялись: кромѣ пастбищъ, дорогъ и выгоновъ, обѣ части деревни не должны были имѣть ничего общаго. *Колоніальное* устройство тѣмъ не менѣе правительствомъ болѣе поощрялось, чѣмъ *общинное*. Такимъ образомъ, по размежеваніи крестьянскихъ земель, согласно 13 статьѣ инструкціи 1841 г.,

составлялся по каждой порознь деревнѣ межевой реестръ. Крестьяне при этомъ имѣли право откупаться отъ чинша. Все это касалось устройства быта крестьянъ въ имѣніяхъ казенныхъ и во всемилостивѣйше пожалованныхъ. Увеличеніе крестьянъ-собственниковъ и чиншевиковъ было очень желательно, такъ какъ они отличались болѣе старательною обработкою полей.

Въ 1846 г., 26 мая правительство впервые рѣшилось вмѣшаться въ судьбу польскихъ помѣщичьихъ крестьянъ, издавъ указъ, совершенно измѣнившій юридическое положеніе ихъ въ отношеніи занимаемой земли. Этотъ указъ Н. А. Милютинъ справедливо назвалъ *лучшимъ памятникомъ русскаго вліянія въ Варшавѣ*. Этимъ указомъ ограничивался вообще произволъ помѣщиковъ, запрещалось удалять крестьянъ изъ имѣній, отнимать, уменьшать предоставленный каждому поселянину участокъ или угодья и увеличивать повинности; поселянамъ разрѣшалось по желанію переселяться, предваривъ о томъ владѣльца за три мѣсяца до начала хозяйственнаго года; уничтожалась всякая принудительность „даремщинъ“, не имѣющихъ законнаго основанія; крестьянамъ оказывалось правосудіе и законная защита тѣмъ, что сдѣлки съ помѣщиками должны совершаться при посредствѣ контроля губернскаго начальства.

Такимъ образомъ, признаніе абсолютнымъ собственникомъ земли одного лишь владѣльца имѣнія было, очевидно, во многихъ случаяхъ, дѣломъ несправедливымъ по отношенію къ крестьянамъ, права которыхъ на пользованіе землею, послѣ долгаго забвенія, впервые были опредѣлены указомъ 1846 г. По высочайшему указу 26 мая этого года помѣщики лишались указанныхъ „даремщинъ“ и права уменьшенія полевыхъ участковъ крестьянъ.

Кромѣ всего этого, еще въ 1844 г. Николай I обратилъ вниманіе намѣстника на необходимость не допускать учрежденія новыхъ городовъ, имѣвшихъ особенною цѣлью открытіе ярмарокъ, такъ какъ Царство Польское по преимуществу край земледѣльческій, а избытокъ въ немъ городскаго населенія, сверхъ дѣйствительной по мѣстнымъ условіямъ края потребности, произошелъ не столько въ слѣдствіе врожденнаго и свободнаго стремленія жителей къ промысламъ, сколько отъ искусственнаго поощренія промышленности, особенно во время управленія министра финансовъ князя Друцкого-Любецкаго. При этомъ государемъ было сдѣлано замѣчаніе, что въ данномъ случаѣ разсчетъ казны о доходахъ долженъ быть второстепеннымъ. Для уменьшенія же расходовъ государь утвердилъ раздѣленіе Царства на пять губерній вмѣсто прежнихъ восьми воеводствъ, что уменьшило бюджетъ. А въ 1841 г. упраздненъ въ Варшавѣ Государственный Совѣтъ, такъ какъ въ Петербургѣ при Правительствующемъ Сенатѣ были открыты „девятый“ и „десятый“ департаменты для Царства Польскаго.

Въ этомъ же году въ годовщину революціи 1831 г. открытъ на Саксонской площади памятникъ „полякамъ, павшимъ за вѣрность своему государю“ (1830), теперь перенесенный на Зеленую площадь. Также въ видахъ объединенія введенъ общій съ имперіею Уголовный Уставъ.

Почти всѣ гарантіи, существующія для обвиняемыхъ въ нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ уставахъ императора Александра II, были введены манифестомъ еще 1832 г. въ учрежденный уголовный судъ надъ польскими мятежниками и заслуживали полнѣйшей признательности поляковъ. Тогда какъ въ самой Россіи только тридцать лѣтъ спустя подобныя постановленія были приняты въ основаніе уго-

ловнаго суда съ обязательнымъ назначеніемъ защитниковъ для подсудимыхъ съ цѣлью гарантированія въ случаяхъ невиновности оправданія ихъ. По *уставной грамотѣ* Царства Польскаго (Statut Organiczny), подписанной государемъ 14 февраля 1832 г., „въ теченіе трехъ дней арестованный долженъ былъ быть представленъ къ надлежащему судебному мѣсту."

Управленіе при полномъ развитіи положенныхъ Николаемъ I основаній дало бы Польшѣ національныя учрежденія съ народнымъ представительствомъ, о которомъ въ то время Германія и Австрія могли только мечтать.*) Высочайше дарованная уставная грамота превышала упованія поляковъ. „Россія", писалъ государь фельдмаршалу, „зла не помнитъ, и мнѣ дороги одинаково всѣ вѣрноподанные безъ различія ихъ національности и вѣроисповѣданія."

Въ видахъ ограниченія неумѣстной въ учебныхъ заведеніяхъ пропаганды, предпринимавшейся духовенствомъ съ цѣлью задержки развитія духа національнаго, съ которымъ католицизмъ, *какъ религія всемірная*, не могъ мириться,—императоръ Николай I повелѣлъ въ 1826 году (14 августа) составить общеобязательное руководство для преподаванія Закона Божія во всѣхъ учебныхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и военныхъ заведеніяхъ Имперіи.

Въ 1854 г., какъ продолженіе указаннаго, подъ руководствомъ Виленскаго католическаго епископа, впослѣдствіи митрополита всѣхъ католическихъ церквей въ Россіи, Жилинскаго, составленъ былъ особый молитвенникъ для учащагося юношества, въ томъ же духѣ христіанской любви и терпимости, со внесеніемъ съ него соотвѣтствующей молитвы за государя.

---

*) Кн. Щербатовъ, т. V, 57.

Вообще школы Царства Польскаго находились въ рукахъ монашествующаго ордена піаристовъ, которые, при всѣхъ своихъ педагогическихъ достоинствахъ, были проникнуты духомъ крайней религіозной нетерпимости и фанатизма. Поэтому въ 1839 г. народное образованіе Польши поступило въ вѣдѣніе русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія, безъ чего принятіе въ университеты имперіи было затруднено. Въ виду закрытія университета послѣ 1831 г. устроены при гимназіяхъ спеціальные высшіе курсы.

Для сближенія и ознакомленія польской и русской національностей другъ съ другомъ было введено преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на общегосударственномъ языкѣ съ 20 ноября 1839 г., когда учрежденъ Варшавскій Учебный Округъ. Въ 1841 г. пересмотрѣны учебныя книги по всѣмъ предметамъ, и введено обученіе славянскому языку какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ „обводовыхъ“ училищахъ.

Относительно воспитанія юношества была принята общая своеобразная мѣра, которая подчиняла правительственному контролю домашнее образованіе: черезъ каждые два года частные учителя съ своими питомцами должны были являться на экзамены въ гимназіи и другія учебныя заведенія.

Въ 1840 г. былъ открытъ въ Варшавѣ, на Маримонтѣ, институтъ сельскаго хозяйства и въ самомъ городѣ реальная гимназія. Въ это время въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ насажено до 30 тысячъ деревьевъ, а Лазенковскій паркъ въ Варшавѣ былъ очень запущенъ, и государь велѣлъ тамошнему садовнику пріѣхать въ сѣверную столицу, чтобы посмотрѣть и поучиться, какъ содержать сады.

Въ дѣлѣ учрежденія майоратовъ, каковыхъ общее число равняется 138, въ 1835 г. существенное значеніе имѣло поземельное устройство крестьянъ въ имѣніяхъ, предназначенныхъ поступить во владѣніе русскихъ дворянъ; при чемъ крестьянамъ предоставлялось указанное право выкупа чинша, а цѣлью пожалованія майоратовъ было положить начало русскому въ краѣ дворянству.

Сдѣлана была также попытка посредствомъ колонизаціи водворить русскій православный элементъ въ среду католическаго крестьянскаго населенія. На первое время предположено было скупить имѣнія кругомъ Новогеоргіевской крѣпости и поселить тамъ государственныхъ изъ смежныхъ русскихъ губерній крестьянъ. Между мѣстечкомъ Закрочимомъ и деревнею Коссевскою было поселено 95 семействъ, прибывшихъ изъ псковской губерніи. Но русская колонизація ограничилась этими попытками незначительнаго поселенія, такъ какъ крестьяне въ Царствѣ Польскомъ были чужды революціонныхъ стремленій и въ политическомъ отношеніи благонадежны. Въ 1839 г. къ православію присоединилось по собственному желанію около 2-хъ милліоновъ уніатовъ; съ паденіемъ же уніи въ западномъ краѣ, вмѣсто этого, Ватиканъ добился учрежденія новой латинской епархіи — тираспольской. Отмѣною уніи ослаблена католическая полонизація. Высочайшимъ указомъ 1828 г. повелѣно было для уніатскихъ церквей въ Россіи учредить, подъ предсѣдательствомъ митрополита ихъ, Іосафа Булгака, особую *грекоуніатскую коллегію*, которая обязана была тщательно наблюдать, чтобы чинъ богослуженія и весь порядокъ іерархіи охранялся отъ введенія чуждыхъ, несвойственныхъ греческимъ обрядамъ, обычаевъ, на точномъ основаніи соборныхъ грамотъ 1596 года, положившихъ начало уніи. Управленіе дѣ-

лами грекоуніатскихъ церквей было предоставлено, подъ вѣдѣніемъ коллегіи, двумъ епархіальнымъ начальствамъ, бѣлорусскому и литовскому; въ той и другой епархіи были учреждены каѳедральные соборы, консисторія Жировицкая близъ г. Слонима, семинарія и первоначальныя училища. Результатомъ такихъ мѣръ и было постепенное исчезнованіе уніи. По иниціативѣ Сѣмашко въ 1834 г. г. уніатскимъ священникамъ была предложена добровольная подписка о присоединеніи къ православію. Число уніатскихъ священниковъ и приходовъ, отказавшихся отъ присоединенія было незначительное. Въ 1838 г. управленіе дѣлами коллегіи ввѣрено было оберъ-прокурору Св. Синода.

Часть старовѣрческаго Сувалкскаго населенія, близъ города Сейны, перешла въ 1842 г. въ единовѣріе; эти поселенія уживались въ Польшѣ, процвѣтая и сохраняя всѣ свои религіозныя и бытовыя особенности; колонизаціи же русскихъ православныхъ положительно не удавались въ виду, между прочимъ, и малочисленности ихъ, и отсутствія руководящихъ духовныхъ центровъ въ краѣ. До 1825 г. православныхъ церквей было всего шесть: Варшавская Свято-Троицкая на Подвальной улицѣ, Опатовская—въ Радомской губерніи, Люблинская, Петроковская, Калишская и Дрогичинская. Церкви матеріально были недостаточно обставлены и не всегда даже имѣли отдѣльныя зданія, напр., Петроковская помѣщалась на чердакѣ каменнаго дома. Онѣ разновременно были устроены выселявшимися изъ Турціи греческими купцами и въ 1825 г. были изъяты изъ вѣдѣнія буковинскихъ архіереевъ, духовенство же въ Царствѣ было поручено Св. Синоду. Ближайшее завѣдываніе церковными дѣлами первоначально вручалось волынскому епархіальному начальству.

Въ 1834 г., въ Варшавѣ была образована епископская каѳедра, вскорѣ возведенная въ архіепископскую съ соборомъ въ послѣдствіи устроены 26 церквей, духовное училище. Первый архіепископъ Антоній, назначенный въ 1843 г. петербургскимъ митрополитомъ, уже успѣлъ настолько, что оставилъ своему преемнику по варшавской каѳедрѣ Никанору семнадцать православныхъ церквей съ 800 приблизительно прихожанъ при каждой; все же православное населеніе Царства не превышало 12.749 душъ, за исключеніемъ, конечно, большого числа военныхъ.

Могущественно взлетѣвъ надъ стѣнами Варшавы, орелъ двуглавый въ лицѣ Николая I относился къ полякамъ съ полнымъ вниманіемъ къ ихъ больнымъ мѣстамъ. Вскорѣ послѣ войны, 12 мая 1829 г. императоръ коронуется въ Варшавѣ польскою короною, согласно § 45 конституціи, дарованной королевству Александромъ I, гдѣ значится: „Всѣ наши преемники въ королевствѣ польскомъ обязаны короновать себя королями польскими въ столицѣ.“ Въ Россіи извѣстіе о предстоявшей варшавской коронаціи не было встрѣчено съ сочувствіемъ; говорили, что не было примѣра, чтобъ два раза короновались цари, а особенно въ покоренныхъ царствахъ. Государь запретилъ снять съ бывшаго королевскаго замка и люстръ въ залахъ прежняго герба— одноглаваго орла, сказавъ: „пусть останется эта птица“ *). Но, щадя національное самолюбіе, государъ имѣлъ въ виду необходимое сліяніе славяно-польской окраины съ имперіей. Въ письмѣ къ князю Паскевичу онъ писалъ: „Нужно истреблять все то,

*) И теперь въ замкѣ можно его видѣть съ поворотомъ головы направо, въ отличіе отъ прусскаго съ поворотомъ ея налѣво. Коронаціонный всенародный выходъ былъ совершенъ въ костелѣ св. Яна.

что намъ вредно и опасно быть можетъ,— самая тяжелая и непріятная обязанность, но обязанность святая предъ нашимъ отечествомъ, драгоцѣннѣйшей кровью два раза покорившимъ Польшу... По краковскому договору я съ тобой не согласенъ. Брать себѣ ничего не хочу. Дѣло рѣшено еще въ Теплицѣ, и Краковъ долженъ быть австрійскимъ, а не прусскимъ. Но ежели хотятъ австрійцы помѣняться и отдать мнѣ Галицію взамѣнъ всей Польши по Бзуру и Вислѣ, отдамъ и возьму Галицію сейчасъ, ибо нашъ старый край."

Въ Финляндіи предпринято размежеваніе земель, учрежденіе земледѣльческаго института и двухъ образцовыхъ фермъ. Одна изъ важнѣйшихъ въ краѣ—горная промышленность особенно стала развиваться на вновь основанныхъ заводахъ; были вызваны изъ Швеціи искусные горные механики и оберъ-кузнечные мастера для новѣйшаго выдѣлыванія желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій. На Александровскомъ заводѣ въ выборгской губерніи выдѣлывалась мѣдь. Почти всѣхъ родовъ фабрики были открыты, а Технологическій институтъ въ г. Гельсинфорсѣ для процвѣтанія ремеслъ. Съ этими издѣліями въ нѣкоторыхъ открытыхъ для насъ въ Китаѣ гаваняхъ развѣвался русскій флагъ на финляндскомъ кораблѣ. Мѣстная промышленность была разиваема при помощи облегченія сообщеній и устройствомъ новыхъ дорогъ, каналовъ, шлюзъ; преобразованіемъ въ 1840 г. Финляндскаго банка и т. п. Поэтому сбытъ сельскихъ произведеній, нѣкогда шедшій въ Швецію, обратился теперь въ Россію и главнымъ образомъ въ Петербургъ, такъ какъ съ 1840 г. было прекращено обращеніе шведскихъ ассигнацій, а отъ этого исключительное торговое сношеніе Великаго Княжества Финляндскаго со Швеціей. Русскія ассигнаціи были переложены на серебро, швед-

скія же обмѣнены на русскія въ количествѣ 1,400,000 руб. серебромъ. Послѣ пожара университетъ былъ перенесенъ изъ Або въ Гельсингфорсъ; основанъ кадетскій корпусъ въ Фридрихсгамѣ, Л. Гв. Финскій стрѣлковый и Гренадерскій баталіоны и морской экипажъ. Связующимъ элементомъ финляндской окраины съ русской землей опять таки служило введеніе общегосударственнаго русскаго языка.

Прибалтійскій край—Лифляндія, Эстляндія и Курляндія—также подвергся преобразованіямъ организаторскаго духа государя. Сводъ мѣстныхъ узаконеній остзейскаго законодательства устранилъ запутанность относительно оцѣнки, разсмотрѣнія и рѣшенія уголовныхъ дѣлъ и неопредѣленность нѣкоторыхъ установленій—пережитковъ западно-европейскаго наслѣдія и вліянія.

Въ 1836 г. учреждено въ Ригѣ въ зависимости отъ псковского епархіальнаго начальства особое викаріатство. Готовящимся къ занятію мѣстъ священниковъ въ Лифляндіи, открытіемъ въ псковской духовной семинаріи преподаванія латышскаго языка съ 1842 г. 2 января, а эстскаго съ 21 января 1843 г.,—дана возможность изученія мѣстныхъ народныхъ языковъ. Кромѣ того, были изданы латышско-русскія (2,000 экзем.) и эстско-русскія (3,000 экзем.) азбука и переводы молитвъ Божественной литургіи на обоихъ языкахъ (6,000 экз.). Потомъ послѣдовало учрежденіе отдѣльно Лифляндской и Курляндской епархій.

Въ 1847 г. по договору съ римскимъ дворомъ положительно опредѣлены отношенія и подчиненность папѣ католическихъ духовныхъ властей въ Имперіи.

Были предприняты мѣры къ распространенію мануфактурныхъ фабрикъ, заводовъ, тонко-руннаго овцеводства; учреждены въ Ригѣ (1838 г.) и Ревелѣ (1840 г.) ярмарки, а система

русскихъ мѣръ и вѣсовъ введена еще съ 11-го октября 1835 г.; отъ рекрутской повинности были освобождаемы ученики Лифляндской школы луговодства и мѣщане-ремесленники.

Южная окраина—Кавказъ тоже постепенно устраивались подготовительными мѣрами казацкихъ поселеній въ связи съ такимъ же указаннымъ движеніемъ въ Азію, устройствомъ Сыръ-Дарьинской линіи и вновь возведеннымъ укрѣпленіемъ—„Вѣрнымъ."

Между прочимъ, въ Пятигорскѣ для лучшаго его устройства ежегодно отпускались изъ казны 200,000 руб. въ теченіе пяти лѣтъ—съ тѣмъ, чтобы всѣ остатки отъ ассигнованныхъ суммъ обращались на составленіе особаго „Капитала Кавказскихъ минеральныхъ водъ."

IX.

Денежная реформа: кредитные билеты и девальвація. Пути сообщенія, почта и законодательная дѣятельность.

Изъ дѣлъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, вмѣсто несоотвѣтствовавшихъ по цыфрѣ серебру обезцѣненныхъ ассигнацій, было установленіе кредитной системы, обезпечивающей гражданамъ безостановочный обмѣнъ бумажекъ на звонкую монету,— чего до сихъ поръ не могло быть при отсутствіи наличнаго металла и при усиленныхъ послѣ отечественной войны выпускахъ ассигнацій, имѣвшихъ поэтому и у насъ и особенно на заграничныхъ рынкахъ малую противъ номинальной цѣнность. Идея кредитныхъ билетовъ пвинадлежала

непосредственно императору Николаю I, съ обезпеченнымъ всѣми государственными недвижимыми имуществами ихъ хожденіемъ наравнѣ со звонкою монетою; тогда какъ ассигнаціи не были гарантированы ничѣмъ положительнымъ. Такимъ образомъ, главною государственною платежною монетою возстановлена была серебряная, а для ассигнацій, какъ вспомогательныхъ лишь знаковъ цѣнности, былъ опредѣленъ постоянный на серебро курсъ впредь до постепеннаго изъятія ихъ изъ обращенія.

Въ Россіи издавна существовали бумажныя деньги—*ассигнаціи,* какъ болѣе удобныя. Въ царствованіе Николая I онѣ сначала замѣнены *депозитными* билетами, родъ квитанцій въ извѣстныя суммы на отданное въ сохраненіе (dèposer) правительству народное имущество, въ видахъ удобства обращенія. Вмѣсто депозитныхъ билетовъ съ *обезпечивающимъ* ихъ фондомъ были выпущены *кредитные* билеты съ обязательностью безпрепятственнаго размѣна ихъ на звонкую монету по требованію, до 100 руб. на одно лицо. Это былъ заемъ у народа его монеты, замѣненной кредитными записками, или расписками, *подъ отвѣтственностью всего достоянія государства.* „Государственные кредитные билеты будутъ выпускаться въ 100, 50, 25, 10, 5, 3 и 1 руб. сереб., *настоящей цѣнности,* т. е. заключающіе въ себѣ 4 золотника 21 долю," какъ сказано въ статьѣ 1120 государственныхъ кредитныхъ учрежденій. Нельзя не порадоваться пробужденію энергіи ловить убѣгающаго коня, наше золото, и принимать мѣры къ прегражденію возможности убѣгать коню вновь, когда онъ будетъ пойманъ.

Самъ царь *потребовалъ* гласности въ обсужденіи финансовыхъ вопросовъ. Но нельзя сваливать всѣ обвиненія въ неокончаніи или въ неудачномъ окончаніи хорошихъ началъ царя на одного только его, забывая, что онъ одинъ

въ полѣ, да еще такомъ широкомъ, какъ Русь, не воинъ,—истреблять недостатки одному нелегко. Нельзя судить о государственныхъ дѣятеляхъ внѣ пространства и времени, выхватывая ихъ изъ той общественной, политической и моральной среды и обстановки, въ которой имъ приходилось жить и дѣйствовать. Необходимо перенестись въ ту атмосферу, въ тогдашнія условія...

Поэтому, въ видахъ большей наглядности финансоваго положенія Россіи, слѣдуетъ вкратцѣ вспомнить итоги предшествовавшаго времени. Къ 1810 г. разстройство русскихъ финансовъ, говоритъ П. П. Мигулинъ,*) достигло крайней степени. Дефицитъ 1808 г. опредѣлился въ 124 мил. руб., а въ 1809 г. въ 143 мил. Дефициты 1812—15 г. г. достигли цифры 423,698,402 р., а вмѣстѣ съ тѣми расходами которые оставались къ исполненію (107,226,949)—530,925,351 р. Между тѣмъ Россія ничѣмъ почти не возмѣстила своихъ громадныхъ затратъ на освобожденіе западной Европы отъ преобладанія Наполеона и не извлекла никакихъ почти выгодъ изъ успѣшнаго окончанія тяжкой и разорительной борьбы. Отъ присоединенія „Герцогства Варшавскаго" Россія не могла извлечь никакихъ выгодъ, такъ какъ оно было присоединено какъ отдѣльное государство, со своею конституціей, финансами, таможенной охраной и проч., и должно было составить, какъ и Финляндія, не источникъ доходовъ, а новое, тяжелое бремя для общеимперскаго бюджета.—Контрибуція отъ Франціи за военныя издержки составила всего (въ 1816—1821 г.) въ русской валютѣ 102,344,350 р. ассиг. Най-

---

*) „Русскій государственный кредитъ (1769—1899 г.)", т. I, Харьковъ, 1899 г.

болѣе существеннымъ для Россіи вознагражденіемъ за ея затраты въ концѣ концовъ явилось принятіе на себя Англіей и Голландіей по конвенціи 7 мая 1815 г. части уплатъ по русскому („голландскому“) внѣшнему займу.

Министръ финансовъ Д. А. Гурьевъ 17 марта 1816 г. лично представилъ государю свои соображенія, въ которыхъ указывалъ на особую опасность для государства отъ огромнаго количества выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій, которыми покрывались со времени Екатерины II всѣ дефициты. Въ 1816—1820 г. оказывается, что дефицитъ по обыкновенному бюджету въ этомъ періодѣ достигъ 245.315.603 р. ассигн.*), а въ 1822 г. дефицитъ равняется 351,244,048 руб. ас. Между тѣмъ пользованіе внѣшнимъ кредитомъ для займовъ было очень затруднено, такъ какъ съ первыхъ же лѣтъ царствованія Николая I нерасположеніе западно-европейскаго общества къ Россіи вспыхнуло съ новою силой подъ вліяніемъ усердно распространяемыхъ слуховъ о честолюбивыхъ видахъ и завоевательныхъ намѣреніяхъ русскаго государства, отчасти на основаніи угрозъ нашей дипломатіи въ 1831 г. по адресу Бельгіи и Франціи, отчасти сосредоточеніемъ въ Царствѣ Польскомъ грозной арміи подъ начальствомъ кн. Паскевича. Наступившая послѣ Наполеоновскихъ войнъ повсюду въ Европѣ реакція, разразившаяся потомъ бурею 40-хъ годовъ, подавленіе всякаго проявленія свободной мысли, самый застой въ промышленности и торговлѣ, западно-европейское общество приписывало Россіи. Между тѣмъ Россія вела одну войну за другою: съ Персіей, Турціей, Польшей, на Кавказѣ,—что требовало громад-

*) Сборн. Рус. Ист. Общ., т. 45, стр. 500—51.

ныхъ расходовъ. Въ одномъ 1827 г. война съ Персіей поглотила 23,054,467 руб. по разсчетамъ самаго Канкрина*), а по свѣдѣніямъ Бліоха**) даже 24,473,652 руб. ассиг. Война эта впрочемъ окончилась весьма выгоднымъ Туркманчайскимъ трактатомъ 10 февраля 1828 г., по которому къ Россіи были присоединены Нахичеванское и Эриванское ханства, и, кромѣ того, Персія обязалась уплатить контрибуцію въ размѣрѣ 20,000,000 руб. сер., (изъ нихъ впослѣдствіи 3,600,000 руб. сер. было „прощено"—П. С. 3. (2-ое) № 1794). Однако простое сопоставленіе нѣкоторыхъ цыфръ, напр., относящихся къ внѣшней торговлѣ, можетъ доказать, что ни о какомъ тормаженіи духа предпріимчивости въ странѣ не было. Такъ, въ 1822 г. вывозъ составлялъ

50,427,900 р. с., ввозъ 41,637,500 р. с.
въ 1832 г. 66,381,700 р. с. „ 51,422,600 р. с.
въ 1842 г. 82.225,400 р. с. „ 82,975,600 р. с.

Значитъ, равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ было вполнѣ благопріятное, несмотря на войны.

Между тѣмъ Тукманчайскій миръ принесъ огромныя выгоды Россіи: упрочено было владычество надъ Армянскою возвышенностью, и черезъ патріарха Эчміадзинскаго, принявшаго русское подданство, пріобрѣтено моральное вліяніе на всѣхъ армянскихъ христіанъ, разсѣянныхъ въ Персіи и Турціи; этимъ миромъ обозначались твердыя, безопасныя границы Россіи за Кавказомъ, а торговля русская получила полную неприкосновенность и преимущества. Война же съ Турціей тоже имѣла полезное значеніе. Султанъ обязался предоставить русскимъ подданнымъ полную свободу

---

*) Его „Краткій обзоръ рос. финансовъ," изд. 1880 г., стр. 72.
**) Финансы Россіи, т. I, стр. 182.

торговли на всемъ пространствѣ своей имперіи и на всѣхъ водахъ, ей принадлежащихъ, а по условіямъ Адріанопольскаго мира Турція окончательно признала независимость Греціи.

Выручка отъ займа 1828—9 г. г., полученная контрибуція отъ Персіи (16,400.000 руб сер.) и отъ Турціи (1,500,000 червон.=4,545,000 руб. сер.) и нѣкоторые другіе источники дали возможность довести въ 1830 г. военный фондъ до 65,766,981 руб. ассиг., который и сослужилъ въ слѣдующемъ году свою службу во время движенія войскъ въ Дунайскія княжества для сведенія счетовъ съ Турціей, къ польской границѣ и на Кавказъ. Несомнѣнно, что этотъ фондъ былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы онъ могъ покрыть всѣ издержки, вызванныя хотя бы, напр., однимъ польскимъ возстаніемъ, потребовавшимъ въ одномъ 1831 г. болѣе 118 милл. руб. ас. Россія, не смотря на неслыханный успѣхъ турецкой войны, получила по Адріанопольскому миру еще нѣсколько островковъ въ устьяхъ Дуная и незначительную область въ Азіи съ городами Поти, Анапой и Ахалцыхомъ. Зато была освобождена Греція, а Молдо-Валахія и Сербія поступила подъ протекторатъ Россіи. Такимъ образомъ, Россія не извлекла изъ войны почти никакой пользы, кромѣ усиленія своего обаянія на Востокѣ, которое не вело, конечно, къ какимъ либо матеріальнымъ выгодамъ, но польза и виды государства и не имѣютъ непремѣнно одни лишь коммерческіе счеты и соображенія. Послѣ ликвидаціи расходовъ по оконченнымъ войнамъ въ Персіи, Турціи и Польшѣ дефицитъ въ 1832-1840 г. достигъ суммы 71,643,993 руб. сер. = 250,753,975 руб. ассиг. Для покрытія его было сдѣлано позаимствованій въ 1832—40 г. изъ 1) сохранныхъ казенъ на 18,166,044 р. сер., изъ 2) Заемнаго Банка 60,033,811 р. сер.,—всего на сумму 78,199,855 р. с., т. е. болѣе, чѣмъ

достаточную для покрытія указаннаго дефицита. Только въ началѣ сороковыхъ годовъ графъ Канкринъ обратился къ *внѣшнему* займу, произведенному въ весьма благопріятный для Россіи моментъ. Расходованіе займовъ 1828—1829 г. г. и 1831—2 г. г. мотивированъ былъ необходимостью покрытія расходовъ по войнамъ съ Персіей, Турціей и Польшей. Въ 1835 г. былъ заключенъ Польскій заемъ *подъ гарантіей русскаго правительства* для уплаты долга Царства Польскаго имперіи, который былъ опредѣленъ въ 15 милл. руб. ас.; конечно, эта сумма составляла только часть дѣйствительныхъ расходовъ имперіи на Царство Польское. Заемъ 1840 г. былъ выпущенъ для покрытія бюджетныхъ дефицитовъ и для образованія размѣненнаго фонда по случаю возстановленія металлическаго денежнаго обращенія; займы 1841—3 г. г. предзначены были на сооруженіе желѣзной дороги. Изъ суммъ, вырученныхъ посредствомъ кредитныхъ операцій, далеко не всѣ были издержаны непроизводительно. Помимо 4%-хъ займовъ 1842—3 г. г., спеціально предзначенныхъ для сооруженія Николаевской ж.-д., весьма значительная часть указанныхъ позаимствованій изъ государственныхъ банковыхъ установленій была употреблена на сооруженіе шоссейныхъ дорогъ (около 5,000 верстъ), на устройство рѣчныхъ системъ-Вышневолоцкой, Маріинской, Тихвинской, канала герцога Александра Виртембергскаго, Днѣпровско-Бугскаго; а на улучшеніе портовъ—Рижскаго, Либавскаго, Виндавскаго; на сооруженіе казенныхъ и общественныхъ зданій и т. п. Вообще, министръ финансовъ сумѣлъ поднять государственный русскій кредитъ на подобающую высоту и значительно удешевить его. Созданъ былъ также и внутренній дешевый кредитъ, правда въ формѣ весьма несовер-

шенной, но соотвѣтствовавшей вполнѣ условіямъ и требованіямъ тогдашней русской жизни. Умѣлая экономическая политика создала для Россіи постоянный и выгодный платежный балансъ, уравнѣшивавшій государственные доходы съ расходами. Въ дѣлѣ реформы денежнаго обращенія сыграли полезную роль государственныя банковыя установленія, давшія возможность казначейству не прибѣгать въ значительныхъ размѣрахъ къ внѣшнимъ (металлическимъ) займамъ, оплата которыхъ могла бы невыгодно отразиться на русскомъ платежномъ балансѣ, а также и на вексельныхъ курсахъ. Расширяя пріемъ вкладовъ на началахъ востребованія ихъ во всякое время и начисленія сложныхъ процентовъ, Министерство Финансовъ удовлетворяло настойчивымъ желаніямъ публики, нуждавшейся именно въ такомъ помѣщеніи своихъ сбереженій, замѣняя населенію сберегательныя кассы. Банками усиленно производились ипотечныя ссуды и ссуды государственному казначейству, которое часто брало ихъ единственно только для того, чтобы дать „праздно-лежащимъ“ капиталамъ помѣщеніе. Между прочимъ за счетъ этихъ позаимствованій производилось устройство шоссейныхъ дорогъ. О тормаженіи же промышленности не могло быть и рѣчи, когда самъ министръ финансовъ вполнѣ ясно *офиціально указывалъ*,*) что ссуды изъ Заемнаго банка необходимо разрѣшить именно для поощренія внутренней и внѣшней торговли, промышленности и для поддержанія дворянскаго состоянія.

Въ 1818 г. въ заемномъ банкѣ частныхъ вкладовъ состояло на 22,826,770 р. с., въ 1820 г. 29,238,500 р. с. Вслѣдъ затѣмъ количество

---

*) Рѣчь въ Совѣтѣ Госуд. Кред. Устан. въ 1824 г.

вкладовъ начинаетъ уменьшаться, и въ 1824 г. опредѣляется только въ 24,705,412 р. с. Съ 1825 г., благодаря новымъ финансовымъ мѣрамъ, вклады опять стали возрастать и въ 1843 г. дошли до 44,358,351 р. с. Въ это время вообще въ государственныхъ банковыхъ установленіяхъ вклады частныхъ лицъ доходили до 477,286,807 р. с. Отвѣчая за эти вклады передъ обществомъ, правительство, какъ собственникъ кредитныхъ установленій, принимало на себя обязательство ежегодно уплачивать 4% по этой суммѣ въ количествѣ 19,091,472 р. с. Эту сумму необходимо было такъ или иначе добыть, а слѣдовательно, и дать вкладамъ производительное и выгодное помѣщеніе. Проще всего и наиболѣе безопасно было, конечно, помѣщать вклады въ ипотечныя ссуды и въ ссуды на государственныя нужды. О незначительности коммерческихъ операцій банковъ можно судить по слѣдующимъ цыфрамъ о нихъ въ Коммерческомъ банкѣ къ 1844 г.:

1. Учетъ векселей составилъ 4,086,941 р. с.
2. Ссуды подъ товары . . . 495.848 р. с.
3. Ссуды подъ залогъ сельскохоз. произведеній. . . . 3,119,762 р. с.

8,119,762 р, с.

Причиной слабаго развитія этихъ чисто комерческихъ операцій отчасти была недостаточность провинціальныхъ отдѣленій банка, отчасти объясняется общимъ отсутствіемъ предпріимчивости времени крѣпостной эпохи. Относительно же капиталовъ, которыми располагалъ казенныя кредитныя установленія, нужно сказать, что они были громадны. —Приведенные *факты* показываютъ, что неправильно было бы говорить за это время о „закрѣпощеніи кредитныхъ учрежденій въ пользу казны и помѣщиковъ „капитала“.

Съ другой стороны, общепризнана заслуга разбираемой эпохи въ дѣлѣ упроченія и возстановленія въ Россіи металлическаго денежнаго обращенія. Благодаря этой реформѣ, государственное казначейство получило въ свое распоряженіе новый источникъ обращенія къ кредиту при выпускѣ кредитныхъ билетовъ. Денежная реформа напрашивалась сама собою въ видѣ возстановленія металлической валюты, такъ какъ количество звонкой монеты въ странѣ все болѣе и болѣе увеличивалось. Въ 1814-1833 г. г. привозъ изъ-за границы звонкой монеты превысилъ отпускъ на 522 мил. руб., что и не удивительно, такъ какъ платежный балансъ неизмѣнно былъ въ нашу пользу. По 1838 г. отпускъ составилъ 884,167,000 руб., а привозъ только 765,256,000 руб. сер. Начиная съ 1817 г. по 1838 г. начеканено было правительствомъ звонкой монеты на 201,262,094 р, с. Усилившаяся къ концу 30-хъ годовъ добыча золота съ 25 пудовъ въ 1823 г. дошла въ 1842 г. до тысячи пудовъ, а вообще до 1844 г. добываніе благородныхъ металовъ составило 154 мил. руб. с. Въ это же время при золотой, серебряной, мѣдной и ассигнаціонной валютахъ образовалось нѣсколько разныхъ курсовъ: вексельный, податной, таможенный, биржевой и простонародный, которые измѣнялись не только по времени, но и по мѣстностямъ и путали всѣ разсчеты; разница между биржевымъ и народнымъ курсомъ доходила отъ 3% и 6% до 18%.—Реформа денежнаго обращенія производилась вовсе не по иниціативѣ министра финансовъ графа Канкрина, а скорѣе вопреки его личному убѣжденію въ отсутствіи настоятельной въ ней необходимости, а въ подробностяхъ, далеко не соотвѣтствовала его предложеніямъ,—все это сдѣлано на основаніи принциповъ, выработанныхъ Государственнымъ Совѣтомъ по *личному* требованію Николая Па-

вловича, принявшаго въ разрѣшеніи вопроса о регулированіи валюты самое серьезное и энергичное, активное участіе и дважды представлявшаго собственную записку на возраженія министра финансовъ и заключенія секретнаго комитета. Перваго іюля 1839 г. вышелъ манифестъ, коимъ рубль ($83^1/_3$ пробы въ 4 зол. 21 доли) чистаго серебра объявленъ былъ законною монетною единицею; ассигнаціонный же допускался лишь въ качествѣ второстепеннаго знака съ неизмѣннымъ отношеніемъ къ серебру, какъ $3^1/_2$ къ I. Полуимперіалъ оцѣнивался въ 5 р. 15 к. серебромъ.

На основаніи высочайшаго указа I-го іюля 1839 г. была учреждена „Депозитная касса“ въ цѣляхъ выпуска билетовъ взамѣнъ вносимой на храненіе россійскаго чекана золотой и серебряной монеты. Депозитные билеты выпускались достоинствомъ въ 3, 5, 10, 25, а впослѣдствіи 1 р. 50 к. и 100 р. Они подлежали безостановочному размѣну на серебро, въ обезпеченіе чего было объявлено, что „поступающая въ депозитную кассу монета хранится неприкосновенно и отдѣльно отъ суммъ Комерческаго банка и не можетъ быть употребляема ни на какой другой расходъ, кромѣ обратнаго промѣна на депозитные билеты.“— Ассигнаціи, поступавшія въ главное казначейство, повелѣно было ни въ какомъ случаѣ снова въ обращеніе не выпускать; выданные же взамѣнъ ихъ депозитные билеты обезпечивались помимо размѣннаго фонда еще и ручательствомъ правительства въ безостановочномъ ихъ размѣнѣ на звонкую монету.— Депозитная касса открыла свои дѣйствія 8 января 1840 г. Публика съ большою охотою свозила свою неудобную по ея громоздкости серебряную монету, чтобы получить взамѣнъ

удобные „депозитные билеты.“ Въ 1840 г. было выдано билетовъ на 25,623,037 р., а предъявлено къ обмѣну на серебро только 1,453,637 р. сер., въ обращеніи же осталось 24,169,400 р. Въ 1843 г. I іюня былъ опубликованъ уставъ „экспедиціи кредитныхъ билетовъ“ достоинствомъ въ 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей для замѣны депозитныхъ. Въ это время ихъ въ обращеніи всего находилось до 48½ мил. руб. Вообще, главныя достоинства реформы заключаются въ послѣдовательности и чрезвычайной осторожности, съ какою она проведена, а также *дешевизнѣ* ея.

Реформа была произведена такъ, какъ она логически вытекала изъ предшествовавшихъ ей обстоятельствъ. Вопросъ былъ только въ томъ, чтобы произвести ее безъ особенныхъ затратъ со стороны государственнаго казначейства и сдѣлать ее вполнѣ прочной. Первая задача была рѣшена крайне удачно: государственное казначейство ассигновало изъ своихъ запасныхъ капиталовъ весьма небольшой размѣнный фондъ, который былъ пополненъ самою публикой, свезшей въ „Депозитную кассу“ значительное количество серебряной монеты и слитковъ. Финансовая администрація сумѣла внушить такое довѣріе къ возможности производить размѣнъ новыхъ денежныхъ знаковъ безъ всякихъ препятствій, что къ обмѣну эти знаки предъявлялись въ самомъ ограниченномъ количествѣ, и обмѣнъ всей громадной суммы ассигнацій (170 мил. руб. по переложеніи на серебро) совершился безъ всякихъ препятствій не на звонкую монету, а на новые кредитные билеты. Такимъ образомъ удалось избѣжать заключенія обыкновенно практикуемаго въ подобныхъ случаяхъ крупнаго металлическаго займа, который возложилъ бы на государственное казначейство большой расходъ по оплатѣ процентовъ его интереса и погашенія.

Прочность реформы, не смотря на незначительный размѣнный фондъ, не могла подлежать никакому сомнѣнію въ виду обилія въ странѣ металлическихъ денегъ.

Вообще, относительно выпуска своихъ билетовъ русское правительство оказалось послѣ Отечественной войны 1812 г. весьма сдержаннымъ: до самой Крымской кампаніи, въ теченіе 40 лѣтъ ни о какихъ выпускахъ билетовъ, не обезпеченныхъ рубль за рубль внесеннымъ золотомъ и серебромъ и не назначенныхъ на производство ссудъ Заемнымъ банкомъ и Сохранными казнами (и то на самыя незначительныя суммы), не подымалось даже вопроса. Слѣдуетъ замѣтить, что, уничтоживъ ассигнаціи, которыя съ самаго начала—въ царствованіе Екатерины II не размѣнивались на серебро рубль за рубль, а только на мѣдь, и цѣна которыхъ при Александрѣ I упала именно вслѣдствіе чрезмѣрности ихъ выпусковъ по случаю военныхъ обстоятельствъ, и замѣнивъ ихъ кредитными билетами, приравненными къ серебряному рублю, министерство финансовъ Николая I создало возможность на случай новыхъ критическихъ обстоятельствъ воспользоваться новымъ громаднымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, какъ это использовано въ 1853—6 г. г. и въ 1877—8 г. г. Если бы ассигнаціи не были изъяты, и потребовались бы правительству тѣ 400,000,000 р. с., которые дѣйствительно пришлось выручать путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ Крымскую войну, то для выручки этой же суммы въ ассигнаціяхъ пришлось бы выпустить послѣднихъ на $1\frac{1}{2}$ милліарда рублей въ томъ случаѣ, если бы цѣна ихъ удержалась прежняя.

Итакъ, возникновеніе правильнаго денежнаго обращенія свидѣтельствуетъ о подъемѣ экономическихъ силъ страны, о возрастаніи ея богатства, объ упорядоченіи ея финансовъ съ

уничтоженіемъ ассигнацій. При господствѣ металлической валюты исчезло различіе ея отъ кредитныхъ займовъ. Это обстоятельство способствовало огромному приливу иностранныхъ капиталовъ на покупку русскихъ 6% фондовъ и на вклады въ кредитныя установленія. Приливъ обусловливался не только выгодностью высокаго процента, но и тою безопасностью, какою они пользовались по сравненію съ западно-европейскими въ эпоху революціоннаго движенія 40-хъ годовъ. Этотъ приливъ иностранныхъ капиталовъ въ высокой степени способствовалъ подъему государственнаго русскаго кредита; но безъ возстановленія металлическаго обращенія указанный приливъ былъ бы невозможенъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Словомъ, реформа была построена на совершенно правильномъ основаніи; денежное же обращеніе Россіи доселѣ было бы твердымъ и прочнымъ, если бы не Крымская война, а позднѣе Восточная 1877—8 г. г. не вынудили бы къ усиленнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ*).

Организація старыхъ кредитныхъ установленій, говоритъ проф. П. Мигулинъ, нуждалась въ улучшеніяхъ, но въ упраздненіи этихъ установленій рѣшительно не было никакой надобности. Дореформенныя кредитныя установленія, даже по признанію ярыхъ ихъ противниковъ, были весьма удачно приспособлены къ особенностямъ русскаго народнаго хозяйства, и не даромъ организаторомъ ихъ явился талантливый руководитель русскихъ финансовъ при Екатеринѣ II князь А. А. Вяземскій, а усовершенствовалъ систему и способствовалъ особенному ихъ развитію графъ Е. Ф. Канкринъ,

*) Проф. В. А. Лебедевъ „Графъ Е. Ф. Канкринъ," Петербургъ, 1896 г.

до сихъ поръ остающійся однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ русскихъ финансистовъ. Либеральные же теоретики начала царствованія Александра II, увлекаясь реформами и частными земскими банками, неправильно находили, что не дѣло государства брать въ свои руки кредитъ, считая все казенное неспособнымъ къ развитію. Поэтому-то государство временъ реформъ въ самый критическій моментъ переходной эпохи помѣщичьяго крѣпостного хозяйства къ хозяйству на началахъ свободнаго труда сдѣлало ошибку, лишивъ землевладѣніе, торговлю и промышленность необходимаго кредита. Насколько же этотъ кредитъ былъ развитъ въ казенныхъ, установившихся со временъ Николая I дореформенныхъ банкахъ, можно судить потому, что въ нихъ было заложено въ 1859 г. 44,166 имѣній съ 7,107,184 душами, а ссудъ выдано на 425,503,000 р. (59 р. 87 к. на душу).*)

Настолько было сильно увлеченіе теоретиковъ конца 50-хъ годовъ, что воззрѣнія ихъ глубоко укоренились въ общемъ мнѣніи, и до сихъ поръ господствуетъ убѣжденіе въ неизбѣжности тогда реформъ будто бы въ виду закрѣпощенія въ пользу казны и помѣщиковъ труда, торговли, промышленности и капитала. Между тѣмъ нареканіе на казенныя кредитныя установленія никакими фактами дѣятели конца 50-хъ годовъ доказать не могли. Напротивъ, относительно русская торговля, особенно внѣшняя, развивалась въ дореформенную эпоху успѣшнѣе, нежели въ пореформенную. О промышленности, безусловно покровительствуемой до либеральнаго тарифа 1857 г. таможенной охраной, и говорить нечего. Сельскохозяйственными продуктами Россія снабжала З. Евро-

*) Ходскій „Поземельный кредитъ," стр. 83.

пу безъ всякой конкуренціи, а развитіе желѣзодѣлательной, сахарной, льнопрядильной, пенькопрядильной и всякаго рода сельскохозяйственной промышленности достигло весьма серьезныхъ результатовъ, которые затѣмъ сильно понизились впослѣдствіи, благодаря неправильной и таможенной, и кредитной, и податной политикѣ. Стоитъ вспомнить, какъ только были уничтожены многія естественныя богатства страны, напр., лѣса въ виду отсутствія правительственнаго надзора, вызваннаго либеральнымъ теченіемъ въ экономической политикѣ, какъ хищнически была истощена почва, въ какой упадокъ пришло сельское хозяйство. Кустарная промышленность, достигшая было небывалой степени развитія, быстро стала падать, а „закрѣпощенные“ въ старыхъ казенныхъ банкахъ капиталы мелкихъ рентеровъ пошли не на развитіе этой промышленности, какъ могло быть въ дореформенную эпоху, но поступили въ руки русскихъ и иностранныхъ, вполнѣ „эмансипированныхъ“ дѣльцовъ конца 50-хъ годовъ, начавшихъ распоряжаться этими капиталами уже вполнѣ „*свободно*“. Такимъ образомъ, укоренившіяся нареканія на кредитныя установленія царствованія Николая I безусловно неправильны и не основаны на изученіи тогдашней экономической и общественной жизни Россіи. Казенныхъ, напр., банковъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало упразднять и въ тоже время, конечно, необходимо было ихъ преобразовать нѣсколько. Говорить, что они принесли *какой-нибудь вредъ* для экономической жизни страны,—значитъ закрывать глаза на дѣйствительныя явленія этой жизни. Но... съ другой стороны, огромный и дѣйствительный вредъ принесла ихъ ликвидація.

Указъ 10 января 1855 г. оповѣщаетъ, что будетъ приступлено къ извлеченію изъ обращенія *излишне* выпущенныхъ кредитныхъ би-

летовъ. До Крымской войны въ Россіи было кредитныхъ билетовъ 300 милл. и, сверхъ того, еще серіи и 6 внутреннихъ займовъ въ билетахъ комиссіи погашенія долговъ, но за курсъ свой мы не дрожали, потому что въ рукахъ правительства было на три милліарда государственныхъ имуществъ, а долговъ едва половина этой суммы; обезпеченія же на душу 15 р. денежныхъ бумагъ. При развитіи промышленности и торговли не было бы нужно расплачиваться съ иностранцами золотомъ за привозимые товары, а только обмѣниваться векселями, и если бы на нашихъ биржахъ находилось равное количество иностранныхъ векселей, то наша монета за границу не уходила бы.

Безъ дорогъ торговля не могла развиваться: безъ сбыта и запроса въ мѣстности производства оно ограничивалось лишь мѣстною потребностью; сырой же матеріалъ отправлялся за границу, чтобы потомъ получить его же только въ обдѣланномъ видѣ съ приплатою за излишній провозъ туда и обратно. Спасеніе не въ займахъ внутреннихъ или внѣшнихъ на покрытіе дефицитовъ, а въ промышленности, торговлѣ и улучшеніи формъ быта.

Исторія постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ начинается съ учрежденія акціонернаго общества для постройки Царскосельской на основаніи положенія 21 марта 1836 г., когда правительство стремилось привлечь частные капиталы для этого. Не смотря на ничтожную длину дороги въ 25 верстъ, она строилась въ теченіе двухъ лѣтъ и открыта для движенія только 4 апрѣля 1838 г. Въ виду отсутствія частныхъ предпринимателей въ 1842 г. было рѣшено строить желѣзную дорогу на счетъ правительства, пріобрѣтая средства для того путемъ займовъ по мѣрѣ надобности. Постройка Николаевской дороги была предположена по самому кратчайшему направленію. Говорятъ, что

Николай Павловичъ въ отвѣтъ на вопросъ,по какому направленію вести дорогу, положилъна карту линейку и, проведя черту между Петербургомъ и Москвою, сказалъ: „вотъ вамъ направленіе.“ Таковъ самый вѣрный взглядъ на дѣйствительное значеніе дорогъ. Постройка продолжалась 9 лѣтъ и открыта для движенія въ концѣ 1851 г.

Въ виду стратегическаго значенія желѣзныхъ дорогъ, 15 февраля 1851 г. состоялось высочайшее повелѣніе о сооруженіи с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги. Противъ Петербурга при построеніи его было то возраженіе, что онъ далекъ отъ центра имперіи: теперь это исчезнетъ, говорилъ государь: черезъ желѣзную дорогу Петербургъ будетъ въМосквѣ и Москва въ Кронштадтѣ. Если Петръ I-й, говоритъ А. А. Головачевъ*), построивъ Петербургъ, прорубилъ окно въ Европу, то данной постройкой это окно обращено въ открытую дверь. На постройку с.-петербурго—варшавской линіи правительствомъ было затрачено не болѣе 18 мил. рублей, такъ какъ военныя дѣйствія въ 1853 г. помѣшали продолженію работъ: открытое въ этомъ году движеніе между Петербургомъ и Гатчиною на этомъ и остановилось. Съ окончаніемъ Крымской войны въ общественномъ мнѣніи является переломъ. Всѣ пережитыя бѣдствія этой эпохи, бывшія слѣдствіемъ положительной въ казенномъ хозяйствѣ безурядицы, противъ которой такъ рѣшительно боролся императоръ Николай I, заставили теперь только призадуматься очень многихъ, а недостатокъ путей сообщенія, имѣвшій такое гибельное вліяніе на ходъ войны подъ Севастополемъ, заставилъ ихъ пожалѣть о чрезвычайной ме-

*) „Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи“, Петербургъ, 1881 г.

дленности постройки Николаевской дороги, при указанной неотзывчивости частныхъ капиталистовъ. Лишь съ даннаго времени всѣ убѣдились въ необходимости широкаго развитія желѣзнодорожной сѣти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ невозможности вести подобныя операціи за счетъ казны.

Для удостойчивости баланса Николай I сдѣлалъ многое, улучшивъ промышленность. Этими мѣрами дано болѣе прочное устройство государственному земельному кредиту, а добываніе золота, съ 1828 г. по 1858 г. въ количествѣ увеличившееся съ ежегодно получавшихся 290 до 1700 пудовъ, болѣе или менѣе гарантировало, какъ вспомоществованіе серебру, хожденіе кредитныхъ билетовъ наравнѣ съ металлической монетой. Какъ отчасти слѣдствіе указаннаго, число промышленныхъ компаній увеличилось съ трехъ до ста десяти, а общая сумма акціонерныхъ капиталовъ возросла съ пяти до 240 милліоновъ рублей. Промышленность также улучшилась; число фабрикъ и заводовъ достигло 10,000. Удешевленіе же пересылки корреспонденцій (10 коп. съ лота, куда бы ни посылались онѣ, а прежде было до 31 обозначенія разныхъ цѣнъ сообразно съ разстояніемъ) сдѣлало почту доступною для всѣхъ сословій: въ 1825 г. вѣсовой сборъ равнялся 814,413 руб.; въ 1849 г.— 2,051,954 р. с.; пересылка капиталовъ въ 1825 г.—151,000,000 руб. сер., въ 1849 г.—408,000,000 руб. сер., страховой сборъ увеличился на 416,000 руб. сер.

Особенное вниманіе Николай Павловичъ обратилъ на состояніе законодательства. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изданное въ 1649 г., было недостаточнымъ,— что уже чувствовалъ Петръ В. Его коммисія въ 14 лѣтъ успѣла разсмотрѣть только три статьи. Всѣ девять преемниковъ Петра I принимались за туже работу, приглашая выборныхъ отъ всего

государства для составленія проекта новаго Уложенія. Въ рѣшеніи дѣлъ на каждомъ шагу оказывалась чрезвычайная медленность, на языкѣ нашихъ предковъ извѣстная подъ названіемъ „*московской волокиты*“. Въ разныхъ судахъ имперіи накопилось до *трехъ* милліоновъ нерѣшенныхъ дѣлъ и 127.000 подсудимыхъ находились въ тюрьмахъ. Поэтому съ восторгомъ встрѣтила Россія высочайшій рескриптъ о рѣшительномъ намѣреніи государя привестивъ порядокъ отечественные уставы, объявленный спустя полтора мѣсяца послѣ восшествія на престолъ (31 марта 1826 г.) Черезъ четыре года, въ 1830 г. подъ руководствомъ Сперанскаго, издано было *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи* (въ 45 томахъ), заключающее въ себѣ слишкомъ 30 тысячъ актовъ и обнимающее 176 лѣтъ, начиная съ Уложенія Алексѣя Михайловича до кончины Александра I (1649—1825 г. г.). Затѣмъ послѣдовало изданіе *Второго собранія* (за время съ 1825 г.), ежегодно дополняемое новыми узаконеніями. При изданіи обоихъ „Полныхъ собраній“ принятъ въ основаніе хронологическій порядокъ въ расположеніи актовъ. Такимъ образомъ, русская юридическая наука получила возможность самымъ надежнымъ и достовѣрнымъ путемъ прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ родного законодательства и за ходомъ нашего государственнаго развитія.

Манифестъ 1833 г. возвѣстилъ, что желанія всѣхъ государей съ Петра В. до Александра I наконецъ исполнены; что „всѣ законы, начиная отъ Уложенія 1649 года до I-го января 1832 г., сохранившіе донынѣ силу и дѣйствіе, бывъ разобраны по родамъ, сведены въ единообразный составъ, соединены въ одно цѣлое, распредѣлены въ книги по главнымъ предметамъ дѣлъ правительственныхъ и судебныхъ. Все, что состоялось послѣ I-го января 1832 г.,

будетъ по порядку тѣхъ же книгъ и съ указаніемъ на ихъ статьи распредѣляемо въ ежегодномъ Приложеніи.“ Съ этихъ поръ Россія получила и *Сводъ Законовъ*, обезпечивавшій личность и собственность.

Государь также призналъ необходимымъ, обозрѣвъ всѣ постановленія Свода и Полнаго Собранія, составить общія начала и произвести исправленіе однимъ общимъ уложеніемъ, начавъ съ законовъ уголовныхъ. Въ 1845 г. было утверждено Николаемъ I „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.“ Кромѣ того, въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ были учреждены особые комитеты съ цѣлью пересмотра, исправленія и пополненія „Положеній, Наказовъ и Уставовъ“ по всѣмъ отраслямъ государственнаго благоустройства и благосостоянія народной промышленности, образованія и составныхъ правъ. Найболѣе замѣчательны труды комиссіи по улучшенію *судопроизводства*. Для предупрежденія злоупотребленій государь одобрилъ для будущаго примѣненія слѣдующія мѣры: отдѣленіе судебной части отъ административной, установленіе *несмѣняемости* лицъ судебнаго вѣдомства, отмѣненіе канцелярской таинственности въ судопроизводствѣ, увеличеніе жалованья судебнымъ лицамъ и др.—Чтобы ограничить злоупотребленія пользованіемъ богатыми помѣщиками голосами зависимыхъ бѣдныхъ, при выборахъ должностныхъ лицъ для губерніи (предводителя дворянъ, засѣдателей палатъ, уѣздныхъ судей, исправниковъ и др.), Николай Павловичъ манифестомъ 1831 г. ограничилъ право голоса опредѣленною степенью имущества—не менѣе 100 душъ крестьянъ или 3.000 десятинъ земли.

Много другихъ полезныхъ дѣлъ было предпринято въ цѣломъ рядѣ городовъ, обязанныхъ своимъ процвѣтаніемъ заботливости Николая I.

Старѣйшій изъ нихъ Кіевъ особеннымъ пользовался вниманіемъ государя, ставъ съ 1832 г. главной квартирой первой арміи; съ 1834 г. „въ память Великаго Просвѣтителя Россіи“ здѣсь открытъ университетъ св. Владимира; прекращено дѣйствіе Магдебургскаго права и повелѣно руководствоваться правами городового положенія, общими всей имперіи. Въ 1840 г. высочайше приказано кіевскую губернію, какъ издревле русскую „по происхожденію, правамъ и навыкамъ,“ подчинить вполнѣ силѣ и дѣйствію общерусскихъ гражданскихъ законовъ. Такъ сознательно стремился государь къ объединенію во всемъ частей государства. Въ 1842 году на Днѣпрѣ появились *первые два парохода*; въ слѣдующемъ году учреждена „комиссія для разбора древнихъ актовъ,“ въ 1847 г. комиссія для описанія губерній—кіевской, подольской, волынской, черниговской и полтавской, т. е. всего Кіевскаго учебнаго округа; въ 1852 г. открыта первая выставка сельскихъ произведеній въ Контрактовомъ домѣ; въ 1853 г.—освященъ рѣдкій по устройству „Цѣпной мостъ.

Во всѣхъ частяхъ имперіи, и на внѣшнемъ благоустройствѣ ихъ, и на устройствѣ мѣстныхъ разныхъ управъ и т. п., сказался въ Николаѣ Павловичѣ опытный и умный организаторъ администраціи и государственнаго хозяйства. Масса образцово-капитальныхъ сооруженій и инженерныхъ построекъ служатъ также прекрасными его памятниками.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ незыблемыя основы развитія государства, которыя императоръ положилъ въ фундаментъ совершенствованія родного народа: поразительна масса всего сдѣланнаго имъ въ теченіе 30 лѣтъ для такой державы, въ которой при ея рѣдкой обширности „солнце никогда не заходитъ.“ Во всемъ видно горячее желаніе Николая I отдать

себѣ отчетъ въ дѣйствительномъ положеніи Россіи, узнать недостатки правительственной системы и государственнаго строя и привести ихъ въ болѣе совершенный видъ: онъ всегда поэтому говорилъ, что долгъ воспрещаетъ государю относиться слегка даже къ маловажному вопросу; при чемъ, Николай I положительно былъ рабомъ того, что считалъ своимъ долгомъ.

X.

Внѣшняя политика и Священный Союзъ.

У историковъ XIX столѣтія господствуетъ мнѣніе, что императоръ Николай I велъ внѣшнюю политику совершенно самостоятельно, сообразно съ своими личными взглядами, и что его совѣтники, начиная съ канцлера Несельроде, были лишь исполнителями его воли. Поэтому и отвѣтственность за Крымскую войну, которая будто была навязана Россіи, падаетъ на самого державнаго политика.

Это мнѣніе, конечно, имѣетъ за себя не мало данныхъ. Самъ императоръ Николай Павловичъ сознавалъ свою отвѣтственность, и это сознаніе было одной изъ главныхъ причинъ его преждевременной кончины.

Но ошибки русской дипломатіи, особенно въ лицѣ барона Бруннова, чрезвычайнаго русскаго посланника въ Лондонѣ, всецѣло падаютъ на отвѣтственность помощника въ этомъ

императора. Интересныя данныя по этому вопросу сообщаетъ профессоръ Мартенсъ*).

Въ сочиненіи „о политикѣ Россіи 1853—5 г. г.“ Погодинъ слѣдующимъ образомъ характеризовалъ отношеніе всей западной Европы къ Россіи: „Одни ненавидятъ Россію, потому что не имѣютъ о ней ни малѣйшаго понятія... Другіе, считая ее главнымъ препятствіемъ общему прогрессу, бывъ увѣрены, что безъ Россіи конституціонныя попытки въ Германіи и повсюду удались бы гораздо полнѣе; они думаютъ, что и впредь на этомъ пути прежде всего встрѣтится имъ Россія. Слѣдовательно, всякое увеличеніе русской силы, которая считается темною, опасно и вредно для свободы, для развитія, просвѣщенія, и потому непремѣнно, во чтобы ни стало, должно быть останавливаемо и уничтожаемо.“

Австрія старалась лавировать и хитрить, что генералъ Летанъ выразилъ въ донесеніи Наполеону III: „она поспѣшитъ на помощь побѣдителю.“**) Въ письмѣ къ главнокомандующему южною арміею, князю Горчакову, императоръ Николай I пророчески сказалъ: „Богъ накажетъ ихъ (австрійцевъ) рано или поздно.“ И извѣстно, какія послѣдствія имѣло для Австріи въ 1859 и 1866 годахъ полное безучастіе къ ней Россіи.

Крымская война для Россіи всеже составила эру обновленія: исчезли остатки „священнаго союза.“***) И. С. Бліохъ говоритъ: „Правда, уже

---

*) Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ, непремѣнный членъ совѣта министерства иностранныхъ дѣлъ.—Томъ XII. Трактаты съ Англіею. 1832—1895 г. Спб. 1898.

**) „Nouvelle Revue“, „La guerre de Crimée“.

***) „Будущая война,“, т. V, 1898 г., 257—8.

и въ концѣ первой половины вѣка союзъ этотъ давно утратилъ характеръ договорнаго. Но фактически продолжало существовать главное его условіе. Солидарностъ въ дѣйствіяхъ для подавленія народныхъ движеній предполагала чье-либо руководительство, а такое руководительство, безспорно, принадлежало русскому императору. Побѣжденная первымъ Наполеономъ, Европа видѣла, какъ могущество его разбилось о громадность пространства Россіи, выносливость ея народа, при доблести ея войскъ и безпримѣрной способности ея ратей пополняться и возникать вновь, благодаря огромности ея населенія. Только опершись на эту, повидимому несокрушимую силу, средняя и южная Европа освободилась отъ Наполеонова ига.

Само русское правительство вѣрило въ огромную свою военную силу, не отдавая себѣ отчета, что и обученіе, и вооруженіе, и система снабженія войскъ далеко отстали отъ успѣховъ Запада. И средневропейскія правительства вѣрили въ несокрушимое военное могущество Россіи, которой всѣ они были прямо обязаны своимъ дальнѣйшимъ существованіемъ: прусское, благодаря Тильзиту; австрійское, благодаря венгерской кампаніи; германскія и итальянскія династіи, представлявшія собою нѣчто похожее на муміи, сохранившіяся отъ порядка феодальнаго",—спасены Россіей.

Тяжелыя задачи выпали на долю Николая Павловича и въ отношеніи унаслѣдованной имъ отъ прошлаго внѣшней политики Россіи.

Послѣ отечественной войны за границею Россіи воскуряли фиміамъ и въ прозѣ и въ стихахъ, а въ концѣ концовъ всетаки русскіе были обмануты Пруссіей и Австріей, а еще болѣе Англіей. Пруссія, не дѣлая никакихъ уступокъ, получила Данцигъ, черезъ который шла вся торговля Польши; Австрія получила отъ

Италіи огромный кусокъ земли; Англія, отказавшись отъ Корфу, овладѣла Адріатикой и Архипелагомъ. Королевство Польское было возстановлено до нѣкоторой степени. Для чего?... Для того, чтобы имѣть, по словамъ современника Дивова, на шеѣ лишняго врага! Было бы гораздо естественнѣе возстановить *statu quo ante bello* съ Наполеономъ. Данцигъ остался бы вольнымъ городомъ, подъ особымъ покровительствомъ Россіи и съ русскимъ гарнизономъ; изъ Кракова не создали бы революціоннаго очага, сдѣлавъ изъ этого города, Богъ вѣсть для чего, республику.

Туркманчайскій договоръ 1828 г., закончившій войну, навсегда обезпечилъ Россіи спокойствіе и безопасность со стороны Персіи присоединеніемъ Эриванской и Нахичеванской областей.

Эти военныя дѣла на Востокѣ были легки въ сравненіи съ мирными повидимому обстоятельствами Запада, необходимо разразившимися впослѣдствіи Восточной войной 1853—6 г. г., которая окончательно разсѣяла заблужденіе о возможности согласовать политику Россіи и Австріи на Востокѣ и нанесла смертельный ударъ системѣ, въ теченіе сорока лѣтъ господствовававшей надъ судьбами Европы подъ названіемъ Священнаго Союза.

Священный Союзъ, по плану Александра I, ограничиваясь христіанскими только государствами безъ распространенія на мусульманскій Востокъ, имѣлъ въ виду соединить въ одну семью узами братства всѣ христіанскія земли для утвержденія всеобщаго мира и благоденствія, которыя бы не допускали кровопролитныхъ войнъ, бывшихъ до того временъ неизсякаемымъ источникомъ бѣдъ человѣчества.

Но въ самый моментъ заключенія договора австрійскій министръ князь Меттернихъ не вѣрилъ въ возможность его и назвалъ сейчасъ послѣ подписанія этотъ актъ „звонкимъ, пустымъ“ и „политическимъ нулемъ.“ Такъ относилась къ Священному Союзу и вся дипломатія Запада: между тѣмъ какъ наша, свято храня идеальныя начала, въ теченіе 40 лѣтъ считала его краеугольнымъ камнемъ возстановленной послѣ Наполеона I Европы и своей политической системы въ сношеніяхъ съ союзниками—Австріей и Пруссіей. Помимо турецкой войны 1828 9 г. г., исторія доказала, что интересы Россіи, Австріи и Пруссіи были несовмѣстными.

Въ противовѣсъ охранительному союзу трехъ сѣверныхъ державъ Франція и Англія заключили свой. Но и этотъ союзъ въ основаніи своемъ былъ ложенъ, такъ какъ уже русско-турецкая война 1828—9 г. г. доказала, что изъ всѣхъ одна Франція легко согласовала свои интересы съ русскими на Востокѣ: Англія въ лицѣ лорда Пальмерстона и боялась, что послѣ раздѣла Турціи Франціи можетъ достаться Египетъ съ Сиріею и Аравіей, а Европейская Турція съ Малой Азіей—Россіи.

Естественно поэтому, что Австрія и Англія особенно подозрительно смотрѣли на Россію, при преобладаніи которой онѣ менѣе другихъ государствъ выиграли бы въ случаѣ возможнаго паденія Турціи, болѣе всѣхъ другихъ бывшей подъ русскимъ вліяніемъ. Это вліяніе на законномъ основаніи тѣмъ болѣе сказывалось, что по Берлинской конвенціи 1833 г. между Россіей, Австріей и Пруссіей охрана политическаго равновѣсія юга была распредѣлена слѣдующимъ образомъ: Австріи поручена Италія, Швейцарія и Пиринейскій полуостровъ; Прус-

сіи—сѣверныя границы Германіи и Голландіи, Россіи—Познань, Галиція, Венгрія и все пространство отъ Прута и Дуная до Босфора. Вліяніе Россіи въ Турціи было естественнымъ въ связи съ географическимъ положеніемъ обоихъ государствъ.

Вотъ почему, какъ громовый ударъ изъ безоблачнаго неба, тревожно разразилась вѣсть объ Ункіяръ-искелесскомъ договорѣ 1833 г. 26 іюня (8 іюля), установившемъ тѣсныя союзническія отношенія между Россіей и Турціей и ставившемъ дальнѣйшее существованіе послѣдней въ зависимости отъ русской помощи, а закрытіемъ Дарданеллъ для военныхъ судовъ прочихъ державъ обезпечивавшемъ отъ непріятельскаго нападенія русское черноморское побережье. Это было насущной потребностью Россіи, и оно-то пугало Западъ: недаромъ Гизо говорилъ, что указаннымъ додоворомъ Турція обращена была въ офиціальнаго кліента Россіи, Черное море въ русское озеро, входъ въ которое охранялся означеннымъ-же кліентомъ противъ враговъ Россіи; тогда какъ выходъ оставался свободнымъ для нея, и она могла во всякое время направлять въ Средиземное море свои суда и войска. Договоръ въ Гункіаръ-Скелесси заключенъ султаномъ въ благодарность за помощь Россіи противъ возмутившагося египетскаго паши Мехмедъ-Али.

Данный договоръ узаконивалъ русское преобладаніе на Востокѣ. Это было сдѣлано Николаемъ I помимо его дипломатовъ и даже противъ ихъ взглядовъ. Этимъ государь желалъ охранять входъ въ Черное море столько же, сколько Англія въ Средиземное, и господствовать надъ Босфоромъ, какъ Англія надъ Гибралтаромъ. Разница лишь въ томъ, что Россія безъ Чернаго моря была бы крайне необезпеченной у южныхъ границъ, а Англія въ

этомъ отношеніи безъ Средиземнаго моря ничего не потеряла бы: Россія не могла согласиться, чтобы западно-европейскія эскадры проходили черезъ Дарданеллы въ Черное море и могли свободно и безнаказанно угрожать русскимъ берегамъ. Кромѣ самообороны и поддержанія установившихся границъ, Николай I ничего не желалъ.

На всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра Иностранныхъ Дѣлъ графа Нессельроде за 25 лѣтъ царствованія императоръ собственноручно сдѣлалъ слѣдующую знаменательную надпись: „Вотъ тебѣ (наслѣднику-цесаревичу) мой отчетъ по дипломатической части; дай Богъ, чтобы удалось мнѣ тебѣ сдать Россію такою, какою я стремился ее поставить, сильной, самостоятельной и добродѣющей: намъ—добро, никому—зло.“ Поэтому-то государь и былъ въ глазахъ всего міра представителемъ монархической идеи, поддержкою принциповъ порядка и защитникомъ европейскаго равновѣсія.

Задачей политики Николая I, „абсолютнѣйшаго изъ монарховъ Европы“, было глубокое желаніе выработать совмѣстно съ другими монархическими державами однообразный образъ правленія, какъ, напр., Мюнхегрецкій и Теплицкій договоры. Конгрессъ монарховъ въ Мюнхенгрецѣ (въ Богеміи) былъ въ сентябрѣ 1833 г.; на немъ присутствовали, кромѣ владѣтельныхъ князей Германіи, императоръ русскій и австрійскій и наслѣдный принцъ прусскій. Результатомъ ихъ совѣщаній было созваніе *конференціи министровъ въ Вѣнѣ*, которая выработала планъ для будущей борьбы съ революціонной партіей. Государь старался успокаивать волненія и въ другихъ государствахъ и умиротворять раздоры ихъ между собою, энергично возвышалъ голосъ въ пользу правыхъ и угнетенныхъ, требуя уваженія къ договорамъ и охраненію владѣній въ тѣхъ пре-

дѣлахъ, какіе ими были установлены, напр., усмирено возстаніе Валахіи противъ Турціи, ограждена неприкосновенность королевствъ обѣихъ Сицилій, Неаполитанскаго и Тосканскаго отъ посягательствъ Англіи, независимость Греціи; Кайнарджійскій трактатъ имѣлъ въ виду улучшеніе участи христіанскаго населенія Турціи; а когда правитель Египта паша Мегмедъ-Али, желая утвердить новую арабскую династію, отложился отъ Турціи, то Николай Павловичъ его, какъ подданнаго, призналъ мятежникомъ противъ султана; почему немедленно былъ отозванъ русскій консулъ изъ Александріи, снятъ гербъ съ воротъ консульства, и вызваны всѣ русскіе подданные, такъ какъ императоръ всегда былъ врагомъ мятежа и другомъ порядка. Наши войска, великодушно явившіяся избавителями Турціи, мирно расположились лагеремъ на берегахъ Босфора у самой столицы Турціи.

Такимъ образомъ, императоръ Николай I игралъ долго выдававшуюся роль примирителя въ видахъ спокойствія Европы, особенно во время революціонныхъ бурь, охватившихъ даже Вѣну и Берлинъ въ 1848 г.: подробный проектъ государственныхъ переустройствъ былъ повергнутъ къ стопамъ „Его Величества“ Николая I, ибо даже тѣни либеральныхъ правительствъ не могли во имя Священнаго Союза оставаться союзниками Россіи.

При всемъ строго охранительномъ характерѣ политики Россіи Священный Союзъ не могъ долго держаться по винѣ не Николая I, а союзниковъ его—Пруссіи и Австріи. Первая впослѣдствіи сблизилась съ Англіей во имя сходства ихъ протестантскихъ интересовъ и отчасти родственныхъ отношеній королевы Викторіи и ея супруга къ королю Фридриху—Вильгельму IV; а результатомъ этого было бо-

лѣе тѣсное соглашеніе Россіи и Австріи и присоединеніе къ австрійской монархіи вольнаго города Кракова въ 1846 г., уничтоженнаго какъ постоянный очагъ польской крамолы. Тѣмъ не менѣе и Австрія завидовала Россіи, такъ какъ на Востокѣ Адріанопольскій миръ отдалъ въ наши руки устья Дуная и обезпечилъ за русскими господствующее значеніе въ Турціи: относительно Молдавіи, Валахіи, Сербіи и отчасти Греціи, бывшихъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Россіи. Поэтому Меттернихъ представлялъ необходимымъ совокупное вмѣшательство Европы въ отношенія Россіи къ Турціи, какъ совмѣстное ручательство за цѣлость ея, и первымъ шагомъ къ этому были лондонскія конвенціи о закрытіи проливовъ Дарданеллъ и Босфора для военныхъ судовъ иностранныхъ державъ 1840—1 г. г. Эти конвенціи уже состоялись при участіи Франціи, не смотря на недавнюю вражду съ Англіей изъза египетскаго вопроса. Особенно вторая лондонская конвенція 1841 г. 1 (13) іюля нанесла окончательный ударъ русскому вліянію на берегахъ Босфора и поставила Турцію подъ опеку пяти державъ, а этимъ также ограничивался исключительный протекторатъ Россіи надъ Турціей.

Значитъ, обѣ наши союзницы, и Австрія, и Пруссія, не прочь были видѣть измѣненнымъ порядокъ, установленный договорами, первая-на Востокѣ, вторая—на Западѣ: Австрія на Балканскомъ полуостровѣ, Пруссія же стремилась передѣлать въ свою пользу и въ ущербъ Австріи государственное устройство германскаго союза.

Таково было отношеніе къ Николаю I его завистливыхъ и недовѣрчивыхъ союзниковъ. Не смотря на все это, государь былъ строго вѣренъ своимъ принципамъ: Европа въ вѣкъ повсемѣстныхъ на Западѣ революцій была спа-

сена имъ отъ всеобщаго переворота. Въ этомъ заслуга Николая I передъ монархизмомъ и въ благотворномъ вліяніи на судьбы міра въ интересахъ человѣческаго спокойствія.

Итакъ, союзники измѣняли, революціи, одушевленныя ненавистью, глубоко злобствовали на мѣшавшаго имъ на каждомъ шагу императора,—и Николай I предпочелъ при такихъ обстоятельствахъ уединиться отъ всѣхъ державъ Запада; принявъ строгія мѣры для охраненія своей границы со стороны Познани и и Галиціи, держа наготовѣ значительныя военныя силы и почти герметически заперѣвъ себя отъ сосѣдняго вліянія нѣмецкихъ соціалистовъ и революціонеровъ, возвѣстилъ Европѣ свое рѣшеніе: предоставить народамъ истощаться въ отысканіи новыхъ государственныхъ и общественныхъ формъ и комбинацій ,спокойно и твердо выжидать окончанія смутъ, но не допускать ни подъ какимъ видомъ измѣненій въ европейскомъ равновѣсіи въ ущербъ Россіи. Императоръ Николай I также былъ глубоко увѣренъ, что конституціонный образъ правленія не согласуемъ съ военнымъ духомъ и дисциплиной Гогенцоллерновъ*); сочувствіе его было вездѣ на сторонѣ вѣками установившагося права и законности противъ насильственныхъ, революціонныхъ и скороспѣлыкъ переустройствъ государствъ.

Въ это время Западъ долженъ былъ убѣдиться во-очію, что полное умиротвореніе его дѣйствительно недостижимо безъ могучаго и великодушнаго содѣйствія русскаго царя. Недаромъ Максъ Мюллеръ писалъ Бунзену: „Для

*) Французскій посланникъ генералъ де-Кастельбажакъ дѣлаетъ заключеніе изъ различныхъ мнѣній Николая I, что государь, при обширности Россіи и малопросвѣщенности ея народовъ, считалъ конституціонныя идеи опаснѣе республиканскихъ.

того ли тысячи отцовъ и сыновей принесли въ жертву свою жизнь и свое счастье, чтобы видѣть Германію управляемой милостію Россіи".

Когда венгры возстали за самостоятельность и лишеніе габсбургско-лотарингской династіи наслѣдственныхъ ея правъ на корону св. Стефана, то лишь занятіе дунайскихъ княжествъ положило въ нихъ конецъ революціи. Въ Венгріи Россія сражалась, дабы обезпечить за собой спокойное обладаніе Царствомъ Польскимъ, которое будучи сдержано желѣзной рукой Николая I, не шевельнулось, и чтобы оградить себя отъ непосредственнаго соприкосновенія съ революціоннымъ Западомъ. Поэтому государь не упомянулъ ни о какомъ вознагражденіи и даже не захотѣлъ, чтобы Австрія приняла на себя расходы по продовольствію и содержанію русскихъ войскъ.

Императоръ уже давно былъ озабоченъ направленіемъ, даннымъ Карломъ X своей внутренней политикѣ. Шаткое положеніе французскаго правительства тѣмъ болѣе огорчало государя, что отношенія Россіи къ Франціи были самыя дружественныя. Опасенія скоро подтвердились. Государственный переворотъ совершился: Карлъ X нарушилъ хартію, и начались іюльскіе дни. Николай Павловичъ не признавалъ никакого другого порядка вещей, кромѣ прежняго, законнымъ, потому что онъ истекалъ изъ исторически установившейся королевской власти. „Никогда," говорилъ онъ, „не уклонюсь я отъ своихъ принциповъ: съ принципами нельзя вступать въ сдѣлку; я же не вступаю въ сдѣлку съ моею честью." Въ своихъ чувствахъ и симпатіяхъ онъ былъ увѣренъ, но серьезная дѣйствительность минуты ставила его въ мучительную нерѣшимость, въ большое недоумѣніе: въ продолженіе нѣсколькихъ дней его осаждали самыми противополож-

ными совѣтами; воинственныя подстрекательства преобладали; но онъ не пренебрегалъ соображеніями, которыя могли быть ему представлены и въ другомъ смыслѣ. Въ такомъ настроеніи государь сказалъ: „если бы во время кровавыхъ смутъ въ Парижѣ народъ разграбилъ домъ русскаго посольства и обнародовалъ мои депеши, то были бы поражены, узнавъ, что я высказывался противъ государственнаго переворота; удивились бы, что русскій самодержецъ поручаетъ своему представителю внушить конституціонному королю соблюденіе учрежденныхъ конституцій, утвержденныхъ присягою.“ Таково въ общемъ мнѣніе Николая I относительно іюльской революціи; онъ совѣтовалъ не производить государственнаго переворота, разсматривая его скорѣе, какъ крайне опасный неблагоразумный шагъ, чѣмъ заслуживающій порицанія поступокъ; онъ глубоко интересовался и королемъ Карломъ X и Франціею, говоритъ представитель ея баронъ Бургоэнъ. Когда же прибылъ въ Петербургъ генералъ Аталенъ съ собственноручнымъ письмомъ короля Людовика—Филиппа, то его все же приняли при дворѣ съ большою вѣжливостью и даже предупредительностью; его приглашали не только на всѣ празднества, но и на смотры и парады. Менѣе удовлетворенъ былъ французскій генералъ отвѣтнымъ письмомъ государя. Рыцарская прямота императора воспрепятствовала ему скрыть свои взгляды и чувства по отношенію къ іюльской монархіи подъ личиною искусныхъ дипломатическихъ оборотовъ рѣчи. Въ сущности отвѣтъ Николая Павловича заключалъ въ себѣ неодобрительное и условное признаніе ненавистнаго ему совершившагося факта, безъ соблюденія даже обычныхъ формъ, установившихся для переписки съ царственными особами.

Императоръ не назвалъ себя въ отвѣтномъ письмѣ „добрымъ братомъ“ короля французовъ, власть котораго въ глазахъ русскаго монарха была запятнана революціоннымъ происхожденіемъ. Бенкендорфъ говоритъ, что Николай I „впервые принудилъ себя дѣйствовать вопреки своему убѣжденію и не безъ глубокаго сокрушенія и досады призналъ Людовика—Филиппа королемъ французовъ.“

Письмо произвело въ Парижѣ самое удручающее впечатлѣніе не только на короля и его министровъ, но и на общественное мнѣніе страны, почувствовавшее въ немъ оскорбленіе достоинства Франціи. Тѣмъ не менѣе, при обоихъ дворахъ остались прежніе дипломатическіе агенты, въ Парижѣ графъ Поццо ди Борго, а герцогъ Мортемаръ снова возвратился въ Петербургъ. Но императоръ Николай продолжалъ относиться къ королю французовъ съ чувствомъ сильнѣйшаго негодованія, укоряя его въ коварствѣ, вѣроломствѣ и совершенно не признавая въ немъ виновника спасенія монархическаго начала. Булавочные уколы смѣнялись болѣе крупными размолвками, вплоть до 1848 г., когда императоръ Николай I съ нескрываемымъ удовольствіемъ могъ, наконецъ, сказать: „Voilà donc une comédie jouée et finie et le coquin á bas.“*)

Императоръ Николай I, бывши государемъ „Божіею Милостью“ въ полномъ и величественнѣйшемъ значеніи этого слова, глубоко вѣрилъ въ божественное происхожденіе верховной власти, и убѣжденіе это было главнымъ руководящимъ правиломъ его дѣйствій и поступковъ всей жизни. Отсюда и отвращеніе его къ власти, лишенной законнаго основанія,

---

*) Н. Шильдеръ „Императоръ Николай и Польша.“

и убѣжденіе въ необходимости поддержанія и утвержденія монархическаго принципа и за предѣлами Россіи; отсюда любовь къ строгому общественному порядку и готовность даже извинить самовольный захватъ власти Наполеономъ I, о которомъ съ уваженіемъ отзывался Николай Павловичъ, какъ возстановителѣ законности и усмирителѣ произвола*). Поэтому-то всегда послѣдовательный въ своихъ поступкахъ, считая Францію гнѣздомъ революціи, источникомъ бѣдъ и смутъ всей Европы, Николай I упорно не хотѣлъ войти въ какія-либо соглашенія съ Орлеанской династіей, въ лицѣ конституціоннаго монарха Людовика—Филиппа, смѣнившей въ 1830 г. правонарушеніемъ неправильно по установившемуся престонаслѣдію съ 1814—15 г. г. низверженную старшую линію Бурбоновъ.**) Королю французовъ, возведенному мятежемъ на престолъ, не было мѣста въ сонмѣ монарховъ, царствовавшихъ „Божіею милостью.“ Также послѣ образованія второй французской республики Николай Павловичъ, считая, что анархія въ Парижѣ побѣждена войскомъ, и общество спасено генераломъ Кавеньякомъ, почувствовалъ къ нему симпатію, какъ усмирителю возмущенія, и изъявилъ готовность снисходительно отнестись даже къ республикѣ, думая видѣть во главѣ ея Кавеньяка. Къ принцу же Людовику—Наполеону, племяннику и наслѣднику импера-

---

*) „Лучшая изъ его побѣдъ, по выраженію Николая I,—водвореніе порядка и мира тамъ, гдѣ были безвластіе и безначаліе.“

**) Правительство Людовика-Филиппа, между прочимъ увлекаясь воспоминаніями временъ Наполеона I и въ угоду либеральнымъ партіямъ, образовало изъ выходцевъ польской арміи „польскій легіонъ,“ преобразованный впослѣдствіи въ „иностранный“, для выходцевъ изъ всѣхъ странъ Европы.

Послѣ вѣсти о страшной кончинѣ герцога Орлеанскаго, умершаго отъ ушиба при паденіи изъ коляски, въ первый разъ съ іюльской революціи государь отправилъ къ королю французовъ письмо съ изъявленіемъ своего участія.

тора Наполеона I, государь питалъ чувство глубокой антипатіи; по всей вѣроятности, онъ не прощалъ ему революціоннаго прошлаго и связи съ тайными итальянскими обществами*) Тѣмъ не менѣе Николай I не колебался признать въ 1848 г. вновь избраннаго этого самого принцемъ-президентомъ Людовика—Наполеона, какъ главу французской республики, побѣдителя порядка надъ анархіей, въ благоразуміи котораго русскій государь видѣлъ залогъ возвращенія Франціи на путь мирнаго и тихаго развитія. Въ самый день признанія маркизъ де-Ферръеръ услышалъ отъ великаго князя—наслѣдника, будущаго императора Александра II, слѣдующія слова: „Мы съ живѣйшимъ интересомъ слѣдимъ за образомъ дѣйствій вашего правительства. Поведеніе принца—президента въ столь трудныхъ обстоятельствахъ было все время достойно, твердо и корректно. Единеніе Россіи и Франціи, правленіе которыхъ опирается на совершенно различныя начала, докажетъ Европѣ, что въ переживаемое нами время самодержавіе и демократія единодушно стремятся въ поддержкѣ порядка и мира.“ Но когда въ 1852 г. обнаружилось намѣреніе Людовика—Наполеона провозгласить себя наслѣдственнымъ императоромъ французовъ, то Николай I предложилъ союзникамъ— Австріи и Пруссіи условиться относительно одинаковаго образа дѣйствій, такъ какъ это было прямымъ нарушеніемъ договоровъ 1814—1815 г. г., на основаніи которыхъ члены дома Бонапартовъ не должны были царствовать во Франціи. Союзники оказались противнаго мнѣнія; императоръ же Николай, хотя и вынужденный признать его, ого-

*) Возведеніе хоть бы и боковой линіи Бонапартовъ, происшедшей отъ Жерома, бывшаго короля Вестфальскаго, казалось Николаю I оскорбленіемъ памяти Александра I.

ворился, что это признаніе случайное и переходящее исключеніе, которое не отмѣняетъ прежнихъ трактатовъ, а также не распространяется на наслѣдниковъ Людовика— Наполеона, почему и писалъ послѣднему не „братъ“, а „мой дорогой другъ*)“, какъ это принято въ перепискѣ монарховъ съ президентомъ С.-Американскихъ Штатовъ.

Кстати сказать, признаніе французской республики доказываетъ большую проницательность и политическій тактъ Николая I, который хорошо зналъ, что его вмѣшательство въ венгерскія дѣла можетъ возбудить недовольство въ Европѣ, особенно Англіи и Франціи, симпатіи которыхъ къ добивающимся національной независимости народамъ были особенно живучи. Впечатлѣніе мудрой и своевременной мѣры признанія французской республики членомъ европейскихъ государствъ сказалось немедленно. Когда въ Законодательномъ Собраніи министру Токвилю былъ сдѣланъ запросъ по поводу венгерскихъ дѣлъ и русскаго вмѣшательства въ нихъ, онъ вмѣсто отвѣта обратилъ вниманіе своихъ товарищей на громадный результатъ, пріобрѣтенный съ признаніемъ Россіей французской республики, и воспользовался этимъ событіемъ, чтобы поставить на видъ умѣренность и широту взгляда императора Николая I; „эти качества, добавилъ онъ, являются для насъ обезпеченіемъ отъ крайностей въ этомъ вмѣшательствѣ.“ Такимъ образомъ, будь политика наша подъ внушеніемъ русскаго канцлера, всегда враждебно относившагося къ Франціи, а не дѣломъ взвѣшенныхъ взглядовъ Николая I, Крымская компанія могла бы быть ускорена цѣлыми пятью годами. Въ силу указанныхъ охранительныхъ

*) Николай I, не соглашаясь на прибавленіе династической цыфры, призналъ его не Наполеономъ III, какъ другія державы, а Луи-Наполеономъ.

взглядовъ много разъ со своего воцаренія Николай I ставилъ всѣ свои силы въ распоряженіе особенно Австріи и Пруссіи, какъ это наиболѣе ясно сказалось въ 1849 г. Весной 1852 г. на парадѣ, въ Вѣнѣ, императоръ Францъ — Іосифъ передъ фронтомъ своей арміи торжественно и почтительно салютовалъ своему спасителю—Николаю I.

Но все же Священный Союзъ былъ не болѣе какъ призракомъ, потому что всѣ цѣли его перестали быть общими для участниковъ: Пруссія не отказалась отъ притязаній своихъ на первое мѣсто въ объединенной подъ ея главенствомъ Германіи; Австрія же изъ зависти, по собственному выраженію человѣка, руководившаго ея судьбами, замышляла „удивить міръ своей неблагодарностью“ въ отношеніи облагодѣтельствовавшей ее Россіи.

Всего болѣе пугала и тревожила считавшую себя небезопасной Западную Европу могущая при случаѣ разразиться гроза въ виду силы Россіи, достигшей въ это время небывалыхъ размѣровъ. Поэтому сосѣди наши приходили къ убѣжденію о безусловной необходимости ослабить Россію, обезсилить, унизить—словомъ, лишить ее преобладающаго положенія въ совѣтѣ великихъ державъ и вліянія на дѣла Европы; и видѣли въ этомъ ручательство противъ нашего естественнаго политическаго роста въ будущемъ. Въ Западной Европѣ всего болѣе опасались, какъ бы Турція въ полномъ своемъ составѣ не досталась на долю Россіи; такъ какъ въ теченіе какихъ-нибудь сорока лѣтъ она послѣдовательно присоединила къ своимъ владѣніямъ область между Бугомъ и Днѣстромъ, наконецъ, Бессарабію съ границей по Пруту и Дунаю, не считая обширныхъ пріобрѣтеній на Кавказѣ и за Кавказомъ.

И вотъ, та самая Грецiя, которой впервые дана была наслѣдственная династiя и средства къ существованiю, и которая должна была дополнить собою систему нашего политическаго преобладанiя на Востокѣ, въ 1843 г. оказалась, подъ вліяніемъ Франціи и Англіи, изъятою изъ-подъ русскаго авторитета державою, враждебной Россіи. Грецiя, этотъ первый опытъ независимаго христiанскаго государства на Балканскомъ полуостровѣ, была вырвана изъ рукъ православiя для развитiя классической древности и эллинизма. Въ тоже время графъ Нессельроде самымъ рѣшительнымъ образомъ противился всякимъ протестамъ турецкихъ христiанъ противъ Порты и усматривалъ въ нихъ революціонныя попытки. Поэтому и турецкіе христіане отвернулись отъ Россіи и надѣялись на освобожденіе при помощи Англіи и Франціи. Обѣ морскія державы, Франція и Англія, желали обратить Грецію въ самый передовой постъ конституціонной Европы, установивъ здѣсь порядокъ, враждебный принципамъ Россіи и вліянію ея на Востокѣ. Франція и Англія хотѣли сдержать Россію и пріучить ее обсуждать сообща восточныя дѣла; при чемъ, также сказалось желаніе включить Порту въ формальный договоръ между великими державами. Но, вступивъ при такихъ условіяхъ въ европейскій союзъ, призванный рѣшать дѣла Востока, Россія очутилась въ немъ въ меньшинствѣ, если не въ совершенномъ одиночествѣ. Такова была лондонская конвенція 1840 г.—первый актъ совокупнаго вмѣшательства великихъ державъ въ дѣла Востока. Она была отчасти вызвана убѣжденіемъ Николая I въ неминуемости кончины Оттоманской имперіи, „больного человѣка“, по убѣжденію государя, и неизбѣжности раздѣла турецкихъ владѣній. Англія, повидимому не отказываясь отъ отдѣльнаго соглашенія съ Россіей по восточ-

ному вопросу на случай возможности раздѣла, на самомъ же дѣлѣ всюду поддерживала революціонное броженіе въ надеждѣ извлечь изъ своей популярности особую выгоду.

Такимъ образомъ, какъ будто всѣ наблюдали за Россіей: едва бы вышли въ море русскіе корабли, сейчасъ появились бы и чужіе изъ боязни, что Константинополь будетъ завоеванъ. Этотъ порядокъ, истекая кровью, послѣ тяжкой и неравной борьбы съ половиною Европы пятнадцать лѣтъ спустя вынуждена была признать Россія. Гибельными для нея конвенціями 1840 и 1841 г. г. создано было условіе, въ силу котораго оправдывалось всякое вмѣшательство великихъ державъ во всѣ грядущія несогласія наши съ Портой, и установилось судилище, предъ которымъ въ Севастопольскую войну мы имѣли предстать въ качествѣ не равноправныхъ судей, а подсудимыхъ. Мы одни были прибрежною державой Чернаго моря, входъ и выходъ котораго намъ былъ одинаково закрытъ, какъ и прочимъ державамъ, для которыхъ это не было насущной необходимостью. Но еще важнѣе то, что, въ случаѣ войны Россіи съ кѣмъ-нибудь, Порта могла впустить безнаказанно въ Черное море непріятельскій флотъ, ибо обязательство держать входъ въ проливы закрытымъ было принято ею относительно насъ однихъ, а не всей Европы.

Съ этого времени турки, ободренные обѣщаніями Англіи и Франціи, перестали бояться Россіи и отвѣчали отказомъ на представленіе русскому царю покровительства надъ греческою церковью въ Турціи, а восточные христіане видѣли, что Россія безъ другихъ ничего не можетъ сдѣлать; Англія же выдвинулась, взявъ подъ свое покровительство революціонныя движенія, чтобы тѣмъ развлечь и ослабить европейскіе кабинеты: отъ

нея одной ждали совѣтовъ, приказаній, какъ отъ главной покровительницы. Естественно поэтому, что императоръ Николай I былъ глубоко возмущенъ самовольнымъ утвержденіемъ, въ 1842 г., при покровительствѣ Австріи вслѣдствіе сербскаго возстанія, вмѣсто низвергнутой династіи Обреновичей, на престолѣ Сербіи Александра Карагеоргіевича, сына Георгія Чернаго. Этотъ своевольный поступокъ нарушалъ обязательства Турціи передъ Россіей по договорамъ Букурештскому и Адріанопольскому и обострялъ и безъ того натянутыя политическія отношенія. Въ 1844 г. государь личнымъ объясненіемъ надѣялся уладить отношенія съ Англіей, и посѣщеніе имъ Лондона, по словамъ дневника сера Чарльса Муррея, вѣроятно, имѣло въ виду поддержатьхорошія отношенія съ Англіей и уравновѣсить возраставшее вліяніе Франціи на Сентъ-Джемскій кабинетъ. Николай Павловичъ хорошо понималъ современныя стремленія и обстоятельства, когда въ 1845 г. писалъ князю Паскевичу: „политическій горизонтъ чернѣетъ, и намъ должно готовиться на упорный бой.“

Къ тому же революціонная гроза 1848 г. не прошла безслѣдно для балканскихъ земель. Поэтому Николай I собственноручнымъ письмомъ къ султану пригласилъ его занести въ особую конвенцію предположенныя измѣненія въ организаціи княжествъ.

Турціи казалось слишкомъ опаснымъ вызывать Россію, которая одна среди всеобщаго крушенія оставалась непоколебимою, отправила свои войска въ Молдавію, двинула къ валашской границѣ 25-тысячный отрядъ; послѣ усмиренія Балканскаго полуострова, противъ всякаго своего желанія, Турція приняла Балта-Лиманскій договоръ, которымъ торжественно подтверждались всѣ права, предоставленныя Россіи прежними трактатами и, въ частности,

право покровительства и ручательства ея въ обоихъ Дунайскихъ княжествахъ. Но этотъ договоръ всетаки не уничтожалъ опеки другихъ государствъ.

Вражда между Англіею и Россіею осложнялась слѣдующими поступками лондонскаго правительства. Оно дало у себя убѣжище всѣмъ революціоннымъ дѣятелямъ континента: Луи-Бланъ, Мадзини, Кошутъ и др. нашли въ Англіи полное гостепріимство; возмутительна была и настойчивость, съ какою Англія поддерживая революціонныя движенія на материкѣ, вымогала всѣми *насильственными* путями вознагражденія для своихъ подданныхъ, пострадавшихъ отъ революціонныхъ безпорядковъ. Противъ такого образа дѣйствій протестовала Россія, и Николай I отправилъ англійскому правительству ноту, въ которой грозилъ запретить англійскимъ подданнымъ пребываніе въ Россіи, если присутствіе ихъ поведетъ къ такимъ же замѣшательствамъ, какія произошли въ Греціи изъ-за поврежденія дома Пачифико, когда англійскій флотъ высланъ былъ блокировать берега Мореи; въ Тосканѣ и Неаполѣ. Въ отмщеніе лордъ Пальмерстонъ съ 1852 г. старался устроить союзъ съ Франціей, и изъ ничтожнаго на первый взглядъ недоразумѣнія на Востокѣ, которое легко могло быть устранено дипломатическимъ путемъ,—„возжегъ Крымскую войну;“ въ ней Англія, Франція и Сардинія приняли на себя роли защитниковъ Турціи противъ предполагаемыхъ завоевательныхъ намѣреній императора Николая Павловича.

Такимъ образомъ, императоръ Николай I чувствовалъ на каждомъ шагу безсиліе русской политики по дѣламъ Востока, именно въ то время, когда онъ, поборовъ всемірную революцію, былъ единогласно признанъ на Запа-

дѣ могущественнымъ щитомъ и опорой монархическихъ началъ и законнаго порядка; когда къ стопамъ царя несли западные государи выраженіе удивленія, благодарности, преданности; когда безпримѣрныя въ исторіи великодушіе и безкорыстіе его были доказаны на дѣлѣ.

Съ одной стороны, двоедушіе облагодѣтельствованныхъ державъ, поощаженныхъ Турціи и Австріи, осмѣливалось противостоять законнымъ требованіямъ и правамъ Николая I, добытымъ русской кровью при покровительствѣ православнымъ во всей Турціи; съ другой, обидно-подозрительная опека Англіей отъ Россіи слѣпослушныхъ первой турецкихъ министровъ,—все это съ нетерпѣніемъ выносилъ императоръ: достаточно было одной капли, чтобы переполнить и безъ того горькую чашу. Такой каплей оказался, при поддержкѣ другихъ державъ, успѣхъ притязаній Франціи на покровительство палестинскимъ католикамъ, въ ущербъ правамъ громаднаго большинства православныхъ жителей этой страны, такъ какъ Порта принесла въ жертву горсти иноземныхъ католиковъ вѣковыя льготы коренного православнаго населенія Св. Земли. Турецкое правительство, по требованію Луи — Наполеона, предоставило католикамъ исключительное обладаніе нѣкоторыми Святыми мѣстами въ Іерусалимѣ и вручило ключи отъ главныхъ воротъ Виѳлеемскаго храма католическому патріарху.

Съ того дня, какъ возникъ, такъ называемый, споръ о святыхъ мѣстахъ, столкновеніе между Россіей и обѣими морскими державами изъ-за преобладанія на Востокѣ стало исторически-роковою необходимостью, совершенно

неотвратимой*). Но русскій государь еще и тутъ разсчитывалъ если не на благодарность, то, по крайней мѣрѣ, на послѣдовательность своихъ союзниковъ, на вѣрность ихъ охранительнымъ началамъ Священнаго Союза...

Сдѣлана была послѣдняя попытка: императоръ Николай обратился съ собственноручнымъ письмомъ къ королевѣ Викторіи, но при тѣхъ обстоятельствахъ письмо не имѣло серьезнаго значенія. Разгромъ турецкаго флота при Синопѣ въ ноябрѣ 1853 г. послужилъ поводомъ къ окончательному разрыву между Россіею и Англіею. Въ январѣ 1854 г. представители Франціи и Англіи сдѣлали графу Нессельроде устное заявленіе о томъ, что соединенные флоты войдутъ въ Черное море для охраны турецкихъ городовъ и береговъ отъ нападенія русскаго флота. Эта безцеремонная декларація была равносильна формальному объявленію войны. 20 января (1 февраля) дипломатическія сношенія между Россіей, Англіей и Франціей были порваны, и началась тяжелая кровавая драма. Великая мечта о всеобщемъ братствѣ и идеально-обаятельной взаимопомощи на основахъ правды и любви, освященныхъ вѣрою и просвѣщенныхъ лучшими взглядами нравственно-развитой морали, разлетѣлась въ прахъ при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью.

Такимъ образомъ, Севастопольская война логически необходимо приготовлялась предшествовавшими событіями отъ заключенія Свя-

---

*) Къ вопросу о святыхъ мѣстахъ примѣшался другой—о покровительствѣ греческимъ христіанамъ Оттоманской имперіи. Россія, по заявленію товарища канцлера Сенявина, вступилась за греческихъ монаховъ не въ силу одной личной симпатіи къ единовѣрцамъ, но потому, что Кайнарджійскій трактатъ давалъ ей права протектората надъ *всѣми* христіанами греко-восточнаго исповѣданія въ Оттоманской имперіи. Это взволновало Англію, не могшую хладнокровно видѣть стремленіе Россіи взять подъ свою непосредственную опеку одиннадцать милліоновъ турецкихъ подданныхъ.

щеннаго Союза; по собственному выраженію Николая I, она оказалась, „быть можетъ, трауромъ по русскомъ флотѣ, но никогда—по русской чести," нравственный катехизисъ которой, въ лицѣ ея царственнаго выразителя, отличался сознаніемъ правъ своихъ и строгимъ исполненіемъ обязанностей и нашелъ себѣ сочувственную поддержку и сердцѣ подданныхъ. Подъемъ духа, какъ рѣзкотипическая характеристика русскаго солдата, въ возгорѣвшейся борьбѣ за обладаніе Севастополемъ составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ нашей военной лѣтописи, въ смыслѣ особой рельефности доблести русскаго воина, и хорошо извѣстна каждому русскому.*).

Севастопольская война хотя и была несчастлива, раскрывъ послѣдствія односторонней выучки безъ широкаго кругозора, но она показала, какъ трудно бороться Западной Европѣ съ сѣвернымъ великаномъ—Россіей, сломить которую она, какъ при Наполеонѣ I, такъ и теперь не могла совершенно. Крымская кампанія всетаки доказала общую отличную постановку военной службы и геройское мужество экипажа флота.

Взятіе Севастополя послѣ 11-ти мѣсячной осады не доставило никакихъ значительныхъ выгодъ союзникамъ, потому что Горчаковъ удержался въ своей позиціи на сѣверной сторонѣ крѣпости. Съ другой стороны, взятіе русскими Карса имѣло рѣшающее вліяніе на прекращеніе войны и заключеніе мира. По Парижскому миру 18 марта 1856 г. Россія отказалась отъ устьевъ Дуная и небольшой части Бессарабіи и возвратила Карсъ, получивъ обратно разрушенный Севастополь и другіе

**) „Нравственный элементъ подъ Севастополемъ," полк. С. К. Гершельманъ, Пет., 97.

занятыя союзниками пункты. Она обязалась не заводить никакихъ морскихъ арсеналовъ на Черномъ морѣ и содержать на немъ число военныхъ кораблей не болѣе Турціи. Оттоманская Порта отнынѣ дѣлалась членомъ европейской политической системы. Порта, сохраненіе цѣлости которой было признано всѣми державами, обязалась султанскимъ гатти—гамаюномъ (февраль 1856 г.) уравнять христіанъ въ правахъ съ мусульманами и обѣщала реформы, которыя придали бы Турціи европейскій характеръ. Дунайскія княжества и христіане на Востокѣ должны были впредь состоять подъ общимъ покровительствомъ великихъ державъ; также судоходство по Дунаю объявлялось свободнымъ. По Парижскому миру Россія потеряла только 221 кв. милю. Изъ Крымской войны русскіе вынесли осязательное сознаніе собственныхъ недостатковъ, которые замѣчены были какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ порядкѣ. Поэтому борьба подъ Севастополемъ была актомъ пробужденія общественнаго самосознанія, а началась она тогда, когда все могло казаться неоставляющимъ желать лучшаго. Въ это время внѣшній престижъ Россіи послѣ усмиренія Венгерскаго возстанія и нѣкотораго ослабленія послѣ событій 1848 г. военнаго могущества западноевропейскихъ державъ достигъ своего кульминаціоннаго пункта, и то или другое слово, сказанное на берегахъ Невы, заставляло трепетать Европу. Внутри Россіи казалось все въ наилучшемъ порядкѣ: откупы процвѣтали, недоимки аккуратно взыскивались,—„сто тысячъ полицеймейстеровъ“, какъ называлъ помѣщиковъ императоръ Николай Павловичъ, держали народъ въ повиновеніи. По внѣшнему виду положеніе Россіи казалось въ высшей степени благопріятнымъ, и тогдашніе патріоты необычайно гордились достигнутыми результатами.

Заключеніе.

Сводя окончательные итоги, я воспользуюсь мнѣніемъ Дивова, современника восшествія на престолъ Николая I. „Молодой императоръ наслѣдовалъ государство при полномъ разстройствѣ внутренняго управленія, утратѣ Россіей ея вліянія въ сферѣ международныхъ сношеній и при отсутствіи какихъ-либо существенныхъ пріобрѣтеній въ будущемъ. Съ другой стороны, во всѣхъ отрасляхъ администраціи накопилась такая масса горючаго матеріала, что онъ могъ ежеминутно воспламениться. Исакіевская церковь, по выраженію Пушкина, „сей храмъ—трехъ царствъ изображенье: гранитъ, кирпичъ и разрушенье,“—въ своемъ разрушенномъ состояніи, представляла подобіе государства: ее разрушили, намѣреваясь на старомъ основаніи воздвигнуть новый храмъ изъ массы новаго матеріала и все это съ цѣлью сохранить частицу жалкаго зданія изъ мрамора. Это потребовало огромныхъ затратъ, но постройку пришлось пріостановить, когда почувствовали, какъ опасно воздвигать зданіе, не имѣя строго выработаннаго плана.“ Такъ было и въ государственныхъ дѣлахъ. Въ 1826 г. русская земля находилась относительно законодательства точно въ такомъ же положеніи, какъ и въ 1700 г.. Тогда сбились съ столбовой дороги законности и заблудились по проселкамъ. Самъ государь говорилъ: „При грустныхъ предзнаменованіяхъ сѣлъ я на престолъ русскій и *долженъ* былъ начать мое царствованіе казнями, ссылками. Я не нашелъ вокругъ престола людей, могшихъ руководить ар[illegible]мъ; я долженъ былъ и *создавать* людей и

царствовать.“ Даже родной братъ отнесся безучастно: подтвердивъ свое отреченіе, цесаревичъ въ тоже время не сдѣлалъ ничего, что могло бы облегчить трудное положеніе его младшаго брата. На просьбы Николая Павловича пріѣхать въ Петербургъ, чтобы своимъ присутствіемъ разсѣять вздорные слухи о насильственномъ его отстраненіи отъ престола, чѣмъ устранилось бы само 14-е декабря со всѣми его послѣдствіями, цесаревичъ отвѣчалъ, что если его не оставятъ въ покоѣ, то онъ уѣдетъ еще на 2.000 верстъ далѣе отъ Петербурга. Какъ видно, напр., изъ писемъ цесаревича къ Лагарпу, ему было тяжело разставаться съ престоломъ, и у него были моменты колебанія. Характерно также поведеніе Константина Павловича въ Москвѣ во время коронаціи императора Николая. Во все время пребыванія въ первопрестольной столицѣ цесаревичъ былъ сумраченъ и скучалъ. Обратили вниманіе на то, что, являясь на балы и общественныя собранія, онъ постоянно уѣзжалъ ранѣе императора. Для полной обрисовки личности Константина Павловича не лишены значенія проникнутыя горечью слова, сказанныя имъ Опочинину при выходѣ изъ Успенскаго собора по окончаніи коронованія: „теперь я отпѣтъ.“

Оппозиція Константина Павловича, по словамъ Карновича, выразилась въ слѣдующемъ. Императоръ Николай изъ братской любви и уваженія къ старшинству посылалъ цесаревичу всѣ важнѣйшія государственныя бумаги на просмотръ. Константинъ Павловичъ между прочимъ узналъ о предположеніяхъ произвести въ Россіи преобразованія, цѣль которыхъ,— какъ писалъ А. С. Пушкинъ князю Вяземскому,—клонилась къ тому, чтобы оградить дворянъ отъ произвола чиновниковъ и предоставить новыя права мѣщанамъ и крестьянамъ.

Проэкту этому однако не сочувствовалъ Константинъ Павловичъ, и, благодаря этому, осуществленіе его затормозилось, пока, наконецъ, разыгравшіяся на западѣ революціонныя волненія не побудили Николая Павловича окончательно отказаться отъ него. Подобная уступчивость обратила на себя вниманіе современниковъ и, по словамъ графини А. Д. Блудовой, объясняется тѣмъ, что „положеніе великаго князя и отношенія къ нему государя были такія особенныя, такія ненормальныя, что уступка желаніямъ старшаго брата была необходима.“ Не смотря на уступчивость Николая I, отношенія между обоими братьями постепенно охлаждались. Свое отношеніе, какъ человѣка не надѣленнаго прозорливостью государственнаго человѣка, Константинъ Павловичъ въ одномъ изъ писемъ Опочинину такъ самъ охарактеризовалъ: „не привыкать мнѣ, въ мои годы и послѣ 30-лѣтней службы, къ новымъ порядкамъ, быть можетъ, и великолѣпнымъ, но для меня непонятнымъ... Пора меня въ какую-нибудь Цурукантскую крѣпость въ плацъ-майоры, а если будетъ особая милость, то въ коменданты.“ Вся неудачная дѣятельность Константина Павловича, по рожденію предназначавшагося къ занятію нѣсколькихъ престоловъ, въ Царствѣ Польскомъ доказала блестящимъ образомъ справедливость соображеній, которыми руководствовался Александръ Павловичъ въ вопросѣ о престолонаслѣдіи и назначеніи наслѣдникомъ Николая I.

Въ 1825 г. 20 декабря былъ отрѣшенъ отъ завѣдыванія общими государственными дѣлами графъ Аракчеевъ. Послѣ же погребенія тѣла императора Александра наступило и другое нетерпѣливо поджидаемое современниками, вожделѣнное для нихъ, событіе — устраненіе истинно русскаго новгородскаго неученаго дворянина“ отъ управленія военными поселеніями,

т.е., Аракчеева, какъ онъ себя называлъ. Въ слѣдующемъ году 1-го мая графъ Аракчеевъ отдалъ свой послѣдній прощальный приказъ, какъ откликъ той отнынѣ замиравшей сельской идилліи, которою онъ восхищалъ и утѣшалъ императора Александра I въ послѣднее десятилѣтіе его царствованія. Такимъ образомъ, на основаніи присоединенія военныхъ поселеній къ главному штабу послѣдовало въ 1826 г. уничтоженіе ихъ прежняго исключительнаго положенія, а это позволяло надѣяться, что дальнѣйшему расширенію или развитію этого зловреднаго учрежденія положенъ будетъ предѣлъ. Скоро и самому графу Аракчееву государь указалъ настоящее значеніе по случаю самовольнаго отпечатанія въ подчиненной ему типографіи переписки Александра I изъ-за тщеславія и безстыднаго самолюбія, даже въ ущербъ покойному государю, котораго самъ же онъ называлъ своимъ отцомъ и благодѣтелемъ. Николай Павловичъ проявилъ къ этому преступному человѣку всю внимательность, которую его чудная душа должна была воздать памяти почившаго брата: слабость Александра I, какъ государя и въ этомъ случаѣ уважалась тонко и деликатно его преемникомъ. Такъ самъ палъ недостойный временщикъ подъ тяжестью своихъ же дѣяній, запутавшись въ разнорѣчивыхъ своихъ показаніяхъ. Трудно встрѣтить болѣе наглаго обращенія съ истиною, какъ это видно изъ оправдательныхъ писемъ Аракчеева, ложно названныхъ имъ же исповѣдью, такъ какъ они составлены въ дни Страстной недѣли во время приготовленія къ причастію. Николай Павловичъ отвѣтилъ немногими словами трусливому и льстивому, нѣкогда всесильному фавориту: „...Излишне мнѣ входить съ вами въ разсужденіе о предметѣ, на который мы взираемъ съ совершенно разныхъ точекъ. Я исполнилъ долгъ, какъ

братъ и государь. Ваше опасеніе на счетъ собственный излишне..!!“

Что же сдѣлалъ за время своего царствованія императоръ Николай I? Онъ, руководясь идеалами добра, чести, правды, законности, рыцарскаго отношенія къ обиженному и слабому— и во внѣшней и внутренней политикѣ точно формулировалъ свои взгляды какъ залогъ естественности и правильности дальнѣйшаго развитія общества. Опоры, которыхъ искалъ императоръ, были вѣрны: рядомъ съ самодержавіемъ онъ поставилъ православіе и народность. Старорусская партія нашла себѣ вождя и представителя. Изъ всего сказаннаго обрисовывается свѣтлый образъ императора Николая I, какъ человѣка, стоявшаго внѣ всякихъ личныхъ раздраженій, что видно изъ высокочеловѣколюбиваго отношенія императора Николая Павловича къ семьямъ и самимъ осужденнымъ декабристамъ; человѣка-патріота, олицетвореніе энергіи, силы воли,—какъ усмирителя ряда волненій народныхъ во время холеры, чумы и особенно на Петровской площади 14-го декабря; представителя идеальныхъ военныхъ стремленій, рыцаря, обнажавшаго мечъ лишь за угнетенный фанатичнымъ исламомъ христіанскій народъ—грековъ; геройски защищавшаго вѣками выработанный законный образъ правленія противъ революціонныхъ движеній Венгріи и тѣмъ спасшаго отъ паденія старѣйшую изъ монархій—Австрію, не смотря на ея двуличную политику, очень скоро сказавшуюся черною неблагодадностью. Не менѣе великимъ рыцаремъ чести и достоинства Россіи сказался государь въ Севастопольскую войну, бывшую едва ли не тяжелѣе отечественной, такъ какъ въ то время были особенно напряжены усилія завидовавшихъ Россіи державъ, старавшихся уничтожить ея авторитетъ, высоко поднявшійся съ Вѣнскаго конгресса.

Изъ внутренней дѣятельности императора Николая I указаны важнѣйшія заботы: объ изданіи „Свода законовъ“ и „Уложенія о наказаніяхъ,“ устроеніи окраинъ государства и особенно Польши*), о крестьянахъ, сельскомъ хозяйствѣ, фабричномъ производствѣ, заведеніи впервые желѣзныхъ дорогъ, телеграфа, покровительствѣ цѣлой плеядѣ русскихъ художниковъ и писателей, и особенно о просвѣщеніи и др. Вездѣ и во всемъ императоръ Николай I только стоялъ за правду, истину и законность, стремясь всю жизнь, по выраженію Майкова:

„Въ свѣтъ—къ свободѣ безконечной
Изъ-подъ рабства суеты,—
На исканье правды вѣчной
И душевной красоты“...

Поразительно-замѣчательная цѣльность натуры Николая I сказалась въ органически-живой гармоніи общественно-политической дѣятельности въ связи съ душевнымъ складомъ его. Царь-богатырь, царь-рыцарь, прямой, благородный, рѣшительный, строгій исполнитель долга, сурово требующій того же отъ подданныхъ, добрый семьянинъ и отецъ, умъ широкій, характеръ твердый, красота физическая и высокій уровень нравственныхъ достоинствъ, справедливость и великодушіе царскія, и всѣ помыслы и дѣянія, направленныя ко благу Россіи—все въ этомъ государѣ сливается гармонически и даетъ великій, привлекательный и увлекательный образъ цѣльнаго характера вполнѣ уравновѣшенной психологически личности человѣка. —Этотъ величавый образъ научилъ Россію, по примѣру ея вѣнценосца, смотрѣть на себя, какъ на великій народъ, призванный къ самостоятельной, независимой жизни, нрав-

*) „Надѣюсь, говорилъ гр. Паскевичу государь, что русскій и полякъ составятъ одно царство русское—славянское, сохранятъ въ исторіи своей имя твое наравнѣ съ именемъ Николая..“.

ственно чистой и безъ всякой политической игры, въ строго-національномъ духѣ.

Вѣкъ императора Николая I, личностью главнаго дѣятеля его приковывая къ себѣ вниманіе не только холоднаго историка, но и поэта, выступаетъ при изученіи со всѣмъ трагизмомъ на тернистомъ жизненномъ пути его: этотъ вѣкъ не могъ особенно ярко выдѣлиться, при несомнѣнно серьезныхъ своихъ заслугахъ, потому что не было въ немъ бьющей въ глаза эффектности жизни и увлекательнаго подъема духа царствованій Александра I и Александра II, ни тусклаго для оттѣненія колорита предшествовавшаго или послѣдующаго времени, напр., при императрицѣ Екатеринѣ II. какъ современницѣ, отразившей въ вѣкъ энциклопедистовъ, Вольтера и Жанъ-Жакъ Руссо, одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ развитія человѣческой мысли. Тѣмъ не менѣе съ каждой новой страницей печатающихся воспоминаній свѣтлѣютъ краски, и обликъ императора, какъ дѣятеля и человѣка, привлекаетъ къ себѣ симпатію чертами высокой нравственности и рѣдкой доблести, русской натуры и характера. Нужно также имѣть въ виду тѣ огромныя препятствія и трудности, съ которыми приходилось бороться императору Николаю I: съ закрѣпощеннымъ, грубымъ крестьянствомъ внизу, уничтоженіе ига котораго государь считалъ преждевременнымъ и невозможнымъ въ исполненіи, боясь посягнуть на общественное спокойствіе въ виду умственной и нравственной неподготовки и недисциплинированности современниковъ; съ другой стороны—съ малокультурнымъ, вѣками воспитаннымъ на крѣпостномъ правѣ дворянствомъ вверху и тѣмъ чиновничествомъ, которое воспроизведено Гоголемъ въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ душахъ.“

Въ это время, какъ предостереженіе, на

Западѣ грозы колебали царства и троны, вызывая болѣе разрушенія, нежели созиданія даже въ государствахъ, имѣвшихъ за собою несомнѣнную культуру и богатый историческій опытъ. Эти грозы отражались понемногу и въ Россіи. Во время народныхъ движеній положеніе императора Николая было, конечно, однимъ изъ самыхъ тягостныхъ. Съ его привязанностью къ монархическому началу, имѣя близкихъ ему или его семьѣ почти во всѣхъ дворахъ Германіи, а въ одномъ изъ нихъ и родную дочь, онъ принужденъ былъ бездѣйственно смотрѣть, какъ падали вокругъ него цари и престолы, и какъ отъ народныхъ страстей разрушалась вся святыня исконныхъ политическихъ вѣрованій; смотрѣть и бдительно между тѣмъ твердо бодрствовать надъ покоемъ собственной своей державы, когда въ Петербургѣ многіе трусливые, готовясь къ мученической смерти, видѣли во всемъ наступленіе волненіе народа. Въ силу искреннихъ убѣжденій положеніе Николая Павловича было трагическимъ посреди превращенія прежняго міра въ новый, разрушенія всего, что дотолѣ считалось завѣтнымъ, ниспроверженія троновъ, властей, присяги, всѣхъ условій и основъ установившагося общежитія. Тяжелое нравственное состояніе императора еще болѣе ухудшилось съ кончиною любимаго брата Михаила Павловича императора Николая I преслѣдовала мысль, что этою смертью нарушенъ законъ, т. е., что великій князь, какъ младшій, обошелъ его въ очереди,—слѣдовательно, и ему недолго уже остается жить.

Императоръ Николай Павловичъ ясно опредѣлилъ свою миссію и стремился выполнить ее до конца съ тою непреклонною энергіей, которая ему только одному была свойственна. Его попечительная власть имѣла въ виду укрѣпить на незыблемыхъ основахъ начала разви-

тія, дисциплинировать общество, воспитать въ немъ чувство законности, истинное пониманіе своихъ нуждъ, чести, долга, справедливости, а затѣмъ вести Россію къ лучшимъ временамъ, къ лучшимъ порядкамъ. И онъ несомнѣнно шелъ впереди своихъ сотрудниковъ, нерѣдко грубо тормозившихъ его благія начинанія. Если бы то чувство долга, тотъ характеръ, та преданность Россіи, которыми отличался Николай Павловичъ, находили сколько-нибудь живой откликъ въ массѣ общества, Николаевская эпоха имѣла бы иной колоритъ и иные результаты: тогда бы еще яснѣе обозначилось обаятельное впечатлѣніе, которое производилъ этотъ мощный и цѣльный образъ великаго человѣка, не знавшаго компромиссовъ для себя и не допускавшаго ихъ въ другихъ. Общее впечатлѣніе современниковъ таково: сердцемъ онъ былъ чистъ, духомъ великъ, помыслами идеалистъ; при чемъ „самодержавія идею, какъ царь, въ себѣ онъ воплощалъ; какъ вождь, онъ брани не искалъ, идя на вызовъ тѣмъ смѣлѣе...“

Всю жизнь свою, какъ монархъ, въ теченіе 30-го царствованія державный стражъ достоинства и спокойствія Россіи ревниво, неусыпно слѣдилъ за развитіемъ и благоустройствомъ ея силъ и въ своемъ духовномъ завѣщаніи сказалъ: „Ежели не во всемъ успѣлъ, то не отъ недостатка желанія, но отъ того, что не умѣлъ лучшаго придумать или же не могъ болѣе сдѣлать. Я былъ человѣкъ со всѣми слабостями, коимъ люди подвержены, старался исправиться въ томъ, что зналъ за собою худого: въ иномъ успѣвалъ, въ другомъ — нѣтъ; прошу искренно мнѣ простить.“ А послѣднія слова умиравшаго къ наслѣднику были: „служи Россіи... Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое,- Провидѣніе судило иначе“.

Такъ Россія лишилась великаго государя, а Европа и міръ—великаго человѣка, и таково было его царствованіе, исполненное благословеній мира и громовъ войны. Умеръ Николай I 18 февраля 1855 г.,—значитъ, сравнительно нестарымъ человѣкомъ; при геркулесовскомъ сложеніи его кончина была безусловно преждевременной: она слѣдствіе страшной работы нервовъ во всю тяжкую жизнь государя. Такъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ могучій дубъ валится, а ко всему равнодушная тростинка—человѣкъ выживаетъ, не смотря на внѣшнюю свою слабость: глубоко-впечатлительная душа Николая I не могла помириться съ полнымъ крушеніемъ его политическихъ идеаловъ, а военныя неудачи на Дунаѣ и въ Крыму въ корнѣ потрясли могучій организмъ императора.

Король Фридрихъ — Вильгельмъ IV, съ юныхъ лѣтъ близко знавшій своего царственнаго зятя, такъ сказалъ: „Одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, одно изъ вѣрнѣйшихъ сердецъ и, въ то же время, одинъ изъ величественныхъ государей этого міра отозванъ къ созерцанію.“—Пусть же будетъ

„Тамъ, въ обители небесной,
Невозмутимъ его покой,
Онъ подвигъ свой свершилъ чудесный,
Русь возвеличивши собой.“

Будущему историку предстоитъ нарисовать величавый образъ одного изъ колосовъ отечественной исторіи, поставить на ту высоту, на которой стоятъ радѣтели русской земли—люди чистаго и теплаго сердца, рыцарской честности и непреклонной воли. Такіе люди, какъ блуждающіе огни, мелькаютъ въ взбаломученномъ житейскомъ морѣ, среди недоросшей до нихъ тусклой современности—непонятые, страдающіе, симпатичные. Не даромъ англійская королева Викторія писала ко-

ролю бельгійскому въ 1844 г. подъ обаяніемъ пріѣзда въ Лондонъ Николая I: „онъ производитъ на меня впечатлѣніе человѣка несчастливаго... Онъ рѣдко улыбается, а когда и улыбнется, то выраженіе его улыбки несчастливое."

Со смертью поминаемаго императора вѣкъ Николая I не закончился, а въ этомъ его жизненная правда!... Нужно помнить, что нашему государственному устройству, въ возобновленномъ Петромъ В. видѣ было не болѣе полутораста лѣтъ; не смотря на прежніе византійскіе и позднѣйшіе западные образцы, теперь приходилось многое переработывать, а иногда и создавать какъ бы изъ ничего. Массой подобнаго и наше время съ успѣхомъ и безусловной выгодой пользуется, не смотря на то, что современныя условія не благопріятствовали. Если страна не развивалась то подъ гнетомъ крѣпостного права. Поэтому неурожаи слѣдовали за неурожаями. Внѣшняя политика въ подавленіи Венгерскаго возстанія, поддержка Англіи противъ Франціи мѣшала выполненію завѣтовъ прошлаго. Самый военный престижъ Россіи въ концѣ сороковыхъ годовъ уже не соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Русскіе тогда уже слишкомъ отстали отъ Западной Европы даже въ чисто военной техникѣ, которая составляла особую гордость Россіи. Парады, смотры, фронтовая служба отодвигала на задній планъ боевую подготовку арміи. Вооруженіе не могло итти ни въ какое сравненіе съ западноевропейскимъ (штуцерное ружье, нарѣзныя орудія). Во главѣ арміи стояли люди малоспособные и самоувѣренные. Даже кн. Пашкевичъ считалъ Россію настолько блестяще организованной въ военномъ отношеніи, что брать примѣръ съ заграничныхъ „новшествъ" ему казалось смѣшнымъ.—Къ этому присоединился недостатокъ благоустроенныхъ путей сообще-

нія, не говоря уже о желѣзныхъ дорогахъ и отсутствіи парового флота, которымъ начали обзаводиться въ Западной Европѣ въ то время, какъ мы все еще пользовались паруснымъ.

Для сравнительной и справедливой оцѣнки слѣдуетъ бросить хоть вкратцѣ общій бѣглый взглядъ на устройство желѣзныхъ дорогъ и положеніе крѣпостныхъ въ Россіи.

Вопросъ о сооруженіи въ Россіи желѣзныхъ дорогъ былъ поднятъ еще въ 1834 г. пріѣхавшимъ въ Петербургъ извѣстнымъ строителелемъ перваго желѣзнаго пути на европейскомъ континентѣ (отъ Будвейса до Линца между Молдавою и Дунаемъ) Герстнеромъ, который предлагалъ русскому правительству не только соединить обѣ столицы, но и покрыть всю Россію цѣлою сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Въ 1835 г. былъ образованъ подъ предсѣдательствомъ самого государя особый комитетъ для обсужденія этихъ предложеній. Характерно, что вопросъ объ обезпеченіи за счетъ государственнаго казначейства частныхъ „вкладчиковъ“ задуманнаго предпріятія былъ поднятъ впервые не предпринимателемъ Герстнеромъ, а *самимъ* Николаемъ I на томъ основаніи, что безъ этого обезпеченія въ случаѣ неудачи вкладчикамъ открывался бы поводъ жаловаться, что они введены въ заблужденіе правительствомъ. Въ виду энергичнаго противодѣйствія гр. Канкрина, Герстнеру было разрѣшено построить „въ видѣ опыта“ только одну „Царскосельскую дорогу“ „съ увеселительнымъ на ея оконечности вокзаломъ“ (знаменитый впослѣдствіи Павловскій вокзалъ)—обстоятельство, давшее поводъ гр. Канкрину замѣтить, что у насъ выстроили дорогу въ трактиръ. Дорога строилась около двухъ лѣтъ и открыта была для движенія только 4 апрѣля 1838 г., не смо-

тря но незначительное свое протяженіе (25 верстъ). Сооруженіе всей дороги обошлось въ 1.437.619 руб., а стоимость одной версты ея въ 57.504 р.; прибыли же дорога не давала вовсе. Это обстоятельство, конечно, не могло поощрить частныхъ предпринимателей къ сооруженію новыхъ желѣзныхъ дорогъ безъ содѣйствія со стороны правительства. Поэтому, когда въ 1842 былъ снова поднятъ вопросъ о соединеніи Петербурга съ Москвою, то частныхъ предпринимателей для такой дороги не нашлось. Стоимость версты С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги, впослѣдствіи названной Николаевской, опредѣлилась въ 110.685 р., что, хотя и должно быть признано высокимъ, но не до такой уже степени, говоритъ проф. Мигулинъ, чтобы окончательно дискредитировать сооруженіе желѣзныхъ дорогъ казною, особенно если принять во вниманіе монументальность постройки Николаевской дороги, не могущей итти ни въ какое сравненіе съ выстроенными впослѣдствіи дорогами, не исключая западноевропейскихъ и американскихъ. Движеніе было открыто 1 ноября 1851 г. Частные вкладчики и теперь не откликнулись. Единственное акціонерное общество, образовавшееся послѣ общества Царскосельской желѣзной дороги, было организовано въ 1838 г. по иниціативѣ Польскаго Банка для сооруженія пути отъ Варшавы до Границы, признанной правительствомъ необходимой въ стратегичечкихъ цѣляхъ. Капиталу этого общества дарована была правительственная гарантія въ размѣрѣ 4%, но обществу *не удалось* размѣстить своихъ акцій, и оно въ 1842 г. признало себя несостоятельнымъ. Правительство возвратило акціонерамъ внесенный ими капиталъ и съ 1844 г. приступило къ сооруженію дороги на казенный счетъ.

Мысль о необходимости уничтоженія рано или поздно крѣпостного права не чужда была Николаю Павловичу еще до вступленія на престолъ. Первые же дни царствованія должны были его убѣдить въ этомъ, ибо представители молодого поколѣнія, причастные къ движенію декабристовъ, смѣло и настойчиво высказывали ту же мысль, хотя и въ неясной формулировкѣ. И черезъ годъ, 6 декабря 1826 г., императоръ Николай I уже учредилъ секретный комитетъ по вопросу измѣненія быта крестьянъ. Изъ разговора государя съ Киселевымъ въ 1834 г. видно, что Николай I, въ теченіе всего царствованія собирая матеріалы по крестьянскому дѣлу, задумывалъ вести „процессъ“ противъ „рабства, когда наступитъ время,“ но не встрѣтилъ сочувствія не только со стороны министровъ, но и со стороны своихъ братьевъ Константина и Михаила. Тѣмъ не менѣе государь рѣшительно высказалъ Киселеву убѣжденіе, что дѣло это онъ долженъ „передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи.“ Императоръ Николай I, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, при ясномъ сознаніи въ необходимости уничтоженія его, не могъ многаго сдѣлать, ибо высшая администрація, въ лицѣ Чернышевыхъ, Орловыхъ, Перовскихъ и др., тормозила дѣло и сводила на нуль добрыя начинанія, считая, „всякій помыселъ о семъ лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства,“ а помѣщики мало желали пользоваться хоть переходной мѣрой о свободныхъ хлѣбопашцахъ. По причинѣ этого противодѣйствія лицъ, непосредственно окружавшихъ государя и матеріально-заинтересованнаго общества, мечты Никалая Павловича о подготовкѣ паденія крѣпостного и не привели ни къ какимъ строгимъ мѣрамъ; все же сознаніе императора, что онъ обязанъ по мѣрѣ

возможности дѣйствовать въ этомъ направленіи, вызвало цѣлый рядъ отдѣльныхъ, хотя и не особенно важныхъ, но зато многочисленныхъ узаконеній, ограничивавшихъ помѣщичью власть и распространеніе крѣпостного права. Не группируя въ систематическомъ порядкѣ всѣ подобныя предложенія, должно отмѣтить изъ нихъ о воспрещеніи отчужденія крѣпостныхъ безъ земли, о точномъ опредѣленіи закономъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ, объ устройствѣ быта дворовыхъ, о предоставленіи крестьянамъ права собственности, объ опредѣленіи размѣра выкупа на свободу; слѣдуетъ припомнить также и разностороннюю разработку мнѣній о способахъ дарованія крестьянамъ свободы и порядка ихъ увольненія и объ окончательномъ упраздненіи крѣпостного права. Ясность постановки указанныхъ вопросовъ особенно заслуживаетъ вниманія, потому что общественное мнѣніе друзей народа, при всей ихъ искренности, въ лицѣ западниковъ и славянофиловъ (Хомяковъ, Фонвизинъ и др.) было очень неустановившимся. По выраженію К. Д. Кавелина, „благодаря Бѣлинскому, въ немъ засѣло критическое отношеніе ко всей окружающей дѣйствительности въ очень наивной и мечтательной формѣ.“

Въ показаніяхъ генералъ-адъютанта А. Е. Тимашева есть относительно освобожденія крестьянъ слѣдующее важное извѣстіе: „по разсказу (?), слышанному мною отъ гр. П. Д. Киселева, государь Николай Павловичъ сказалъ наслѣднику, что гораздо лучше, чтобы это произошло сверху, нежели снизу“*). Бѣлинскій пишетъ въ 1837 г. одному знакомому: „наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостного права, а между тѣмъ исподоволь

*) Рус. Арх. 1887 г., № 6, стр. 260.

освобождаетъ крестьянъ. И если у насъ будутъ дѣти, то, доживя до нашихъ лѣтъ, они будутъ знать о крѣпостномъ правѣ, какъ о фактѣ историческомъ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ. Посмотри, какъ перемѣнилось общественное мнѣніе: много ли теперь осталось тирановъ— помѣщиковъ, а которые и остались, не презираютъ ли ихъ самые помѣщики? Видишь ли, что въ Россіи все идетъ къ лучшему.“*)

Герценъ и Огаревъ въ крестьянскомъ вопросѣ дѣйствовали подъ вліяніемъ брошюръ сенъ-симонистовъ и мечтали основать зерно общества, подобнаго декабристамъ. Н. П. Огаревъ пытался на практикѣ бороться съ крѣпостнымъ правомъ и еще въ 1840 г. заключилъ съ своими крестьянами рязанской губерніи договоръ объ увольненіи ихъ въ свободные хлѣбопашцы. Условія были весьма не легки, но, если вѣрить свидѣтельству Анненкова, Огаревъ самъ этого не подозрѣвалъ и „радовался своему подвигу.“ Другіе его планы относительно крѣпостныхъ, говоритъ В. И. Семевскій**), остались въ области мечтаній.— Герценъ, широко надѣливъ свободою съ разрѣшенія Голохвастова дворовыхъ своего отца, однако не позаботился передъ отъѣздомъ за границу, задуманномъ имъ еще до смерти старика Яковлева, объ освобожденіи крестьянъ своего костромского имѣнія, на которое впослѣдствіи былъ наложенъ секвестръ. Кстати нужно упомянуть, что близкій пріятель Герцена и Огарева и членъ ихъ кружка Сазоновъ, эмигрировавшій за границу, продолжалъ тамъ, при посредствѣ своихъ сестеръ, получать по 20 тысячъ франковъ дохода съ своего имѣнія: очевидно, и онъ не

---

*) *Пыпинъ* Бѣлинскій I, 125—6, 141, 177, 180—1.
**) „Крестьянскій вопросъ въ Россіи,“ т. II, Петербургъ, 1888 г.

освободилъ своихъ крестьянъ.*) Такимъ образомъ, если лучшіе представители друзей народа изъ помѣщичьяго круга практически не смогли вполнѣ согласовать своихъ теоретическихъ взглядовъ, то несомѣнно, что масса дворянъ не обнаружила стремленія покончить съ крѣпостнымъ правомъ имъ самимъ предоставленнымъ правительствомъ правомъ-путемъ добровольныхъ договоровъ съ своими крѣпостными. Такъ, напр., совершенно своекорыстно отнеслось большинство смоленскаго дворянства, когда императоръ Николай I обратился къ его содѣйствію о примѣненіи закона объ обязанныхъ крестьянахъ; это же замѣтно и въ неизданныхъ запискахъ и проектахъ разныхъ лицъ по поводу указа 2 апрѣля 1842 г. Для полноты характеристики эпохи интересенъ и общій хоть вкратцѣ обзоръ отношенія художественной литературы къ крестьянскому вопросу. Изъ него ясно, что нельзя медленность освобожденія ставить въ упрекъ правительству. Нужно помнить, что трудность этого рѣшенія заключалась въ разумномъ опасеніи правительства, славянофиловъ (Кирѣевскій, Заблоцкій-Десятовскій) и западниковъ (Бѣлинскаго, Герцена Кавелина и др.) дать свободу крестьянамъ безъ земли**) изъ боязни пролетаріата, а въ то же время, изъ нежеланія оставить дворянъ безъ земли, хотя бы и при деньгахъ. Нельзя во всемъ причиной медленности разрѣшенія крестьянскаго вопроса считать исключительно препятствія и цензуры. Общество не лишено было возможности гуманизирующаго вліянія печати, ибо всѣ писатели могли же, какъ это

---

*) Анненковъ „Замѣч. десятилѣтіе," В. Евр. 1880 г., № 4, стр. 469—70.

**) Насколько трудно было рѣшеніе крестьянскаго вопроса, видно изъ того, что даже Сперанскій и Канкринъ въ комитетѣ 1835 г. рекомендовали безземельное освобожденіе по примѣру Остзейскаго края·

сдѣлалъ И. С. Тургеневъ съ 1846 г. по 1852 г., затронуть главнѣйшія стороны быта крѣпостныхъ: тяжесть повинностей, иногда при недостаточномъ количествѣ земли; зависимость отъ барской воли даже въ дѣлѣ женитьбы и лишеніе иной разъ права на нее въ теченіе всей жизни, самодурство помѣщика, тѣлесныя наказанія, горемычную долю дворовыхъ, злоупотребленія сельскихъ начальниковъ и т. п. Все это отразилось у Тургенева въ живыхъ талантливыхъ очеркахъ; едва ли и нужно было ему еще болѣе сгущать краски, если прекрасно извѣстно, что „Запискамъ охотника“ суждено было не только имѣть огромное гуманизирующее вліяніе на все русское общество, но и сыграть даже еще болѣе важную роль въ исторіи крестьянскаго вопроса: по собственному свидѣтельству Тургенева, императоръ Александръ II самъ сказалъ ему, что „съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ „Записки охотника,“ его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ.“*)

Тѣмъ не менѣе нельзя же безусловно требовать отъ правительства рѣшительныхъ мѣръ, когда общественная мысль сама себѣ еще не уяснила, что ей лучше сдѣлать. Даже самъ Тургеневъ передъ отъѣздомъ за границу не освободилъ послѣ смерти матери въ 1850 г., своихъ крестьянъ; быть можетъ, онъ думалъ, что безъ его защиты они сдѣлаются добычею алчности мѣстной администраціи: не даромъ эту мысль онъ влагаетъ въ уста одного изъ героевъ его разсказа „Хорь и Калинычъ“. Откупаться на свободу Хорь не хочетъ, считая повидимому чиновниковъ болѣе для себя опасными, чѣмъ власть помѣщика. „Для чего мнѣ откупаться? Теперь я своего барина знаю и

*) Истор. Вѣстникъ, 1883 г., N. 11, стр. 457.

оброкъ свой знаю... баринъ у насъ хорошій... Попалъ Хорь въ вольные люди... Кто безъ бороды, тотъ Хорю и набольшій."

Подобно Тургеневу, Григоровичъ въ повѣсти „Деревня" описывалъ печальную жизнь крестьянской дѣвушки-сироты въ чужой семьѣ, по капризу барина выдаваемой замужъ; въ повѣсти „Антонъ Горемыка"—рисовалъ судьбу крестьянина, возбудившаго противъ себя преслѣдованія управляющаго за справедливую жалобу барину на притѣсненія и обиды. Но въ 1849 г. въ повѣсти „Четыре времени года" нарисована уже идиллическая картина крестьянской жизни, и лишь въ одномъ мѣстѣ упоминается о 50-ти рублевомъ оброкѣ.

Такъ боролись по мѣрѣ силъ и *умѣнья* честные литературные и общественные дѣятели. Не цензура во всемъ виновата, а и убѣжденіе ихъ, напр., Гоголя, Даля, гр. Соллогуба, съ охотою останавливавшихся на изображеніи, въ родѣ Костанжогло, патріархальныхъ отношеній старозавѣтнаго помѣщика къ крестьянамъ при взаимномъ пониманіи, управлявшихъ *„по опыту старожиловъ, безъ агрономическихъ фокусовъ, безъ филантропическихъ усовершенствованій."**)

Итакъ, сравнивая ходъ и развитіе крестьянскаго вопроса въ царствованія императоровъ Александра I и Николая I, должно отмѣтить прогрессъ въ этомъ дѣлѣ. Вопервыхъ, самъ Николай Павловичъ съ гораздо большимъ вниманіемъ относился къ нему, чѣмъ его предшественникъ, что видно изъ учрежденія цѣлаго ряда секретныхъ комитетовъ, бесѣдъ государя съ Киселевымъ и его рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ предъ изданіемъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ. Начавъ съ под-

---

*) Сочиненія гр. В. А. Соллогуба, изд. Смирдина, 1855 г., т. II. 361—2, 427—8, 445—6, 480—2.

твержденія нѣкоторыхъ изъ недавнихъ постановленій предшествовавшаго царствованія*), Николай I развивалъ и дополнялъ эти узаконенія, ставя преграды дальнѣйшему росту крѣпостничества, говоритъ В. И. Семевскій. Сибирь же почти не знала крѣпостного права, ибо повелѣніемъ государя 1839 г. допущено переселеніе туда помѣщичьихъ крестьянъ, но подъ условіемъ перевода ихъ въ обязанные. Въ результатѣ всего этого былъ тотъ въ высшей степени важный фактъ, что численное возростаніе крѣпостного населенія въ Россіи въ эпоху Николая I не только пріостановилось, но даже ревизіи стали обнаруживать постепенное, хотя и медленное уменьшеніе количества крѣпостныхъ. По 5 ревизіи (1794—6 г.) было крѣпостныхъ 9.789.680; по 6-й ревизіи (1811 г.)—10.416.813; въ 8-ю ревизію (1835 г.) 10.872.229 душъ муж. пола; но въ 9-ю ревизію (1851 г.) крѣпостныхъ уже было менѣе, чѣмъ во время предыдущей—10.708.856 душъ (на 1,5%); а въ 10-ю ревизію (1859 г.)—10.696.139 душъ.

Современники достопамятнаго царствованія, всѣми нервами души перечувствовавъ съ державнымъ руководителемъ болѣзни своего вѣка, и до нашихъ еще дней находились подъ обаяніемъ его нравственно въ общечеловѣческомъ смыслѣ высокой личности. Типъ человѣка николаевскаго времени, какъ переходной эпохи развитія русскаго общества, можетъ быть, нѣсколько односторонній характеръ; по требованіямъ времени и нелегкихъ обстоятельствъ внѣшней политики, даже крайній фрунтовникъ, но строго дисциплинированный, прямой, открытый и практическій умъ, не мудрствовавшій лукаво, но искренно боровшійся, по крайнему своему разумѣнію, съ недостатками родной

*) 2-е П. С. З. т. III, 1696; IV, 2580.

старины, кляузы, крючкотворства, взяточничества и очень недвусмысленнаго отношенія къ казенному добру и общественной собственности.

Для характеристики интересно дѣло въ Государственномъ Совѣтѣ объ отдачѣ *всѣхъ дорогъ* въ вѣдомство путей сообщенія. Раньше дорогиво всемъ государствѣ, кромѣ шоссейныхъ, всегда вѣдались черезъ посредство губернаторовъ, въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій завѣдывало единственно дорогами искусственными. Вдругъ въ 1849 г., *по непосредственному* докладу гр. Клейнмихеля, государь повелѣлъ устройство и завѣдываніе всей дорожной части сосредочить въ главномъ управленіи путей сообщенія, утвердивъ поднесенное графомъ особое положеніе въ видѣ опыта на три года. Въ данномъ случаѣ, намѣренно игнорируя министра Внутреннихъ Дѣлъ, Клейнмихель употребилъ непохвальный образъ дѣйствія, такъ какъ исхищеніе этого утвержденія оказалось неправильнымъ. Наслѣдникъ-Цесаревичъ, присутствуя въ Государственномъ Совѣтѣ, предложилъ, а самъ государь потомъ облекъ въ форму высочайшаго повелѣнія комитету министровъ, чтобы впредь въ случаѣ представленій, касающихся предметовъ двухъ или болѣе вѣдомствъ въ совокупности, они были подносимы всегда за подписью начальника каждаго изъ нихъ. Цѣлью такого повелѣнія, а не буквальнаго занесенія въ журналъ Государственнаго Совѣта рѣчи Наслѣдника, какъ его иниціативы, было и въ этомъ случаѣ охранить всю, такъ сказать, дѣвственность самодержавія, не допустивъ примѣра, чтобы Совѣтъ присвоилъ себѣ, даже и въ лицѣ сына и наслѣдника царскаго, иниціативу въ предметѣ, содержащемъ косвенное обсужденіе хоть и случайнаго акта самодержавной власти. Такъ

былъ строго послѣдователенъ Николай Павловичъ въ своей вѣрѣ въ правду монархическихъ началъ.

Теперь же, даже самые либеральные потомки, болѣе сочувствующіе представительному правленію и изъ-за этого скептически относящіеся вообще къ Николаевской эпохѣ, произнося надъ ней судъ присяжныхъ, за добро поминая добромъ, скорбя о невольномъ злѣ, безъ гнѣва и раздраженія правдиво оглядываясь на пройденный путь, на то, что сдѣлано, и чего не сдѣлано,—нигдѣ въ своихъ о прожитомъ приговорахъ иначе *не могутъ* отнестись къ памяти усопшаго, какъ съ должнымъ уваженіемъ. По крайней мѣрѣ такъ необходимо отнесутся люди съ безусловно горячей любовью къ родинѣ: они инстинктивно оцѣнятъ сродную имъ искренность стремленій царя и человѣка Николая I, *насколько позволяли современныя условія*, всю душу свою полагавшаго на то, чтобъ родная земля цвѣла и крѣпла въ добрѣ и правдѣ, въ просторѣ русскаго ума и народныхъ силъ. Но... даже самая отрицательная печать, въ заграничныхъ изданіяхъ выразившая свои взгляды, и та не можетъ найти другихъ упрековъ, какъ неблагопріятныя условія времени, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ императоръ Николай I. Однажды лѣтомъ на морскихъ водахъ въ Остенде, куда собиралось много польскихъ эмигрантовъ, одинъ изъ нихъ, молодой князь Чарторижскій, за какимъ-то торжественнымъ у нихъ обѣдомъ предложилъ тостъ, предваривъ заранѣе, что его товарищи ему удивятся, и именно: „за здоровье императора Николая, послѣдняго монарха Европы, который еще остается достойнымъ этого титула.“ И этотъ тостъ былъ принятъ съ общею симпатіею. Услышавъ объ этомъ, Николай Павловичъ сказалъ: „неужели же я началъ случайно опу-

скаться, чтобы удостоиться такой чести со стороны этихъ господъ."

Основная мысль русской внутренней и внѣшней политики, по приговору этой критики, за разбираемый 30-й періодъ родилась не на русской почвѣ: она всецѣло заимствована у Австріи, и родоначальникъ ея Меттерних еще со времени Александра I. Главныя черты этой системы сохраненіе государственнаго устройства у себя и у другихъ съ помощью войска, у котораго по разноплеменности нѣтъ отечества; онѣмеченіе своихъ негерманскихъ подданныхъ съ помощью бюрократіи. 1848 г. опрокинулъ разомъ всю эту систему, а безъ русской помощи вполнѣ показалъ бы ся непрочность при разнородной, механически сплоченной массѣ, въ средѣ которой германскій элементъ составляетъ небольшую часть всего населенія. Такова система, на которой возникъ Священный союзъ 1814—15 г. г.: поддержаніе ея, согласно Вѣнскому конгрессу, является завѣщаніемъ прошлаго, унаслѣдованнымъ Николаемъ I. Здѣсь кроется и вся разгадка дальнѣйшихъ событій.

Ничего такого искусственнаго, подобно Австріи, въ Россіи не могло быть никогда: войско у насъ имѣетъ лишь охранительное значеніе для внѣшнихъ враговъ, ибо русская земля живое и мощное тѣло; чисто русскій элементъ народонаселенія составляетъ подавляющее большинство. Россія отличается отъ Австріи рѣдкой органической цѣльностью, естественностью своего состава, безпримѣрнаго въ Европѣ по единству языка и вѣры и по своей сплошной многочисленности. Характеръ германскаго племени, этого зерна Австріи, по преимуществу городовой, строго формальный въ законодательствѣ и администраціи, рѣзкій въ своей особности— стоитъ враждебно къ прочимъ племенамъ, подвластнымъ имперіи, которыя, въ замѣнъ, пи-

таютъ къ господствующему, но численно слабому элементу глубокую неискоренимую антипатію. Характеръ же русскаго народа, спокойнаго въ своей силѣ, отличается общинносельскимъ духомъ, не поддающимся строгой формальной законности, а также рѣдкой уживчивостью съ другими народами, которая не даетъ повода къ озлобленію и ненависти. Да сверхъ того, иноплеменники, живущіе въ предѣлахъ Россіи, даже наиболѣе строптивые, уже своей безопасной малочисленностью никогда не вызывали особенно строгихъ крутыхъ мѣръ.

Наконецъ, личный характеръ Николая Павловича рельефно довершаетъ различіе. Всѣми признаваемая прямота души ставила его на ту нравственную высоту, съ которой австрійскій маккіавелизмъ— „divide et impera“ — невозможенъ: Николай I усвоенную имъ идею всегда проводилъ не іезуитской хитростью, а со всей строгостью, прямотой и удивительной непреклонностью своего ума и воли.

Не смотря на все это, государю пришлось встрѣтить въ своей прямой и идеально-правдивой политикѣ много самыхъ серьезныхъ препятствій, въ концѣ концовъ сломившихъ колоссальное отъ природы физическое здоровье императора, глубоко разочаровшагося во всецѣло ему обязанныхъ и много разъ облагодѣтельствованныхъ имъ союзникахъ, а также въ крушеніи завѣщанныхъ ему идей, служеніе которымъ онъ признавалъ долгомъ своей жизни.

И вся бѣда въ томъ, что въ силу Священнаго Союза Николай Павловичъ, вопреки духу реформъ и народныхъ движеній, часто кроваво заканчивавшихся, въ силу своего взглядао законности лишь постепенно-историческаго развитія правительственныхъ системъ, считалъ себя обязаннымъ поддерживать внѣ Россіи устарѣлую искусственность государственнаго устройства той самой Австріи, которая на каждомъ ша-

гу отступала отъ ею же выработанныхъ статей Вѣнскаго конгресса и такъ предательски—черно отплатила своей спасительницѣ Россіи. Либеральныя партіи поэтому видѣли лишь въ Николаѣ Павловичѣ препятствія въ дѣлѣ широкаго простора реформаторской возбужденности западныхъ народовъ, быть можетъ, ограниченной отъ тяжкихъ крайностей вмѣшательствомъ русской политики. Кто правъ, рѣшитъ исторія. Вотъ этимъ объясняется скептическое иногда отношеніе къ николаевской политикѣ, черезчуръ непреклонной въ своей послѣдовательности. Въ силу Вѣнскаго конгресса приходилось подпирать распадавшіяся на части Турцію и Австрію. И все это послужило къ тому, что онѣ обѣ же противъ Россіи возстали, возбужденныя извнѣ не только народными, государственными и династическими интересами, но и оскорбленной гордостью слишкомъ облагодѣтельствованной Европы. Грустнымъ явленіемъ было то, что этому же настроенію поддались и тѣ, кто долженъ бы былъ менѣе всего сочувствовать европейскому либерализму: не только Англія, но и императорская Франція съ конституціонной Сардиніей; не только Австрія, но и славяне ея—наши братья; не только Турція, но и едновѣрные намъ подданные ея. Идеи Священнаго Союза рушились: Белгія отдѣлилась отъ Голландіи; Саксонія, Ганноверъ, Испанія, Португалія, Данія и Сардинія измѣнили прежнія формы правленія. Во имя того же Священнаго Союза Николай I не могъ сочувствовать указаннымъ перемѣнамъ, а заявленіе имъ своего неудовольствія роковымъ образомъ вызывало взаимную непріязнь. Вотъ такъ создалось отчужденіе и одиночество Россіи, естественно развивавшейся на основаніи особаго и самобытнаго народнаго начала въ связи съ исторически выработаннымъ самодержавіемъ на почвѣ право-

славія въ средѣ западныхъ государствъ, почувствовавшихъ устарѣлость искусственнаго созданія своихъ общественныхъ формъ. Вѣрный полученнымъ завѣтамъ предшествующаго царствованія, императоръ Николай I безъ друзей и союзниковъ во имя чести и вѣрности взятымъ на себя обязательствомъ рѣшительно вступилъ въ Крымскую борьбу. Россія за себя постояла. Но... при прежнихъ клятвахъ на на Вѣнскомъ конгрессѣ искренній русскій царь всякія уступки насильственнымъ переворотамъ считалъ для себя недостойнымъ образомъ дѣйствій. Слишкомъ усложнившіяся обстоятельства Севастопольской войны омрачили послѣдніе дни жизни царя-идеалиста. Нѣтъ надобности оговариваться: никто ни на минуту не усомнится въ искренности и чистотѣ намѣреній усопшаго императора въ отношеніи своихъ подданныхъ: „я ихъ любилъ, какъ дѣтей своихъ, старался, какъ могъ, улучшить ихъ состояніе...“

Царствованіе Николая Павловича, по выраженію барона М. А. Корфа,—періодъ рыцарской доблести, высшаго государственнаго разума, неизмѣнной твердости, неусыпно-терпѣливаго трудолюбія и добросовѣстнѣйшаго самоотверженія.

Съ каждой новой страницей, за послѣднее время все чаще и чаще поминающей одного изъ самыхъ сердечныхъ радѣтелей родной земли, выдвигается обаятельный обликъ преданнаго общественнаго дѣятеля, который, какъ человѣкъ, могъ ошибаться, но это не происходило „отъ недостатка любви къ *своимъ дѣтямъ* или отъ недостатка желанія улучшить состояніе ихъ“...

Такъ императоръ Николай I исполнилъ все, что возможно одному человѣку. Лѣтопись должна разсказать, что и какъ было; исторія оцѣнитъ бывшее и произнесетъ надъ нимъ свой судъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Дѣтство, воспитаніе и образованіе. 3
II. Характеристика личности 9
III. Смерть императора Александра I 20
IV. Состояніе общества при воцареніи и отношеніе государя къ декабристамъ 24
V. Цензурный уставъ и отношеніе Николая I къ писателямъ и поэтамъ 34
VI. Общее, духовное, профессіональное и военное образованіе. . 45
VII. Внутреннія реформы: крестьяне, Управленіе Государственныхъ Имуществъ, Государственный Контроль, округи пахатныхъ солдатъ и сельское хозяйство. 57
VIII. Устроеніе окраинъ государства: Польши, Финляндіи, Прибалтійскаго края и Кавказа. 69
IX Денежная реформа: кредитные билеты и девальвація. Пути сообщенія, почта и законодательная дѣятельность 87
X. Внѣшняя политика и Священный Союзъ 109
XI. Заключеніе 134

188.10

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

1) Къ вопросу о преподаваніи ц.—славянскаго, русскаго и польскаго языковъ.
2) Сношенія Руси съ Западной Римской Имперіей отъ IX до XVI в.
3) Варшавская женская прогимназія (1866—1898 г.г.)
4) Методъ и пріемы чтенія.

Цѣна 1 руб.

4

20070050618